

Книга является наиболее полной историко-археологической сводкой по средневековым памятникам среднего течения Сырдарьи и Каратау. В ней содержится характеристика топографии городищ, их датировка, сделанная на основе хронологической шкалы, разработанной на материалах раскопок Отрара, Ботая и Кос-тобе. В работе ставятся и решаются проблемы, имеющие непосредственное отношение к этногенезу казахского народа.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, историков, а также на широкий круг читателей, интересующихся вопросами археологии и истории Казахстана.

Ответственный редактор
академик АН КазССР
А. Н. НУСУПБЕКОВ

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

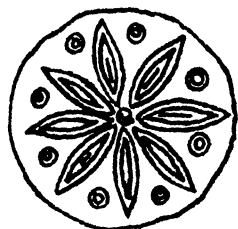
К. А. АКИШЕВ
К. М. БАЙПАКОВ
Л. Б. ЕРЗАКОВИЧ

АЛМА-АТА · 1972

5 10-01
57

ДРЕВНИЙ ОТРАП

(ТОПОГРАФИЯ, СТРАТИГРАФИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ)

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

2
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
1972 г.

Оформление художника М. ПАЛАТКИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Необъятны просторы Казахстана. Богата и разнообразна его природа. Высокие, заросшие лесом и кустарником горные массивы юго-восточных районов сменяются в центральных мелкосопочником, а далее на западе тургайскими степями и мангышлакской полупустыней; орошенная множеством пресных озер лесостепь Северного Казахстана резко контрастирует со знойными и засушливыми пустынями Бетпак-Далы и Кызылкумов. Тут расположены изумительные по красоте золотые боры Борового и Баянаула, Имантау и Жаксы-Жангызтау, переливающиеся под лучами щедрого солнца ковыльные степи Сары-Арки; гладкие, белые от соли, как бы припорошенные снегом такыры Прибалхашья, плодородные поля и тучные альпийские луга седого Тянь-Шаня. Здесь протекают могучие полноводные реки Сырдарья и Или, несущие свои воды в Южном Казахстане и Семиречье, и часто теряющиеся в песках степные реки исторического Дешт-и-Кыпчака. На западе через горы прорывается Урал, а на востоке стремительный Ишим впадает в бурный Иртыш.

Природно-климатическое разнообразие обусловило возникновение трех хозяйственных зон, в которых сложились определенные формы материального производства. Страной кочевников был Центральный и Западный Казахстан, здесь основой общественного развития было кочевое скотоводческое хозяйство. Семиречье и Восточный Казахстан явились зоной полукочевого (яйлажного) скотоводства и богарного земледелия, а Южный Казахстан, в основном долины рек Сырдарья и Таласа, — районами господства оседлости, земледелия и ремесла.

Тесное переплетение и зависимость одной формы хозяйства от другой, т. е. скотоводства от земледелия, и наоборот, у соседних этнически родственных племен стали основной причиной постоянного хозяйственного, культурного и политического взаимодействия кочевников-скотоводов и земледельцев, взаимного влияния и обогащения кочевнической и земледельческой культур на территории Казахстана с глубокой древности. Этот процесс, происходивший в зависимости от внутренних и внешних обстоятельств в разные хронологические этапы в неодинаковых масштабах и с неравно-

мерной интенсивностью, продолжался непрерывно и в конечном счете способствовал сложности общности территории казахского народа.

Различие хозяйственной основы общества привело к конструктивным отличиям памятников городской культуры разных районов Казахстана. В Семиречье бесцитадельные городища — это скорее остатки городов-убежищ, обнесенных длинными крепостными стенами, укрепленными многочисленными башнями. Отсутствие остатков каких-либо капитальных сооружений на городище свидетельствует о том, что внутри крепостных стен были только саманные строения облегченного типа и разборные переносные жилища. Здесь во время вражеского набега укрывались владельцы городов, скотоводческие общины. Только в долине Сырдарьи мы застаем руины развитых средневековых городов со всеми составными частями: цитаделью, шахристаном и рабадом.

Сырдарья — это колыбель древней цивилизации. Она сыграла такую же роль в истории Казахстана, какую Нил для Египта. Долина Сыра — основной древний центр городской культуры и земель орошения Казахстана. Отрар, Сауран, Ясы, Сюткент, Узкент, Дженд, Жанкент и десятки других безымянных городов и поселений, расположенных по ее берегам, — свидетели интенсивного заселения и освоения прибрежных земель.

В книге освещены историческая топография, хронология, этническая атрибуция и перспективы изучения присырдарьинских городов, в особенности городов Отрарского оазиса, среди них в первую очередь городища Отрар. Работа явилась итогом четырехлетних (1966—1967 и 1969—1970 гг.) творческих изысканий коллективов Семиреченской и Отрарской экспедиций.

В 1966 г. один из отрядов Семиреченской экспедиции провел поиски в долине р. Арысь по среднему течению: обследовал и продатировал городища Шор-тобе, Ак-тобе (Боролдайское), Узун-тобе и около пятнадцати поселений и сторожевых башен. Новые данные убедили в большей заселенности и интенсивности жизни этого района в VII—XVI вв., чем это предполагалось раньше, подтвердили верность локализации исторического Кенджида в долине р. Арысь и позволили отождествить его главный город Субаникет с городищем Шор-тобе.

В 1967 г. та же экспедиция занималась сбором подъемного материала и фотофиксацией городищ и поселений, расположенных по берегам Сырдарьи в пределах Отрарского оазиса. Кроме того, поисковые маршруты проводились по правобережью до Кзыл-Орды, затем по северным склонам Каратау до низовьев р. Талас. В результате исследований была пересмотрена хронология некоторых городищ Отрарского оазиса, описаны и продатированы ранее неизвестные и малоизвестные городища Ордакент, Бестам, Нансай, Беркутты и около десяти поселений.

В 1969 г. изучением исторической топографии и стратиграфии древнего Отрара, а также других городищ и поселений Отрарского оазиса и его периферии стала заниматься Отрарская археологическая экспедиция. Она вы-

полнила теодолитную съемку в крупномасштабном плане центральных развалин Отрара и прилегающего района с остатками сооружений общей площадью 200 га; произвела плановую и перспективную аэрофотосъемку городища Отрар-тобе и большинства других городищ и поселений оазиса; организовала поисковые маршруты по южным склонам Каратау, левобережью Сырдарьи от с. Кандоз вниз до городища Аккорган; заложила на северной стороне Отрара стратиграфический раскоп площадью 200 кв. м; провела авиаразведку по среднему течению Сырдарьи, а также низовью и среднему течению р. Арысь. В результате проделанной работы получена уникальная информация о масштабах земель древнего орошения и ирригационной системы в Отрарском оазисе, выполнены фотопланы Отрара, Саурана, Сыгнака и других крупных городищ и поселений (существенно корректирующие известные и до сих пор используемые топопланы этих объектов); обследованы и датированы городища Мейрам-тобе, Кумиян, Аккорган, Тортколь I, Карашик-тобе и семь поселений.

В 1970 г. экспедиция завершила работы по изучению стратиграфии и топографии древнего Отрара и памятников оазиса: стратиграфический раскоп на городище был доведен до материкового грунта, заново отсняты топографические планы городищ и поселений оазиса, осуществлены раскопки и шурфовка на городище Пшакши-тобе, на поселениях Кос-тобе (южное), Жарты-тобе и Ботай-тобе; проведены поисковые маршруты на участке от Кауган-Ата до Узгента. Итоги работ весьма существенны: разработана стратиграфическая колонка Отрара с первых веков нашей эры до XVII—XVIII вв., составленная на материалах из раскопа, расчлененного на хронологически чередующиеся горизонты культурных напластований, иногда датирующихся монетами; на основе аэрофотоснимков уточнены топографические планы всех городищ и поселений Отрарского оазиса, обследованы и датированы городища Узгент, Каршигалы, Котан, Кандоз-тобе, Тортколь-тобе 2, Берчин-тобе, Шага, Шаш-тобе, Карасуан и восемь поселений.

Кроме указанного материала в работе использованы сочинения средневековых авторов и труды наших предшественников, а также археологические и нумизматические коллекции Центрального музея Казахстана, Государственного Эрмитажа, Музея национальной культуры Узбекистана, Чимкентского историко-краеведческого музея.

В монографии дана археологическая характеристика 80 ранее неизвестным и малоизвестным городищам и поселениям; приведены новые данные, существенно дополняющие наше представление о степени развитости городской культуры (в частности, керамического производства) и уточняющие хронологию городищ, а также более точные скорректированные по аэрофотоснимкам топографические планы городищ Отрарского оазиса и его периферии; рассмотрена стратиграфия Отрара, предложена привязка отдельных групп памятников и керамических комплексов к определенным историческим этническим наименованиям, намечены направления развития казах-

станской археологии и узловые историко-археологические проблемы, требующие дальнейших экспедиционных поисков.

Таким образом, данный труд является наиболее полной сводкой накопленной наукой на сегодняшний день информации об Отраре и других городищах и поселениях Отрарского оазиса и его Каратауской периферии. В нем подведены итоги подготовительных работ на Отраре, обычно предшествующих масштабным раскопкам крупных археологических объектов.

Авторы выражают глубокую признательность коллективам Семиреченской (1966—1967 гг.) и Отрарской (1969—1970 гг.) экспедиций, принимавшим активное участие в организации и проведении работ на Отраре, благодаря самоотверженному труду которых стало возможным написание этой книги.

Иллюстрации выполнены Н. И. Игониным (аэрофото), О. В. Медведевым (фото), Т. В. Воробьевой и др. (графика).

ВВЕДЕНИЕ

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЙОНА СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ СЫРДАРЬИ

Древний Отрарский оазис находится в современном Кызылкумском районе Чимкентской области Казахской ССР. Его земли располагаются по берегам среднего течения Сырдарьи. Долина средней Сырдарьи входит в Кызылкумско-Среднесырдарьинскую равнину, которая является частью Туранской низменности. Среднее течение реки начинается у пос. Чардара, где долина сужается (здесь Кызылкумская пустыня близко подходит к плато Приташкентские чули) и тянется до Туркестана, расширяясь до 150 км¹. На этом отрезке (250 км) Сырдарья принимает лишь один приток — Арысь, и именно в районе слияния двух рек расположен Отрарский оазис. Западная часть долины — песчаная пустыня Кызылкумы, восточная — степи. Последняя представляет собой слегка волнистую или совершенно горизонтальную поверхность с бедной и однообразной флорой. Здесь господствуют различные виды полыни, солянки, джантак. В низовьях Арыси обширные пространства занимают заросли дармины — особого вида полыни².

Большая часть долины имеет такыровидные сероземные почвы. По окраинам пойм расположены солончаковые ажрековые луга, а ближе к руслу — тугайные заросли из лоха, ивы, тамариска, туранги и тростника³.

Климат района резко континентальный, пустынный. Зимой температура падает до -25° . Сырдарья обычно замерзает в начале декабря, лед держится до марта⁴. Нередко весной Сырдарья и Арысь выходят из берегов, затопляя большую территорию.

О подобных наводнениях в Отрарском оазисе писал еще Масуди. Он сообщал, что «во время половодий река заливала пространства шириной более 30 фарсахов, и тогда деревни и поместья, расположенные на верши-

¹ «Казахстан». Природные условия и естественные ресурсы СССР. М., 1969, стр. 307—308, 344—349.

² «Россия». Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIX. Туркестанский край. Составил В. И. Масальский. СПб., 1913, стр. 215—216.

³ «Очерки по физической географии Казахстана». Алма-Ата, 1952, стр. 273; В. М. Чупахин. Физическая география Казахстана. Алма-Ата, 1968, стр. 180—181.

⁴ «Россия» . . . , стр. 131—136.

нах холмов, сообщались при помощи лодок»⁵. Такое половодье периодически бывает и в наше время. В 1944 г. Арысь разлилась и затопила в низовье несколько аулов, в 1947 г. под водой оказался весь оазис и старые протоки Сырдарьи⁶. В 1969 г. суровая зима с обильными снегопадами, а затем резкое потепление были причиной сильного паводка, в результате которого вода заполнила рвы вокруг городищ Жалпак-тобе, Оксус, находящихся на значительном расстоянии от русла реки.

Основными источниками водоснабжения оазиса являются Арысь и Сырдарья. Каналы, отведенные от них, снабжали водой города и селения и орошали поля. Только благодаря обилию воды здесь смогла развиваться земледельческая культура. Долина Сырдарьи, роль и значение реки в жизни населения Отрарского оазиса и всего Туркестана описаны средневековыми авторами. У Рузбехана мы находим о Сырдарье следующее: «Река эта протекает... на протяжении 300 ташей и теряется в песках Кара-Курума. На всем этом протяжении в изобилии растут разные кормовые травы и камыши. Из Дарьи выведено много арыков для орошения полей. Ни в одной стране мира нет такой многополезной реки, как Сырдарья; по обилию густых трав, растущих по берегам, и диких птиц — не найдется ей равной; она очень полезна для всякого рода животных и зверей... По берегам, утопающим в разнообразных цветах, обитают разнообразные пернатые животные, дикие ослы, сайгаки и другие животные, растут непроходимые даже для ветра и духов леса, заросли можжевельника. Сырдарья протекает среди туркестанских городов, которые, как высокие деревья на берегу Дарьи, тянутся к небу»⁷.

Отрарский оазис занимает в долине Сырдарьи удобное географическое положение (рис. 1). Вокруг него простираются обширные степи, издревле заселенные скотоводами, которые были тесно связаны в экономическом, политическом и этническом отношениях с местными земледельцами. Степь примыкает к хребту Каратау. Его склоны, обращенные к Сырдарье, изрезаны многочисленными ущельями, из которых вытекают Бугунь, Боролдай, Чайн. Долины рек богаты луговыми травами, зарослями шиповника, здесь встречаются рощи тополя и карагача. Предгорья Каратау представляют собой удобные места для выпаса скота, а долины рек — для земледелия⁸.

⁵ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Соч., т. III, М., 1965, стр. 224.

⁶ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, Алма-Ата, 1958, стр. 149.

⁷ «Прошлое Казахстана в источниках и материалах (V в. до н. э. — XVIII в.)». Под ред. проф. С. Д. Асфендиярова и проф. П. А. Кунте, т. I. Алма-Ата, 1935, стр. 154; К. А. Пищулина. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках. Сб. «Казахстан в XV—XVIII вв.». Алма-Ата, 1969, стр. 12—13.

⁸ М. И. Семенова. Природа и хозяйство Южно-Казахстанской области. Алма-Ата, 1959, стр. 121—122.

Расположение Отрарского оазиса наложило отпечаток на жизнь его обитателей. А. Н. Бернштам верно подметил, что Отрар, находясь у впадения Арыси в Сырдарью и недалеко от устья Бугуни, занимает выгодную позицию и имеет воду для орошения плодородных земель. По Бугуни и Арыси доходили до Таласа, до границ усуньских, а позднее карлукских владений. По Сырдарье издавна шла дорога в Шаш, Фергану и Согд, по ней же на севере проходил путь через аланское Приаралье в приволжские степи, в Горное Приуралье и Северное Причерноморье⁹.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОТРАРА И ОТРАРСКОГО ОАЗИСА

Первые сведения об Отраре содержат литературные источники, относящиеся к первым десятилетиям XVIII в.

В 20-е годы XVIII в. были составлены подробные карты Каспийского моря, Средней Азии и Кавказа. Одной из них явилась рукописная карта под названием «Описание Каспийского моря и Усбекской страны с подлежащими провинциями, точно означены путешествия царя и другие примечания достойные вещи». На карте показана Средняя Азия и Южный Казахстан с реками, озерами, дорогами. На ней видно, что города приурочены к дорогам и речным долинам. На Сырдарье отмечены города Аскент, Фараб, Есвиджаб, Арал и др.¹⁰ Карта насыщена новыми сведениями, взятыми из письменных источников. Названия «Фараб» и «Есвиджаб» заимствованы из средневековой литературы (во время создания карты таких наименований уже не было). Весьма далекую от истины легенду о возникновении городов: Туркестана, Отрара и Саурана приводит П. И. Рычков. В фундаментальном для своего времени труде «Топография Оренбургской губернии» он, со слов переводчика Уразина, пишет: «...сей город [Туркестан] построен был от Жамшид-шаха иранского, который от начала персидской монархии был четвертый государь..., был с войском своим в великой Татарии, за потребное признал для пристанищу войску своему построить три города. Первый из них был Тюркустан [Туркестан], другой Утрар [Отрар], третий Сауран (которые донные есть, и суть малые местечки около Туркестана)»¹¹.

Далее Отрар упоминается в записках Филиппа Назарова, русского переводчика, побывавшего в Коканде в 1813—1814 гг.¹² В числе городов, расположенных недалеко от Кокандского ханства, он называет Отрар.

⁹ А. Н. Бернштам. Древний Отрар. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1951, вып. 3, стр. 82.

¹⁰ В. Н. Федчина. Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967, стр. 52—53.

¹¹ «Топография Оренбургской губернии». Сочинение П. И. Рычкова. 1762. Оренбург, 1887, стр. 18—19.

¹² Филипп Назаров. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968, стр. 38.

Во второй половине XIX в. в связи с полным присоединением Казахстана к России и образованием Туркестанского генерал-губернаторства в составе Сырдарьинской (Туркестанской) и Семиреченской областей интерес к новому краю, его прошлому усиливается. Как писал В. В. Бартольд: «Образование Туркестанского генерал-губернаторства на некоторое время... вызвало в крае оживленную научную деятельность. Главной целью было изучение края в географическом, естественноисторическом и статистическом отношениях, но были приняты меры для изучения быта населения и его прошлого»¹³.

В 1886 г. П. И. Пашино осмотрел развалины Саурана и не согласился с точкой зрения В. В. Вельяминова-Зернова, который отождествил Сауран с Отраром¹⁴.

В 1867 г. Среднюю Азию и Казахстан посетил П. И. Лерх. В своем отчете он описывает развалины Джанкента и Саурана (на Джанкенте им были проведены небольшие раскопки) и приводит некоторые сведения письменных источников о сырдарьинских городах¹⁵. Хотя об Отраре П. И. Лерх ничего не сообщает, ценность его отчета для нас заключается в том, что в нем имеются данные о жизни в Туркестане в средние века.

В 1893 г. на вершине сторожевого холма Караул-тобе рядом с селом Мамаевка был найден клад монет в глиняном кувшине¹⁶. Часть из них определил А. К. Марков. Оказалось, что большинство монет выпущено в Отраре¹⁷.

Находка монет с чеканом Отрара вызвала интерес к самому городу. Выявленный материал был использован при написании очерка по истории денежного обращения в Средней Азии и Казахстане¹⁸.

Следующий период изучения Отрара связан с деятельностью Туркестанского кружка любителей археологии, организованного в 1895 г.¹⁹ Грандиозные развалины Отрара не могли не привлечь внимания его членов. Уже

¹³ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. СПб., 1911, стр. 228—229.

¹⁴ П. И. Пашино. Туркестанский край в 1868 г. СПб., 1869, стр. 60.

¹⁵ П. И. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870; его же. Археологические исследования в Туркестанском крае в 1867 г. «Отчет археологической комиссии за 1867 г.» СПб., 1868, стр. XXII—XXXI.

¹⁶ «Клад из Мамаевки». — «Туркестанские ведомости», 1893, № 67; К. М. Боронин. Находка клада монет близ с. Мамаевка в Чимкентском уезде в 1893 г. «Среднеазиатский вестник», 1896, № 9, стр. 17—18.

¹⁷ Б. В. Лунин. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 8—9, 1969, стр. 175—178.

¹⁸ М. Е. Массон. Исторический этюд по нумизматике джугатаидов. Труды САГУ. Новая серия. III. Истор. науки, кн. 25. Археология Средней Азии. IV. Ташкент, 1957, стр. 41—108.

¹⁹ Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958, стр. 44—47.

в 1896 г. Е. Г. Смирнов, описывая памятники нижнего и среднего течения Сырдарьи²⁰, говорит и об Отраре.

В 1898 г. на городище побывал И. Т. Пославский. В небольшой заметке на страницах журнала, издаваемого кружком, он дает характеристику городищу и приводит интересные сведения о подземном потайном ходе, сохранившемся в развалинах Отрар-тобе, сообщает о грабительских раскопках некоего паломника, искавшего здесь «громадные сокровища», о которых он якобы прочитал в священных книгах, будучи в Мекке²¹.

В 1899 г. Н. С. Лыкошин публикует статью об Отраре, в которой отождествляет его развалины с городом Хамукатом, основанным выходцами из Бухары, покинувшими ее во время правления Або-кагана (Абруя). Н. С. Лыкошин полагал, что потом Хамукат был переименован в Фараб, а после одного из набегов кочевников сожжен и назван Утрар — Отрар (от тюркского «ут» — огонь, пепелище). Отметив важную роль, которую сыграл Отрар в истории, Н. С. Лыкошин высказал пожелание организовать здесь раскопки²².

Но мнения Н. С. Лыкошина об отождествлении развалин Отрара и летописного Хамуката не разделял В. В. Бартольд. Со свойственной ему проницательностью он отнес возникновение Отрара к более раннему времени, чем конец VI в., когда произошло вынужденное переселение жителей Бухары. Он убедительно локализовал Хамукат в долине Таласа²³. В 1902 г. члены кружка А. К. Кларе и А. А. Черкасов сняли план городища и вычертили профиль цитадели (основной бугор), а в 1904 г. произвели раскопки на средства Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии²⁴. Они понимали свою неподготовленность к проведению археологических изысканий и поэтому не особенно надеялись на удачные результаты работ.

²⁰ Е. Г. Смирнов. Древности на среднем и нижнем течении Сырдарьи. «Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии» (далее ПТКЛА). Год II. Ташкент, 1897, стр. 17.

²¹ И. Т. Пославский. Развалины города Отрара. ПТКЛА. Год III. Ташкент, 1898, стр. 236—238. В 1969 г. случайно у подножия южного склона Отрар-тобе был обнаружен ход в тоннель. Участок тоннеля длиной 10—15 м был обследован. Он проложен на глубине 1,5—2 м по направлению к центру городища. Высота его 1,6 м, ширина 2 м. Стены обложены сырцовым кирпичом, свод коробовый. У стен, на уровне пола, положено по два ряда гончарных труб. Звенья их имеют диаметр 20 см и длину 50 см. По всей вероятности, это остатки городской системы водоснабжения, принятой И. Т. Пославским за потайной ход. См. К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ермакович. Археологические открытия в Южном Казахстане. В кн.: «Археологические открытия 1969 года». М., 1970, стр. 398.

²² Н. С. Лыкошин. Догадка о прошлом Отрара. ПТКЛА. Год IV. Ташкент, 1899, стр. 171—174.

²³ В. В. Бартольд. По поводу статьи «Догадка о прошлом Отрара». ПТКЛА. Год IV. Ташкент, 1899, стр. 70—74.

²⁴ А. А. Черкасов. Поездка на развалины Отрара. ПТКЛА. Год VIII. Ташкент, 1903, стр. 70—74; А. К. Кларе, А. А. Черкасов. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 г. ПТКЛА. Год IX. Ташкент, 1904, стр. 13—35.

Раскопки велись траншейным способом. К сожалению, археологи неточно фиксировали материал, поэтому из отчета трудно получить цельное представление о встреченных в раскопах конструкциях. Всего на площади цитадели городища было заложено пять траншей. Первая в центре, на холме, где пересекались хорошо прослеживаемые улицы. Здесь обнаружены остатки строения из сырцового кирпича с полом, выложенным жженым кирпичом. В траншеях 2 и 3, судя по описаниям, выявлены тандыры, остатки сооружений из сырцового и жженого кирпича, «дорожка из крестообразного кирпича», кости животных и т. д., а в траншеях 4 и 5 — большое количество обломков глазурованной керамики. Представление о керамике можно получить по нескольким опубликованным фотографиям.

В группе неполивной керамики имеются хумы яйцевидной формы. Один из хумов со следами косых насечек на тулове, что позволяет датировать его XV—XVI вв.²⁵ Зафиксированы также водоносные кувшины с широким горлом и коленчатой ручкой. Интересен кувшин с двумя ручками и потеками ангоба на тулове. Есть миска-тагора с широким, отогнутым под прямым углом венчиком. На одной из фотографий изображены столовые широкогорлые кувшины и кружки.

Значительную группу керамики составила посуда, украшенная налепами, резьбой, штампом. Это обломки крышек, очажков, достарханов.

Сейчас видно, что описанная керамика из раскопок А. К. Кларе и А. А. Черкасова находит широкие аналогии среди штампованной и резной посуды из раскопок на Куйрук-тобе, сборов на Отрар-тобе и других памятниках оазиса, датированной VIII—XII вв.²⁶

Поливная керамика XV—XVI вв. представлена фрагментами чаш, пиал, блюд. Для этого времени характерно концентрическое расположение орнамента в двух-трех плоскостях. Его элементами являются растительные завитки, круги с листьями, напоминающие «вихревую розетку». Среди опубликованных образцов поливной керамики имеются фрагменты посуды XIII—XIV вв. с присущими данному периоду мотивами росписи²⁷.

В этой коллекции было несколько обломков грубых толстостенных чаш XVII—XVIII вв. На них имелся орнамент в виде спирали в сочетании с горизонтальными линиями, расположенный на внутренней поверхности. Такая посуда в большом количестве встречается на Отрар-тобе²⁸.

²⁵ О датировке хумов с насечками см.: К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 41.

²⁶ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, Алма-Ата, 1958, стр. 181—185, рис. 99—101.

²⁷ Сравни: К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана, стр. 32, табл. VII.

²⁸ Там же, стр. 39, табл. X, рис. 5—6; стр. 41.

Таким образом, траншеи А. К. Кларе и А. А. Черкасова, доведенные до глубины 4,5 м, вскрыли слои городища, датируемые XII—XVIII вв.

Не следует слишком строго подходить к оценке характера и методики раскопок, потому что «они носили сугубо кустарный, дилетантский характер, сводясь главным образом к механическому извлечению предметов древности»²⁹. В тот период методика археологических раскопок в Средней Азии была очень низка. Но все же работы А. К. Кларе и А. А. Черкасова в дополнение к сведениям письменных источников об Отраре явились новым источником информации.

Одновременно с Отраром изучались и другие памятники оазиса. Много интересного выявил А. О. Руднев во время поездки по левому берегу Сырдарьи от урочища Ксты до г. Туркестана. На своем пути он зафиксировал развалины городищ Оксус, Рабат, Кавган-ата, Артык-ата и других, а также остатки оросительных систем и произвел раскопки на городище Оксус, где вскрыл несколько поздних мусульманских захоронений. Керамику из раскопок он разделил на две группы — неполивную и поливную³⁰.

Сведения о сырдарьинских городах имеются и в заметке Д. Н. Люшина, обследовавшего в 1911 г. долину реки от Чиназа до Перовска. В своем отчете он описал городища Чардару, Байркум, Сюткент и Оксус и отметил наличие в районе последнего древних каналов; некоторыми из них в то время еще пользовалось казахское население³¹.

Наиболее полные данные о сырдарьинских городах содержит известная работа И. А. Кастанье³². В ней даны выборка письменных источников об Отраре и обзор археологических исследований, причем большое внимание уделено раскопкам 1903 г., перечислены также левобережные городища среднего течения Сырдарьи. Таковы итоги исследований Отрара в дореволюционный период.

После революции начался новый этап в развитии археологии Казахстана. Стали осуществлять планомерные исследования разновременных и разнохарактерных памятников, вести раскопки в различных районах республики. Однако Отрар долгое время оставался вне поля зрения археологов.

В 30-е годы работы проводились в основном в Центральном Казахстане и Семиречье³³, и только в 1947 г. они начались в Южном Казахстане. Тогда

²⁹ Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958, стр. 123.

³⁰ А. О. Руднев. Заброшенный уголок. «Туркестанские ведомости», 1900, № 15—17; его же. Следы древних городов на Сырдарье. ПТКЛА. Год V. Ташкент, 1900, стр. 57—62.

³¹ Д. Н. Люшин. От Чиназа до Перовска по Сырдарье. «Известия РГО Туркестанского отд.», т. IX, 1913, стр. 96—98.

³² И. А. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XXII. Оренбург, 1910, стр. 155—183.

³³ К. А. Акишев. Археология Казахстана за советский период. СА, 1967, № 4, стр. 62—78.

же Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР совместно с Ленинградским отделением Института истории материальной культуры (сейчас ЛОИА) была организована Южно-Казахстанская археологическая экспедиция (ЮКАЭ). Возглавил ее А. Н. Бернштам.

За шесть лет (1946—1951 гг.) экспедиция провела широкую разведку в Южном Казахстане, ставила шурфы и предварительно датировала городища и могильники.

В статье, посвященной итогам работ, А. Н. Бернштам наметил несколько узловых проблем, из них главные — пути этногенеза Южного Казахстана в древний и средневековый периоды, роль кангюйских племен в этом процессе. Для разработки и решения данных вопросов планировалось проведение многолетних раскопок памятников материальной культуры племен и народов Южного Казахстана с древнейших времен³⁴.

Одним из районов работ ЮКАЭ стал Отрарский оазис — великолепный и выразительный, по словам А. Н. Бернштама, комплекс.

В первый год были обследованы городища оазиса Пшакши-тобе, Алтын-тобе и Куйрук-тобе, а также городища на левом берегу Сырдарьи: Бузук, Оксус, Артык-Ата, Кауган-Ата и Сумагар-тобе. Датировка городищ определялась в широких пределах — скифо-сарматское — монголо-тимуридское время³⁵.

Была разработана схема развития типов поселений и выделено восемь топографических разновидностей памятников, которые различались хронологически и этнически. Так, например, городища в виде многогранника или прямоугольника (Кауган-Ата, Тамды) датировали VIII—X вв. и относили к периоду господства огузов³⁶. Безусловно, столь прямолинейное решение сложных вопросов только на основе топографии памятников неоправданно. Последующие исследования не подтвердили многие предложенные датировки городищ, что в свою очередь исключило их этнополитическую атрибуцию³⁷, основанную на археологическом сопоставлении. Тем не менее мысль об историко-археологическом расчленении памятников юга Казахстана и Отрарского оазиса, высказанная А. Н. Бернштамом, оказалась перспективной.

Керамика, собранная в результате первых разведывательных поездок, описана в работе Е. И. Агеевой. Она разделила ее на несколько хронологических групп. Наиболее ранние из них отнесены к VI в. до н. э. — III в. н. э. (скифо-сарматская), III в. до н. э. — I в. н. э. (кангюйско-хорезмийская), I—V вв. (кушанская). Были выделены также комплексы VI—IX вв.,

³⁴ А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1950, вып. 2, стр. 59.

³⁵ Там же, стр. 76.

³⁶ Там же, стр. 89.

³⁷ Топография городища Кауган-Ата сложилась в XV—XVI вв., подъемный материал датируется этим временем. См. настоящую работу, стр. 162.

X—XI вв. и монголо-тимуридский, датированный первоначально XIII—XVI вв.³⁸.

Е. И. Агеева попыталась определить центры керамического производства. Их оказалось несколько. Это Отрар и памятники его оазиса (Пшакшитобе, Куйрук-тобе, Алтын-тобе и тяготеющий к ним Бузук), северные склоны Каратау, Туркестанский оазис, левобережье Сырдарьи, долина Арыси. В работе дается анализ керамики каждого центра, описываются отдельные ее группы, орнаментация, выясняются культурные связи с соседними районами. Для Отрарского оазиса характерно наличие многообразных видов керамики VI—IX вв., украшенной резьбой и штампом. Классификация керамики, выполненная Е. И. Агеевой, имела немалое значение для развития казахстанской медиевистики. Большой и разнообразный подъемный материал впервые был систематизирован и рассмотрен в хронологическом аспекте. Недостатки периодизации обусловлены отсутствием в то время четко датированных комплексов керамики. Поэтому хронология ее ранних групп весьма условна.

Значительны итоги второго года работ экспедиции. За полевой сезон было зарегистрировано 11 курганных групп и обследовано 24 поселения и городища. А. Н. Бернштам предполагал, что «в основе оазиса лежало поселение подквадратных очертаний, окруженное длинными стенами с тремя продольными рядами помещений», аналогичное «городищам с жилыми стенами» хорезмского типа. Это в дальнейшем не подтвердилось. За стены городищ были приняты остатки ирригационной системы, хорошо сохранившейся в районе городищ Куйрук-тобе и Алтын-тобе, где проходили магистральные каналы. Выбросы земли в виде высоких до 5 м валов очень похожи на стены³⁹. Важными в сезоне 1948 г. были раскопки на поселениях Ак-тобе, Алтынтау и Тарса-тобе. Выявленная керамика имела много общих черт с керамикой долины Сырдарьи, что позволило А. Н. Бернштаму говорить о культуре кангюйско-каратауского типа⁴⁰.

Е. И. Агеева разделила подъемную керамику Отрара на группы, положив в основу классификации окраску и отделку сосудов. Она такая: вся черная, с красной или черной окраской, красным лощением, зеленым ангобом, с полосчатой и фигурной раскраской, поливная⁴¹. Отдельно рассматривалась рыхлая шамотная керамика, котлообразные сосуды, сфероконусы, посуда, орнаментированная штампом.

³⁸ Е. И. Агеева. Керамика городов и поселений среднего течения Сырдарьи и Каратау. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1950, вып. 2, стр. 109—119.

³⁹ Следы каналов и выброса из них особенно хорошо видны на аэрофотоснимках, см. рис. 5.

⁴⁰ А. Н. Бернштам. Древний Отрар. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1951, вып. 3, стр. 97.

⁴¹ Е. И. Агеева. Керамика Отрара (По материалам ЮКАЭ 1948 г.). Там же, стр. 98—110.

Одним из положительных моментов археологического изучения Южного Казахстана в тот период следует признать составление историографических обзоров⁴².

В последующие полевые сезоны (1949—1951 гг.) ЮКАЭ, кроме разведывательных маршрутов, провела раскопки на городищах Куйрук-тобе, Кок-Мардан, Алтын-тобе и могильнике Бурджары (Борижары). Результаты работы позволили говорить о существовании здесь оседлых поселений в первые века нашей эры, уменьшении их числа в VIII—X вв. и концентрации жизни в районе городища Отрар в XIII—XIV вв.

Итоги работ Южно-Казахстанской экспедиции опубликованы в статье Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевича⁴³. Значительное место в ней уделено Отрару и памятникам его оазиса: городищам Алтын-тобе, Пшакши-тобе, Кок-Мардан, Куюк-Мардан и Куйрук-тобе.

На Алтын-тобе на территории шахристана был заложен шурф (5×6 м). В нем обнаружены остатки стен, сложенные из сырцового кирпича и поставленные на зольный слой, под которым выявлены фрагменты стен построек более раннего периода. Эти стены возведены из сырцового кирпича (37—40×18—20×8—9 см). Ниже находился слой золы, лежавший на материке.

Керамика из Алтын-тобе разделена исследователями на три хронологические группы. К наиболее архаичным отнесены сосуды из черного теста, а также с красным лощением. Они датированы первыми веками нашей эры, а более поздняя керамика — VIII—X вв.

На городище Пшакши-тобе шурф (площадь 8 кв. м) доведен до 2,6 м. В нем выделено три слоя. В среднем слое встречены остатки стен из сырцового кирпича (42×43×7 см). Керамика из шурфа датирована I—X вв.

Три раскопа на Кок-Мардане обнажили слои городища на глубину до 3 м. Общая площадь раскопов составила около 45 кв. м. В разрезе прослежены золисто-угольные слои, остатки глинобитных стен. Керамика, основную массу которой составляла кухонная посуда ручной лепки, отнесена к VI—VIII вв. По мнению исследователей, она имеет много общего с посудой Ак-тепе ташкентского и керамикой афригидских слоев городищ Хорезма и из могильника Жуан-тобе.

В раскопе 1 на городище Куюк-Мардан на территории рабада расчищена часть помещения. Стены его сложены из кирпича (40×22×12 см)

⁴² Е. И. Агеева. К истории изучения археологических памятников среднего течения Сырдарьи и Каратау. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1950, вып. 2, стр. 135—142; Е. И. Агеева, Т. Н. Заднепровская. Библиография по археологии и древней истории Сырдарьи и Семиречья. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959, стр. 270—307; «Библиография по истории Казахстана», вып. 1, Алма-Ата, 1964, стр. 3—200.

⁴³ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 27—60, 78—91.

на глиняном растворе, пол земляной с глиняной обмазкой. Глубина раскопа до материка 2,5 м. Керамика городища представлена узкогорлыми кувшинами, обломками венчиков хумов, пиал, подставками котлов.

В раскопе 2 найдены деформированные остатки стен большого здания из сырцового кирпича (38—40×20—22×10—12 см). В 1951 г. в рабаде обнаружена гончарная печь. Городище датировано I в. до н. э. — XII в. н. э. На его поверхности собраны пастовые и каменные бусы, обломки браслетов, пряжек, сережек. По определению Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевича, это — предметы кушанского и тюркского времени.

Наиболее крупные раскопки экспедиция провела на цитадели городища Куйрук-тобе. Площадь раскопа составила 400 кв. м, причем в отдельных частях его глубина достигла 5,2 м. Была вскрыта часть сооружения и в нем расчищено 7 помещений. Одно из них описано. Это помещение 1 (5,6×5,6 м) с массивными стенами, сложенными комбинированной кладкой из чередующихся пахсовых блоков и длинномерного сырцового кирпича (42×24×10 см). Толщина стен 1,2—2,4 м. В центре комнаты расчищен колодец до глубины 5,7 м. В его заполнении найдены обломки поливной керамики саманидского типа. К сожалению, детальная характеристика помещений и строительной техники, а также добытых материалов дана суммарно. Однако, судя по фотографиям, некоторые помещения (коридор?) имели коробовое перекрытие, от которого на стенах сохранились заплечики. Подобная строительная техника характерна для периода раннего феодализма.

В жизни цитадели отмечены три периода: до VIII в.; VIII—IX вв. и X—XII вв.

Исследователями предложена хронологическая классификация керамики. Всего выделено шесть периодов: сакский (VII—IV вв. до н. э.), раннекангюйский (III в. до н. э. — I в. н. э.), позднекангюйский (I—IV вв.), кенгересский (V—VIII вв.), карлукский (VIII—XII вв.), восточно-кипчакский (XIII—XV вв.). Это первая дробная периодизация керамики оседлых поселений и городов юга Казахстана⁴⁴. Она не лишена недостатков, датировка некоторой керамики слабо обоснована, что особенно касается хронологии ранних комплексов. Два периода — сакский и раннекангюйский — вычленены на основании подъемного материала. За критерии ее раннего происхождения взяты низкое качество теста и обжига. «Сакская» керамика представлена несколькими обломками, собранными в Отраре, Сюткенте и Оксусе.

Неубедительно также выделение керамики раннекангюйского времени. Черепки керамики, зачисленные в этот разряд, сделаны из грубого рыхлого теста с примесью дресвы или шамота, а также из плотного красного теста без примесей. Это были грушевидной формы кувшины с короткой и широкой горловиной-раструбом.

⁴⁴ Там же, стр. 158—159.

В настоящее время существует мнение, что наиболее ранняя керамика может быть датирована I в. н. э.⁴⁵ Окончательно спор разрешится лишь после обнаружения хорошо датированных керамических комплексов.

Более аргументированно обособлены два следующих периода, названные исследователями кенгересским и карлукским. Приведенные аналогии с керамикой Семиречья и Тараза достаточно обоснованы. Кроме того, уже имелась посуда из хорошо датированных строительных комплексов на Куйрук-тобе. Однако и в определении данных периодов есть существенные неточности. В кенгересский период (V—VIII вв.) попала посуда, характерная главным образом для VII—VIII вв. Основанием для датировки керамики городищ V—VIII вв. послужили аналогии из Семиречья и Ак-тепе ташкентского. Между тем А. И. Тереножкин приводил для Ак-тепе две даты: V—VI и VII—VIII вв.⁴⁶

Отмечая недостатки периодизации, следует указать, что для того времени это был большой шаг вперед в изучении и хронологизации керамики южноказахстанских городищ.

В работе дана также уточненная классификация памятников. В первых веках нашей эры существовали так называемые тепе с площадкой, в VII—XII вв. им на смену пришли городища с цитаделью, шахристаном и рабдом. В IX—X вв. появляются памятники со своеобразной топографией. Это квадратные в плане городища — торткули, которые можно принять за караван-сарай, рабат и укрепление⁴⁷.

Однако классификация, построенная на топографических признаках и в основном на подъемном материале, мало отражает реальную картину развития оседлых поселений и городов в Южном Казахстане. Отсутствие широких раскопочных работ и достаточно четко датированных комплексов керамики сказалось на датировке многих городищ. Результаты работ Отрарской археологической экспедиции позволили существенно прокорректировать топопланы и хронологию многих поселений и городищ на юге Казахстана и в Отрарском оазисе⁴⁸.

В настоящее время пока еще точка зрения о возникновении поселений в VII—V вв. до н. э. не может быть принята. Городская жизнь в Отраре, Саурани и других крупных городах среднего течения Сырдарьи, как выяс-

⁴⁵ Б. А. Вайнберг и Л. М. Левина. Поселение Актобе 2 (I—IV вв. н. э.). В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 36—71; К. М. Байпаков. Археологическая литература в изданиях АН КазССР в 1946—1962 гг. СА, 1964, № 2, стр. 249; Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи. Автореферат канд. дисс. М., 1967, стр. 15.

⁴⁶ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 162.

⁴⁷ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, стр. 210—215.

⁴⁸ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 20.

нилось, продолжает развиваться и после XIII—XV вв.⁴⁹ и достигает больших размеров в XV—XVII вв., в период образования и усиления казахских ханств⁵⁰ и т. д.

В работе Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевича освещены и вопросы локализации средневековых городов. В этой связи следует сказать о сопоставлении городищ Отрарского оазиса с городами, приведенными в письменных источниках. Весидж — город округа Фараба, расположенный на левом берегу Арыси, отождествлялся с городищем Оксус (в послемонгольское время он был, по мнению исследователей, переименован в Зернук), а Аркук на основании простого созвучия — с городищем Артык-Ата и Бузук-тобе (левобережный)⁵¹.

Вызывает сомнение отождествление Зернука, который встречается в источниках конца XIII—XIV вв., с городищем Оксусом, где жизнь замерла в XII — начале XIII в.⁵² Не состоятельна также попытка локализации Карнака на месте городища Садык (Сейдак-Ата)⁵³. Последнее перестало существовать в VIII в., тогда как Карнак упоминается в источниках до XIX в.

Специальный раздел посвящен орошению, в нем много говорится об ирригации Отрарского оазиса. К сожалению, исследователи не располагали нужным материалом и потому характеризовали ирригационные сооружения, опираясь в основном на данные из других районов Средней Азии и этнографические параллели⁵⁴. Описание остатков каналов, распределительных дамб и других элементов ирригации, и поныне отчетливо прослеживаемых на местности, отсутствует. В последние годы вследствие освоения земельных угодий в районе оазиса многое из того, что существовало два десятилетия назад, исчезло. В целом работа Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевича является существенным вкладом в изучение казахстанского средневековья. Они составили сводку городищ и поселений Южного Казахстана, их визуальные топографические планы, классифицировали керамику и продатировали памятники. Эта книга сыграла положительную роль в развитии археологии республики.

⁴⁹ А. Н. Бернштам. Археологические работы в Южном Казахстане. КСИИМК, вып. XXVI, 1942, стр. 132—133; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Указ. работа, стр. 214.

⁵⁰ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана, стр. 42.

⁵¹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Указ. работа, стр. 123—128.

⁵² К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Указ. работа, стр. 20.

⁵³ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 104.

⁵⁴ Там же, стр. 151—152.

Для изучения средневекового Отрара представляет немалый интерес монография А. Х. Маргулана⁵⁵. В ней дана общая картина развития городской жизни на юге Казахстана, показана роль Отрара в системе караванных путей, намечены его связи с кочевым миром Дешт-и-Кыпчака. А. Х. Маргулан высказал мысль о тесной связи оседлого населения городов Южного со скотоводами степей Центрального Казахстана, об оседании кочевников в сырдарьинских городах⁵⁶.

Вся археологическая информация об Отраре и памятниках оазиса, накопленная к концу 50-х годов, опубликована в «Археологической карте Казахстана»⁵⁷.

В 1953—1954, 1957—1959 гг. продолжала свои работы Южно-Казахстанская археологическая экспедиция, руководимая Е. И. Агеевой.

На северных склонах Каратау был исследован район, тесно связанный в экономико-географическом отношении с долиной средней Сырдарьи и в первую очередь с Отрарским оазисом. В результате раскопок поселения Актобе и городища Баба-Ата удалось проследить на данной территории преемственность в развитии материальной культуры с первых веков до XIII в.⁵⁸

Впервые в Казахстане раскопки велись сравнительно в широких масштабах. Основная часть поселения Ак-тобе была вскрыта полностью. Ознакомление с выявленным керамическим материалом, планировкой и архитектурой жилищ, хозяйством населения обогатило науку новыми данными⁵⁹.

Раскопки на цитадели, шахристане и рабадах Баба-Аты позволили выяснить стратиграфию городища, характер застройки его частей⁶⁰. Найденная здесь в хорошо датированных слоях керамика подтвердила правильность разработанной ранее в основном на материалах городищ Отрарского оазиса хронологической классификации керамики⁶¹.

Важную роль в изучении памятников среднего течения Сырдарьи, расположенных вблизи Отрарского оазиса и имеющих много общего с ним,

⁵⁵ А. Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

⁵⁶ Там же, стр. 73—75.

⁵⁷ «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960.

⁵⁸ Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 3—11.

⁵⁹ Т. Н. Сенигова. Поселение Ак-тобе. В сб.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау», стр. 57—82.

⁶⁰ Е. И. Агеева. Цитадель. Там же, стр. 117—153; Т. Н. Сенигова. Шахристан. Там же, стр. 154—165; Е. И. Агеева. Оборонительные сооружения и рабады. Там же, стр. 166—184; Е. И. Агеева. Некрополь. Там же, стр. 185—187.

⁶¹ Е. И. Агеева. Общий обзор находок. В сб.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау», стр. 188—219.

сыграли работы Чардаринской археологической экспедиции (1959—1963 гг.), возглавляемой А. Г. Максимовой. Материал экспедиции опубликован в книге «Древности Чардары»⁶².

Благодаря раскопкам поселения Ак-тобе 2, датируемого находками в погребении, совершенном в одном из помещений дворцового здания, I—IV вв. керамика с этого памятника может служить основой для датировки керамики из других ранних поселений средней Сырдарьи⁶³.

По данным, полученным в результате раскопок городища Шаушукум-тобе, удалось установить, что городище многослойное. Оно датируется III—VIII вв.⁶⁴

Е. И. Агеева, изучив керамику Шаушукума, пришла к выводу, что она чрезвычайно близка керамике Отрарского оазиса и других городищ юга Казахстана⁶⁵.

Ценные наблюдения были сделаны М. С. Мершциевым на городище Актобе 1. Как считает автор, это типичный памятник IV—XIII вв. Ташкентского оазиса и юга Казахстана. На нем четко прослеживается эволюция от простейшего оседлого поселения к городу⁶⁶.

Важным в работе экспедиции являлось комплексное изучение городищ и близлежащих могильников. Раскопки последних дали богатый материал, который в значительной степени дополнил сведения о культуре, хозяйстве и быте древнего населения долины среднего течения Сырдарьи⁶⁷.

В 1946 г. начались и продолжались с перерывами до 1962 г. исследования памятников джеты-асарской культуры на нижней Сырдарье. Они позволили сделать вывод о связях населения средней и нижней части долины Сырдарьи в первом тысячелетии нашей эры и выявить общие элементы в типах керамики, орнаментике, технических приемах⁶⁸.

Один из исследователей данного района Л. М. Левина, рассматривая в своих работах подъемный керамический материал и комплексы керамики из раскопок памятников Отрарского оазиса и Каратау, предлагает называть кангюско-каратаускую культуру (А. Н. Бернштам) отрарско-каратауской, а керамический материал разделить на три хронологических перио-

---

⁶² А. Г. Максимова, М. С. Мершциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.

⁶³ Там же, стр. 11—79.

⁶⁴ Там же, стр. 90.

⁶⁵ Там же, стр. 118—119.

⁶⁶ Там же, стр. 172.

⁶⁷ Там же, стр. 174—242.

⁶⁸ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 125—140; его же. По древним руслам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 186—198; Т. Н. Сенигова. Керамика городища Алтын-Асар (Опыт археологической периодизации). Автореферат канд. дисс. М., 1953.

да: I—IV, IV—V и VI—VIII вв. Она указывает на близость керамических комплексов джетысарской, отрарско-каратауской и каунчинской культур⁶⁹.

Интересные результаты получил Н. П. Подушкин при раскопках ранних земледельческих поселений Караул-тобе и Торткуль-тобе на Арыси, неподалеку от Отрарского оазиса. Керамика с поселений средней Арыси и ее низовьев (Отрарский оазис) очень близка. На этом основании Н. П. Подушкин говорит об этнической общности населения верхней и средней Арыси с населением района среднего течения Сырдарьи⁷⁰.

В 1969—1970 гг. под руководством К. А. Акишева возобновились работы Отрарской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР. Их целью была подготовка городища древнего Отрара к масштабным раскопкам. Она включала в себя маршрутно-поисковые, археолого-топографические работы, аэрофото съемку и авиаразведку, закладку стратиграфических раскопов и шурфов. Предварительные итоги исследования ежегодно публиковались⁷¹.

---

⁶⁹ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джетысарской культуры. Сб.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 89—90; е е ж е. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. Автореферат канд. дисс. М., 1967, стр. 16; е е ж е. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии нашей эры. М., 1971.

⁷⁰ Н. П. Подушкин. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана. «Известия АН КазССР, серия общественная», 1968, № 5, стр. 71—75; е го ж е. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховой р. Арыси (I—IV вв.). Сб.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 93—107; е го ж е. Ранние оседлые поселения долины Арыси (I—VIII вв.). Автореферат канд. дисс. Алма-Ата, 1970, стр. 18.

⁷¹ См.: К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 3—42; и х ж е. Отрар по итогам работ 1969 года. «Вестник АН КазССР», 1970, № 6, стр. 60—64; и х ж е. Археологические работы в Южном Казахстане. Сб.: «Археологические открытия 1969 года». М., 1970, стр. 397—398.

Г Л А В А I

ДРЕВНИЙ ОТРАР ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ТОПОГРАФИЯ ГОРОДИЩА ОТРАР-ТОБЕ

ФАРАБ — ОТРАР — ОТРАР-ТОБЕ

Отрар — один из немногих средневековых городов Казахстана, локализация которого считается бесспорной. Большинство авторов не сомневается в тождестве Фараб — Отрар¹. В средневековой исторической и географической литературе имеются многочисленные упоминания о Фарабе и Отраре, и хотя именно сведения о событиях до начала XIII столетия носят краткий и отрывочный характер, сопоставление их необходимо. Анализ известий различных источников об Отраре, о событиях, касавшихся его, значительно дополняет археологические данные о топографии и стратиграфии, ибо они формировались в значительной степени под влиянием этих событий. Наиболее ранние сведения о них относятся к VIII в.

Впервые Фараб, видимо, как область упоминается у Табари (IX в.) в связи с арабскими завоеваниями среднеазиатских областей. В 739 г. владелец Шаша был вынужден по желанию арабского наместника Насра б. Сей-яра выслать в Фараб Хариса б. Сурейджа, выступившего в 734 г. в союзе с тюрками против омейядского правительства². У Табари вместе с Фарабом встречается и название Отрар.

Ал-Мамун, наместник Хорасана в 809—818 гг., перед началом войны с халифом ал-Амином жаловался своему везиру ал-Фадлу ибн Сахлю на то, что, несмотря на общую неблагоприятную обстановку в Хорасане и Мавераннахре, «...приходится (бороться против ал-Амина) после разорения Хорасана и мятежа... после отказа джабгу повиноваться, уверток хакана,

¹ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Соч., т. III, М., 1965, стр. 223—224; его же. Фараб. Там же, стр. 525; А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1950, вып. 2, стр. 82; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 159; А. А. Хасанов. Историко-топографическая схема Средней Азии. В сб.: «Топонимика Востока». М., 1969, стр. 157—160.

² Подробности борьбы освещены В. В. Бартольдом в работе «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», т. I, М., 1963, стр. 248—250; Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 357—359.

владельца Тибета..., когда царь Отрарбенда отказался платить подать, которую он обычно платил»³.

Хронологически за повествованием Табари следует привести два небольших отрывка из сочинения Абу-л-Валида Мухаммеда ал-Азраки «Хроника города Мекки»⁴.

Отрывки являются пояснительными надписями к трофеям ал-Мамуна, короне и трону, хранившимся в сокровищнице Каабы. Они составлены ал-Хасаном ибн Сахлем, братом ал-Фадла, и посвящены карательным походам последнего. Там, в частности, говорится о походе на Отрар: «...из области Тарбад [ал-Фадл] (послал) то, что он потребовал с Фараба и Шавгара. И он постарался овладеть областью Отрар; он убил начальника пограничной местности и взял в плен сыновей карлукского джабгу с его женами...»⁵. По мнению А. И. Михайловой, область Тарбад — это «совокупное название Фараба и Шавгара, достаточно четко отождествляемая с Отраром»⁶. С данным утверждением согласен С. Г. Кляшторный. Более того, он предлагает отождествить Тарбад с Кангу-Тарбаном, местностью, названной западной границей Тюркского каганата в начале VIII в.⁷

Вслед за А. Н. Бернштамом С. Г. Кляшторный обосновывает расположение Кангу-Тарбана на Сырдарье между владениями «народа десяти стрел» и Согдом, западнее Чу и Таласа и восточнее Сырдарьи⁸, высказывает предположение о нахождении здесь же и города Тарбанда. Тарбанд, по сообщению Ал-Белазури, упоминавшего его при описании событий, связанных с осадой Кутейбой в 712 г. Самарканда, и являлся столицей Шаша⁹. Однако В. В. Бартольд заметил, что отождествлять Тарбанд с Бинкетом — столицей Шаша — после X в. нет оснований¹⁰. С. Г. Кляшторный, ссылаясь на сведения Мухаммеда ибн Мусы ал-Хорезми (середина IX в.) и Сухраба (первая половина X в.), указывает, что они включили в область Шаша и Тарбанда области Испиджаб и Фараб. По его мнению, Тарбанд носил и другое название — Турарбанд. Для доказательства С. Г. Кляшторный приводит цитату из словаря Якута, где говорится: «Турарбанд... город за Сейхуном, из самых отдаленных городов Шаша, примыкающих к Мавераннахру.

³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 260; А. И. Михайлова. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. «Эпиграфика Востока», т. V, М.—Л., 1951, стр. 11—12.

⁴ А. И. Михайлова. Указ. работа, стр. 12.

⁵ Там же, стр. 17.

⁶ Там же.

⁷ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 159.

⁸ А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана, стр. 98.

⁹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I, М., 1963, стр. 228, примечание 6.

¹⁰ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Соч., т. III, 1965, стр. 219.

Народ этой страны произносит по-разному это имя, и они говорят Турар и Отрар»¹¹.

Предложения о локализации Тарбанда во втором десятилетии VIII в. на средней Сырдарье и отождествление его с Отраром представляют большой интерес¹².

Ал-Макдиси называет город Турар после Саурана¹³ в числе городов округа Испиджаб. В округе Турара находилось селение Зерах, вследствие чего его центр назывался Турар-Зерах¹⁴. Если согласиться с тождеством Турар — Отрар, тогда селение Зерах, видимо, должно соответствовать селению Зернук, о котором Рашид-ад-дин пишет как о городе на левом берегу Сырдарьи, сдавшемся без боя монголам¹⁵. Здесь произошла переправа монгольского войска на левый берег реки. В этой связи интересна интерпретация Маркварта названия «Tarband» как «место переправы»¹⁶.

На наш взгляд, кажется обоснованным считать Тарбанд собирательным названием областей Фараба и Шавгара, тем более что они расположены рядом, на расстоянии дневного перехода¹⁷. Однако из приведенного текста ал-Азраки нельзя сказать, что Фараб и Отрар одно и то же. Они выступают как две самостоятельные области.

Скорее всего в VIII — начале IX в. области Отрар и Фараб различались по своему местоположению и еще не слились в один округ с общим названием; как предполагают, это случилось позднее¹⁸. Границей между ними, видимо, была Сырдарья, поэтому можно предположить, что область Отрар находилась на правом берегу реки, а область Фараб — на левом. Доказательством может быть и нисба Абу Насра ал-Фараби, родиной которого

¹¹ С. Г. Кляшторный. Указ. работа, стр. 158.

¹² Существует также мнение, что Тарбанда и городище Минг-Урюк вблизи Ташкента одно и то же. См.: Ю. Ф. Буряков. Городище Минг-Урюк в Ташкенте. Труды САГУ, вып. LXXXI, 1956, стр. 131.

¹³ С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960, стр. 80.

¹⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 235.

¹⁵ «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (далее: МИТТ), т. I, М.—Л., 1939, стр. 503.

¹⁶ J. Marquart. Über das Volkstum der Komänen. В кн.: W. Bang und Marquart. Osttürkische Dialektstudien. Berlin, 1914, S. 92.

¹⁷ Шавгар отождествляется с Ясы — Туркестаном. См.: G. Le Strange. The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1905, p. 485; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 234, примечание 7; М. Е. Массон. О постройке мавзолея Ходжа Ахмеда в городе Туркестане. «Известия Среднеазиатского отдела Географ. о-ва», т. 19, 1929, стр. 3. Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 94—96.

¹⁸ В. В. Бартольд. Фараб. Соч., т. III. М., 1965, стр. 525.

был город Весидж, расположенный на левом берегу Сырдарьи в области Фараб¹⁹.

Что когда-то Отрар и Фараб различались, можно найти у ал-Истахри и Ибн Хаукаля. Описывая округ Фараб, они указывают на его расположение по обеим берегам реки, а не на одном²⁰. Интересно в данной связи высказывание автора XVI в. Сипахи-заде. Он пишет: «Отрар — укрепленный город и обширная область у границ тюрков в Мавераннахре, (расположен) на р. Сейхун, около Фараба»²¹.

Объединение областей, по-видимому, произошло в первой половине IX в., так как уже Ибн Хордадбех именует Фараб городом, находящимся на правом берегу Сырдарьи. Название Фараб временно заменяет название Отрар. Ибн Хордадбех отмечает: «А в городе Фарабе находятся (одновременно) отряды мусульман и тюрок-карлуков»²².

Однако уже в X в. Фараб фигурирует вновь как область. Ал-Истахри и Ибн Хаукаль помещают округ Фараб в среднем течении Сырдарьи, в двух или трех переходах от Испиджаба, в одном дневном переходе от столицы округа Кенджида — Субаникета (Арсубаникета)²³. Округ Фараб занимал сравнительно небольшую площадь, около дня пути в длину и ширину. Ибн Хаукаль сообщает: «В нем есть укрепления и форты. В стране этой солончак-овая почва и есть болота, и посевы к западу от фарабской реки»²⁴. Главный город округа, по ал-Истахри, носил название Кедер и находился в полуфарсах от реки²⁵. «Между Фарабом, Кенджидой и Шашем, — пишет Ибн Хаукаль [имея в виду под этими названиями имена округов], — хорошие пастбища, (там) около тысячи семей тюрок, которые уже приняли ислам»²⁶.

¹⁹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I, М., 1963, стр. 234; М. Е. Массон. Средневековые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр. Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции, т. XIII, Ашхабад, 1966, стр. 164.

²⁰ МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 183—184, 391.

²¹ Сипахи-заде ал-Брусави. Алдах ал-масалик ила марифат ал-булдан ва-л-мамалик. Рукопись Ин-та востоковедения АН СССР. В-1031, л. 38 а (перевод Б. Кумекова).

²² МИТТ, т. I, стр. 144.

²³ Кенджида расположена на Арыси. См. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Соч., т. III, М., 1965, стр. 233; Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич отождествляют Субаникет с городищем Джуван-тобе. См. «Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г.» Архив отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, д. 54/3, стр. 57; К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 13—15.

²⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 233; МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 183—184, 291; Е. К. Бетгер. Извлечения из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма Ибн Хаукаля. Труды САГУ. Новая серия, III. Исторические науки, кн. 25. Археология Средней Азии. IV, Ташкент, 1957, стр. 24.

²⁵ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 224.

²⁶ МИТТ, т. I, стр. 184.

Следовательно, в географической литературе X в. упоминается округ Фараб с центром в Кедере. Город Фараб, известный в начале IX в. Ибн Хордадбеку, не фигурирует ни у ал-Истахри, ни у Ибн Хаукаля. О том, что Фараб более древний город, чем Кедер, свидетельствует труд ал-Макдиси (конец X в.). Он отмечает, что главный город носил имя округа, т. е. Фараба. Это был крупный город, так как он мог выставить до 70 тысяч войска, имел соборную мечеть в шахристане, базары — в рабаде²⁷. «Кедер, — поясняет ал-Макдиси, — был новым городом, устройство в нем минбара вызвало междоусобные войны»²⁸. Этот факт интересен для истории ислама Казахстана.

Кедер, по-видимому, оставался столицей до конца X в. По крайней мере анонимный автор в «Худуд ал-Алем» сообщает, что «Фараб — богатый округ, главный его город называется Кедер, жители его воинственны и храбры — это место стечения купцов»²⁹.

После X в. Кедер навсегда исчезает со страниц исторических и географических сочинений, и в роли столицы одноименного округа выступает город Фараб.

Большой интерес представляет историческая обстановка, которая способствовала возвышению Кедера и временному оттеснению на второй план Фараба. Обратимся к событиям, происходившим на Сырдарье и в Средней Азии в конце IX—X вв.

Во время политического господства в Средней Азии саманидов Фараб с Кедером входили в округ Испиджаб, который в X в. управлялся своей тюркской династией и пользовался «важными привилегиями, даже свободой от податей». Для саманидов Испиджаб являлся форпостом на северных границах. По словам ал-Макдиси, «это славная пограничная крепость и место войны за веру»³⁰.

Опасаясь набегов тюрков, саманид Нух б. Асад велел построить в Испиджабе «стену вокруг виноградников и пашен жителей»³¹. Не ограничиваясь только оборонительными мерами, саманиды совершают и военные походы в глубь тюркской территории. В 859 г. в области Шавгара было убито несколько тысяч человек³².

²⁷ С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960, стр. 80—81; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. I, М., 1963, стр. 234.

²⁸ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 270.

²⁹ С. Волин. Указ работа, стр. 80.

³⁰ Там же.

³¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 270.

³² Кандия Малая. Пер. В. Вяткина. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VIII, 1906, стр. 242; А. Ю. Якубовский датирует поход на Шавгар концом IX в. См. А. Ю. Якубовский. Об одном раннесаманидском фельсе. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 111.

В IX в. Фараб подчинялся тюркам-карлукам, о которых сообщает Ибн Хордадбех³³. В начале X в., согласно источникам, к ним добавляются огузы. Ибн Хаукаль в числе жителей Фараба, Сайрама, Сюткенда называет и огузов³⁴. По сведениям ал-Истахри, огузы занимали огромную территорию. «Пределы страны гузов, — пишет он, — то, что находится между хазарами и кимаками, страной карлуков и болгар и границами мусульманских стран от Джурджана до Фараба и Испиджаба»³⁵. Далее он уточняет: «Все границы Мавераннахра — место военных действий от Хорезма до окрестностей Испиджаба с тюрками-огузами, от Испиджаба до отдаленных мест Ферганы — с тюрками-карлуками»³⁶.

Данные письменных источников достаточно убедительно свидетельствуют о господстве огузов в IX—X вв. в долине Сырдарьи, предгорьях Каратау, в районе Фараба и Кенджида³⁷. Их широкое расселение связано с образованием в конце IX — начале X в. державы сырдарьинских ябгу³⁸.

Огузская держава просуществовала недолго. Накануне XI в. она пережила сильный кризис. Острый конфликт правящей верхушки с простыми массами оседлого и кочевого населения был следствием развития патриархально-феодальных отношений. Обострение классовых антагонистических противоречий привело к упадку государства огузов³⁹. В этот же период под натиском наступающих кипчаков началось их массовое переселение в мусульманские земли⁴⁰. Таким образом, гибели огузской державы способствовали и кипчаки. По Макдиси, в конце X в. они располагались близ Саурана⁴¹. Ослабленная внутренними противоречиями держава ябгу окончательно пала под ударами кипчакских племен к середине XI в.⁴²

Как видно из экскурса в область политических отношений в долине Сырдарьи и на юге Казахстана, время возвышения Кедера до ранга столицы области Фараб совпадает с периодом сложения и усиления здесь государства огузов.

³³ МИТТ, т. I, стр. 144.

³⁴ Е. К. Бетгер. Извлечения из книги «Пути и страны» . . . , стр. 25.

³⁵ МИТТ, т. I, стр. 167.

³⁶ МИТТ, т. I, стр. 178.

³⁷ С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, стр. 72—75; А. Ю. Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен. СЭ, 1947, № 3, стр. 48—54; С. Л. Волин. К истории древнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 196; С. П. Толстов. Города гузов. СА, 1947, № 3, стр. 56—57.

³⁸ В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Соч., т. II, ч. II, М.—Л., 1963, стр. 563—565; С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 248.

³⁹ С. Г. Агаджанов. Указ. работа, стр. 154.

⁴⁰ В. В. Бартольд. Гу. Соч., т. V, М.—Л., 1968, стр. 525.

⁴¹ В. В. Бартольд. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., т. V, 1968, стр. 93—101; его же. Новый труд о половцах. Соч., т. V, 1968, стр. 400.

⁴² С. Г. Агаджанов. Указ. работа, стр. 158.

Скорее всего, Кедер являлся городом-резиденцией наместника огузского ябгу. В нем, видимо, преобладающим населением были огузы. В период кризиса державы огузов в конце X в. — начале XI в. Кедер также переживает упадок. Вполне возможна борьба за него враждующих группировок и разграбление, но не исключено и мирное перенесение столицы снова в Фараб.

Вероятно, Кедер находился недалеко от Фараба, поэтому его развалины следует искать к северу или северо-западу от городища Отрар-тобе⁴³.

Здесь расположены городища Куйрук-тобе, Алтын-тобе и Куюк-Мардан⁴⁴. По координатам все они могут быть приняты за Кедер. Но следует учесть еще близкое сходство и особенности керамики VIII—X вв. с Отрар-тобе и Куйрук-тобе, отмеченные в свое время Е. И. Агеевой. Нам кажется, это объясняется не переселением бухарских дехкан в Фарабский округ, как считала Е. И. Агеева⁴⁵, а переселением ремесленников-гончаров из одного города (Фараб — Отрар) в другой (Кедер) в момент перемещения центра области.

Имеющиеся, пока еще немногочисленные данные позволяют предположительно отождествить Кедер с городищем Куйрук-тобе, расположенным в 6—7 км северо-западнее Отрар-тобе⁴⁶, но также вполне вероятно его локализация на месте Алтын-тобе или Куюк-Мардана.

В источниках XI в. Фараб известен и как область, и как город. Областью Фараб назван Абу Рейхан Бируни в «Тафхиме», составленном между 1029 и 1034 г. «Шестой иклим, — пишет он, — начинается с обиталищ восточных тюрков: каи, кунов... страны туркмен, Фараба, страны хазар...»⁴⁷.

Мухаммед ибн Неджиб Бекран, использовав в своем сочинении «Джихан-наме» материалы X—XI вв., писал: «Местопребывание огузов вначале было в Тарабе (Фарабе) и на Джендском море, по обе стороны реки Чача»⁴⁸.

Как город Фараб упоминается Якутом вместе с Испиджабом, Таразом, Субаникетом и Саураном в числе городов, разрушенных хорезмшахом Мухаммедом в 1211—1215 гг. во время борьбы с Кучлуком⁴⁹.

⁴³ В. В. Бартольд предлагал локализовать Кедер севернее развалин Отрара. См. «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Соч., т. I, М., 1963, стр. 234.

⁴⁴ А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1950, вып. 2, стр. 76—79; его же. Древний Отрар. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1951, вып. 3, стр. 81—86.

⁴⁵ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, стр. 181—187.

⁴⁶ К. М. Байпаков. О локализации главного города Отрарского оазиса в IX—XII вв. «Археологический сборник». Л., 1964, стр. 105—110.

⁴⁷ См. С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, стр. 84.

⁴⁸ МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 349.

⁴⁹ С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960, стр. 86—87.

И, наконец, в записках Джурджани, относящихся ко второй половине XV в., отмечается: «Чачская река вытекает из Туркестана... проходит через область Узгенда, потом принимает илакский приток (Ангрен), течет по области Ахсикет, потом через Ходжент, потом через Фараб... и (впадает) в Джендское озеро»⁵⁰.

В период конец X — начало XIII в. произошли важные политические и экономические изменения⁵¹.

В конце X в. пало государство саманидов, их владения перешли караханидам, которые еще в 992 г. заняли Испиджаб⁵². К сожалению, в источниках нет сведений о положении на средней Сырдарье в этот период.

По всей вероятности, Фараб, как и другие области, расположенные севернее Испиджаба, к середине XI в. вошел в состав одного из караханидских уделов⁵³.

Нет упоминаний о Фарабе и в источниках XII в. В это время юг Казахстана и Средняя Азия подверглись нашествию каракитаев⁵⁴.

В конце XII — начале XIII в. усилившееся государство хорезмшахов начало борьбу с каракитаями. На страницах исторических сочинений, описывающих походы хорезмшахов за Сырдарью, вновь появляется город Отрар.

Так, у Джувейни в «Истории завоевателя мира» в разделе, посвященном походу хорезмшаха Мухаммеда на каракитаев, сообщается, что, переправившись через Сырдарью, он встретил в долине Иламиш войско каракитайского Таянку и разбил его. На обратном пути отряды Мухаммеда взяли Отрар. Наместником Отрара стал Тадж ад-дин Бильге-хан, двоюродный брат Османа, владельца Самарканда⁵⁵. Отрар подчинился Хорезму недолго. В 1218 г. здесь произошло событие, известное в истории Востока под названием «Отрарская катастрофа»⁵⁶. Ее описывают Ибн ал-Асир и Рашид ад-дин. Первый из них сообщает: «Чингисхан отправил партию купцов и тюрок с большим запасом серебра, бобров и других вещей в города Мавераннахр, Самарканд и Бухару, поручив им купить для него материал на одежду. Пришли они в один из тюркских городов, называемый Отраром

⁵⁰ В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. Соч., т. III, М., 1965, стр. 72.

⁵¹ «История Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1957, стр. 66—75.

⁵² В. В. Бартольд. История Туркестана. Соч., т. II, ч. I, М., 1963, стр. 125—130.

⁵³ А. Н. Бернштам определяет для района среднего течения Сырдарьи XI—XII вв. как время сложения культурной и до известной степени политической автономии. См.: А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1950, вып. 2, стр. 78.

⁵⁴ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1, М., 1963, стр. 386.

⁵⁵ Там же, стр. 429.

⁵⁶ J. H. Kramers. Otrar. Enzyklopaedie des Islam. Bd. III. Leiden — Leipzig. S. 1095.

и составляющий крайнее владение хорезмшаха, у которого там был наместник. Когда к нему прибыл этот отряд, то он (наместник) послал к хорезмшаху уведомить об их прибытии и сообщить ему об их имуществе, которое было при них. Хорезмшах прислал ему приказание убить их, отобрать имущество, находящееся при них, и прислать его к нему. Он (наместник) убил их и отослал то, что при них было»⁵⁷. Для таких действий было основание. По сообщению Нисави, купцы обвинялись в шпионаже и запугивании жителей города «грядущим бедствием». В караване, кроме купцов, находились воины-кочевники, присоединившиеся к посольству по приказу Чингисхана⁵⁸.

Имеются и другие версии, согласно которым караван был разграблен людьми наместника Отрара — инальчика Кайр-хана⁵⁹, польстившегося на богатство⁶⁰.

Чингисхан использовал этот случай как повод для задуманного вторжения во владения Мухаммеда. Осенью 1219 г. его войска стали под стенами Отрара⁶¹.

Джувейни приводит достаточно подробный рассказ об осаде Отрара, в котором содержатся интересные сведения и о топографии городища.

«...Они (монголы) разбили свои палатки вокруг города. Султан дал Кайр-хану 50 тысяч человек из его пограничных войск и послал Карача Хаджиба к нему на помощь еще с 10 тысячами. Цитадель, внешние укрепления и городская стена были хорошо укреплены и было собрано большое количество оружия для войска. Кайр-хан с его отрядом сделал все приготовления к битве внутри города, расположил пехоту и кавалерию на воротах, а сам поднялся на стену; когда он посмотрел вперед, он прикусил кончик пальца от удивления перед открывшимся внезапно видом: насколько он мог охватить взглядом равнину, она вся стала бурлящим морем бесчисленных толп и великолепных войск, тогда как воздух был полон криков и шума (создаваемого) ржанием закованных в броню лошадей и ревом покрытых кольчугами мулов.

⁵⁷ «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды» (далее: СМИЗО), т. I, СПб., 1884, стр. 5.

Рашид ад-дин характеризует это событие подробнее. «В караване, — пишет он, — насчитывалось 450 мусульман. Чингисхан присоединил к тем купцам в качестве послов Махмуда Хорезми, Али Ходжу Бухари и Юсуфа Канка Отрари, отправил их к хорезмшаху с известием». Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, М., 1952, стр. 188.

⁵⁸ И. П. Петрушевский. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1220 гг. и его последствия. В сб.: «Татаро-монголы в Азии и Европе». М., 1970, стр. 106—107.

⁵⁹ Инальчик происходит от персидского слова «иналь», т. е. наместник. Ал-Багдади сообщает, что наместник Отрара имел несколько имен: мусульманское — Тадж ад-дин, тюркское — Яган-тугды, Кайр-хан — прозвище. См.: Рашид ад-дин. Указ. работа, стр. 67, прим. 4. По-видимому, он принял имя Кайр-хан после объявления наместником Отрара.

⁶⁰ К. Д. Оссоп. История монголов, т. I. Иркутск, 1937, стр. 129.

⁶¹ Рашид ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 198; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 474.

Армия расположилась несколькими кругами вокруг крепости. И когда войска собрались, Чингисхан отправил каждого из полководцев в определенном направлении. Своего старшего сына (Джучи) он послал в Дженд и Барчынлыгкент с несколькими туманами храбрых и деятельных воинов; некоторое число своих военачальников послал в Ходжент и Фенакет. Он сам направился в Бухару, оставив Угедея и Чагатая во главе войска, которому была поручена осада Отрара.

Так как конные войска (монголов) должны были быть использованы в других направлениях, гарнизон мог выдержать продолжительную борьбу и сопротивляться в течение пяти месяцев. Наконец, когда положение населения Отрара стало безвыходным, Карача спросил Кайр-(хана) о (возможности) покориться и сдать город монголам. Но Кайр знал, что он был причиной этих трудностей и не мог ожидать, что монголы пощадят его жизнь, и он не знал никакой лазейки, через которую он мог бы спастись. Поэтому он продолжал борьбу изо всех сил.

Карача с большей частью своей армии отправился через ворота Суфи. Татарское войско вошло ночью через эти же самые ворота и взяло Карача в плен... Все виновные и невинные (жители) Отрара, как покрытые чадрой, так и кулаком или тюбаном, были изгнаны из города как стадо баранов, а монголы разграбили все вещи и имущество (их), какое только они могли найти.

Что касается Кайра, то он вместе с 20 тысячами храбрых мужчин и подобных львам воинов нашел убежище в цитадели... И каждый из них до последнего вздоха продолжал сражаться; и по этой причине многие из монгольского войска были убиты. И так борьба продолжалась еще весь месяц — до тех пор, пока остался в живых только Кайр и еще двое, он все продолжал сражаться и не поворачивал назад, чтобы спастись бегством. Монгольские войска вошли в цитадель и загнали его под крышу, но он с двумя своими товарищами все еще не сдавался. И так как воинам было приказано взять его в плен живым, то, повинаясь этому приказу, они не могли убить его. Между тем его товарищи приняли мученическую смерть, а у него самого не осталось оружия. Тогда девушки стали передавать ему кирпичи из стен дворца. ...И после того как он прибег ко многим хитростям, произвел много нападений и уложил многих воинов, он все-таки попал в ловушку, был связан и закован в тяжелые цепи. Цитадель и стены были сравнены с землей, и монголы удалились. А тех из простолюдинов и ремесленников, которые избежали меча, они увели с собой для того, чтобы применить их в качестве хашара или воспользоваться их искусством в ремесле. И когда Чингисхан пришел из Бухары в Самарканд, их пригнали туда тоже.

Что касается Кайра, то они в Кок-Сарае (Самарканд) заставили его испить чашу унижения и облачиться в одеяние вечности»⁶²

⁶² The History of the World — Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata Malik Juvaini. Transl. by J. A. Boyle, vol. I. Manchester, 1958, pp. 82—86.

О судьбе Отрара в первые десятилетия после монгольского нашествия известно мало. Но уже к середине XIII в., несмотря на сильные разрушения 1219—1220 гг., город был восстановлен и, более того, значительно выросла его роль в экономической и политической жизни оазиса. Это выразилось прежде всего в превращении Отрара в крупный центр по чеканке монет, что связано с переходом от преобладавшей при Угедэ системы натуральных податей к денежной⁶³. Первые выпуски металлических номиналов монетным двором Отрара относятся к данному времени. Известна золотая монета, чеканенная в Отраре от имени Менгу-хана, из клада, найденного в 1898 г. в местности Янгиер Чимкентского уезда⁶⁴.

Постепенно восстанавливаются проходившие через Отрар караванные пути на Запад и Восток. Уже в 1255 г. в Отраре побывал армянский царь Гетум (Гайтон), возвращавшийся из ставки Менгу⁶⁵. В его путевом дневнике имеется первое после монгольского нашествия письменное сообщение об Отраре.

Во второй половине XIII в. Отрар был завоеван Алгуем. Рашид-ад-дин так описывает это событие: «Когда Арик-Буга назначил Алгу, сына Байдара, сына Чагатая во главе Чагатайского улуса и отправил от себя (туда) и когда он (Алгу) прибыл в область Туркестан, к нему собралось около 150 000 всадников». Затем Алгу послал войско... в Самарканд, Бухару и область Мавераннахра... ибо Мавераннахр был временно захвачен джучидами Золотой Орды... Когда они (войска Алгу) прибыли в те пределы, то предали смерти всех зависимых людей и нукеров Беркая... Дела Алгу вновь пришли в порядок, и он вновь собрал рассеявшееся войско. Один раз он дал сражение войску Беркая, разбил его и разграбил Отрар»⁶⁶. Однако город не потерял своего экономического значения, что подтверждается обнаружением в ряде кладов монет чекана Отрара.

В Дукентском кладе близ Алмалыка таких монет оказалось 19 (1285/86 г.)⁶⁷, в кладе у с. Мамаевка — 200⁶⁸. Причем последний являлся самым крупным кладом джагатаидских монет (3800 медных и 1860 серебряных)⁶⁹. Определение 449 монет сделал А. К. Марков. Они чеканены в От-

⁶³ В. В. Бартольд. История Туркестана. Соч., т. II, ч. I, М., 1963, стр. 149.

Чеканен в Отраре и динар, выпущенный в 1248 г. (645 г.). См. А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 548.

⁶⁴ Б. В. Лукин. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана. «История материальной культуры Узбекистана» (далее: ИМКУ), вып. 8, 1969, стр. 178.

⁶⁵ J. A. Boyle. The tourney of Hetum I, king of little Armenia to the court of the greate khan Mongke. «Central Asiatic Journal», vol. IX, № 3, 1964, pp. 175—189.

⁶⁶ СМИЗО, т. II, М.—Л., 1941, стр. 73.

⁶⁷ В. Д. Жуков. Дукентский клад монет. ИМКУ, вып. 1, 1959, стр. 176.

⁶⁸ См.: ПТКЛА. Год I, Ташкент, 1896, стр. 48—50; (Н. С. Лыкошин). Находка клада монет в Сыр-Дарьинской области. «Археологические известия», т. I, М., 1893.

⁶⁹ См. К. М. Боронин. Находка клада монет близ с. Мамаевка в Чимкентском уезде в 1893 г. «Среднеазиатский вестник», 1896, № 9, стр. 17—18.

раре, Алмалыке, Бухаре, Кенджиде, Таразе, Фарабе в 1271—1272 гг. и в 1299—1300 гг.⁷⁰

Денежная реформа Кебека, проведенная в 1321—1322 гг., была следствием усиления централизации государства джагатаидов, что проявилось в указании имени главы государства на монетах. Отрар при Кебеке, а позднее при Тармаширине продолжает играть важную роль в экономике Средней Азии и становится главным городом северных округов. В Таласском кладе монет отрарский чекан составил 34%⁷¹. Отрарские монеты обнаружены и в другом кладе из долины Таласа⁷². Последние выпущены в 1354 г. от имени Баянкули, который, по мнению Лэн Пуля, был последним джагатаидским владельцем Средней Азии⁷³.

Являясь крупным экономическим центром, Отрар на протяжении XIII и XIV вв. оставался городом, за право владения которым шла постоянная борьба между джучидами и джагатаидами. Он много раз за этот период переходил из рук в руки. В первые десятилетия XIV в. им владели джучиды. «Аноним Искандера» сообщает о хане Ерзене, сыне Сасы-Буки, что «он был царем крайне умным, праведным, превосходным, богобоязненным. Большую часть медресе, ханака, мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Саурани, Дженде и Барчкенде, устроил он»⁷⁴.

⁷⁰ Находки монет с чеканом Отрара и Фараба представляют большой интерес. Этот факт свидетельствует о все еще сохранившейся традиции двух равнозначных названий города. У Ибн Ийаса (XIII в.) говорится: «Фараб — это то, что называется сейчас Отраром, был великим городом. В нем население из тюрок». См. Ибн Ийас. Натк ал-азхар фи гараиб ал-актар. Рукопись Ин-та востоковедения АН СССР. В-1033, л. 197 (перевод Б. Кумекова). С его сообщением перекликаются сведения компилятора XIV в. Абу-л-Фида: «Фараб, он также Отрар». См. Абу-л-Фида. Таквим ал-булдан. Рукопись Ин-та востоковедения АН СССР, В. 1033, л. 1086—109а (перевод Б. Кумекова).

Имеются и другие данные. Так, известен чекан с названием Кенджиде. Видимо, это название раннесредневекового округа Кенджиде. См.: В. Д. Жуков. Чекан Кенджиде и анэпиграфические монеты в Дукентском кладе. ИМКУ, вып. 2, 1961, стр. 307—312; К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 14; Б. В. Лукин. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана. ИМКУ, вып. 8, 1969, стр. 175—178.

Монеты Отрарского чекана известны в Средней Азии и Казахстане достаточно широко. См. М. Е. Массон. Старый Сайрам. «Известия Средазкомстариса», 1928, вып. 3, стр. 35; Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г. Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1954 г.». Труды ИИАЭ АН ТаджССР, т. XXXVII, 1956, стр. 100.

⁷¹ М. Е. Массон. Исторический этюд по нумизматике джагатаидов (по поводу Таласского клада монет XIV в.). Труды САГУ. Новая серия. III. Исторические науки. Кн. 25. Археология Средней Азии. IV, Ташкент, 1957, стр. 81.

⁷² М. Е. Массон. Указ. работа, стр. 70—71.

⁷³ С. Лэн Пуль. Мусульманские династии. СПб., 1899, стр. 201.

⁷⁴ СМИЗО, т. II, М.—Л., 1941, стр. 129.

Строительство Ерзена в Отраре еще более подчеркивает роль города как крупного экономического и торгового центра на Сырдарье. Он был известен достаточно широко. В маршрутнике Пегалотти Отрар показан наряду с Ургенчем на пути из Таны в Алмалык⁷⁵. Из этого следует, что торговый и дипломатический путь на восток через Отрар в Восточный Туркестан, Монголию, проложенный еще в середине XIII в., функционировал в дальнейшем и способствовал росту экономического и политического значения города.

В 1376 г. Тимур пожаловал отнятые у владетеля Ак орды Урус-хана Отрар, Сауран и Сыгнак Тохтамышу⁷⁶.

В борьбе с сыновьями Урус-хана, сначала с Кутлук-Бугой, а затем с Тохта-Кией Тохтамыш был дважды разбит и вновь бежал к Тимуру. Тогда Тимур решает выступить против Урус-хана сам. Низам ад-дин Шами говорит: «Отправив послов (они требовали выдачи Тохтамыша), он (Тимур) занялся приведением в порядок и собиранием войск, выступил и остановился в Отраре, а с той стороны войско Урус-хана, дойдя до Сыгнака, остановилось»⁷⁷.

Из-за сильных холодов и снега войска простояли друг против друга почти три месяца. Решающего сражения не произошло, но в мелких стычках успех был на стороне Тимура. Урус-хан отступил и вскоре умер. Тохтамыш разбил сына и наследника Урус-хана Тимур-Мелика и по желанию Тимура в 1377/78 г. был провозглашен ханом в Сыгнаке⁷⁸.

Впоследствии Отрар встречается в источниках при описании войн Тохтамыша и Тимура. У Шереф-ад-дина Йезди о набеге Тохтамыша в 1388/89 г. на Мавераннахр сказано, что эмиры Тимура выступили против Тохтамыша. «Они... перешли через Сейхун и на равнине Чуклюкской, лежащей в 5 фарсах от Отрара к востоку, осенью этого года сошлись войска»⁷⁹.

Отрар, как явствует из сообщений, был одной из опорных военных баз Тимура на северных рубежах его государства. В нем имелся сильный гарнизон, который контролировал важную стратегическую переправу через Сырдарью. В 1391 г. после битвы с Тохтамышем войско Тимура возвращалось в Самарканд через Отрар.

Готовясь к походу на Восток, Тимур сконцентрировал свои главные войска в Отраре. В середине января 1405 г. он прибыл в Отрар, принял

⁷⁵ «Cathay and the way Thither. Being a collection of Medieval Notices of China». Transl. and ed. by H. Yule, vol. I, London, 1913, pp. 82—86.

⁷⁶ В. В. Бартольд. Тохтамыш. Соч., т. V, М., 1968, стр. 564.

⁷⁷ СМИЗО, т. II, стр. 106. По «Анониму Искандера», отряды Урус-хана дошли до Саурана. Там же, стр. 136.

⁷⁸ В. В. Бартольд. Тохтамыш, стр. 565.

⁷⁹ СМИЗО, т. II, М.—Л., 1941, стр. 154—155. Видимо, имеется в виду Чиликская равнина, от названия селения Чилик. Согласно источникам, она находится в 5 фарсах восточнее Отрара. См. В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 72.

послов Тохтамыша и обещал поддержку. «Но начертание пера судьбы было другое»⁸⁰. В феврале 1405 г. Тимур скончался в Отраре⁸¹.

В последующие годы Отрар упоминается в источниках в связи с междоусобными войнами Шахруха и Халил-султана. Здесь весной 1405 г. поднял мятеж против Шахруха Шейх Нур ад-дин⁸².

Под его властью Отрар находился, вероятно, четыре года. Весной 1409 г. Шейх Нур ад-дин присоединился к Шахруху, причем без войска, так как потерял его в сражении с Худайдадом на пути из Отрара в Бухару⁸³. Отрар перешел в руки Халиль-султана. Здесь же был заключен мирный договор между Шахрухом и Халиль-султаном, согласно которому Шейх Нур ад-дин остался наместником города. Весной 1410 г. он поднял мятеж против Улугбека и нанес ему поражение при Кызыл-Рабате. В этом же году Шейх Нур ад-дин был разбит и бежал в Моголистан⁸⁴.

Неудачей окончились и попытки могольского хана Мухамеда захватить северные области владений Улугбека. Хотя могольский отряд под началом брата хана Шах-Джехана осадил Сайрам и дошел до Кара-Самана (местность в окрестностях Отрара), все же он был разбит Шах-Меликом и отступил. Вскоре при осаде Саурана был убит пришедший с моголами Шейх Нур ад-дин. В 1411 г. Улугбек стал полновластным правителем области, простиравшейся от Амударьи до Сыгнака на северо-запад, до Аспары на северо-восток⁸⁵.

Отрар в первой половине XV в. по-прежнему выступает как крупный экономический и военный центр района, расположенного к северу от Мавераннахра. Не случайно именно здесь в Отраре и области в 1425 г. зимовало левое крыло войска Улугбека перед походом в Моголистан⁸⁶.

Овладеть городом стремились и кочевые узбеки. Уже в 1426 г. ставленник Улугбека Барак высказывает притязания на сырдарьинские земли, мотивируя свое выступление правами джучидов на данную территорию. Поход Улугбека на Барака окончился поражением его войск; узбеки вторглись в глубь Мавераннахра, и лишь благодаря помощи Шахруха города на Сырдарье остались под контролем тимуридов⁸⁷.

К середине XV в. сырдарьинские города подчинил себе Абу-л-Хайрхан. В «Истории Абу-л-Хайр-хана» Масуда бен Усмана Кухистани говорится: «Когда хаким города [Сыгнака] увидел многочисленность и величественность войск хакана [Абу-л-Хайр-хана], то, выйдя к нему с повиновением

⁸⁰ СМИЗО, т. II, стр. 189.

⁸¹ В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 71; Л. А. Зимин. Подробности смерти Тимура. ПТКЛА. Год XIX, Ташкент, 1914, стр. 37—52, дополнения 53—55.

⁸² В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 80.

⁸³ Там же, стр. 83.

⁸⁴ Там же, стр. 90—92.

⁸⁵ Там же, стр. 95.

⁸⁶ Там же, стр. 105.

⁸⁷ Б. А. Ахмедов. Государство кочевых узбеков. М., 1965, стр. 40.

и послушанием, вручил город..., и Ак-Курган, и Аркук, и Сузак, и Узгент также подчинились деснице власти...»⁸⁸.

Среди завоеванных узбеками городов нет Отрара, Саурана и Яссы. Видимо, некоторое время они оставались независимыми. Это подтверждается и фактом посылки узбеками военной помощи владельцу Отрара, когда тот поднял мятеж против Абу Саида⁸⁹.

Уже в 30—40 годы XV в. Абу-л-Хайру пришлось вести упорную борьбу с султанами чингизидами, среди которых наиболее настойчиво сопротивлялись Джаннибек и Буреке-султан.

Борьба между казахскими и узбекскими феодалами еще более усилилась с распадом государства кочевых узбеков в 1468—1469 гг. Одной из ее причин было стремление враждующих сторон захватить и подчинить сырдарьинские города⁹⁰.

Судя по источникам, и в тот период Отрар наряду с другими городами Туркестана был крупным экономическим и политическим центром.

В 80-е годы Мухаммед Шайбани сначала занял левобережные сырдарьинские города Аркук, Узгенд, а затем Отрар и сделал его опорной базой для дальнейшей борьбы с казахами: «И оставив в Аркуке Мухмуд Бахадур-султана, Мухаммад Шайбани-хан... занял и укрепил Сыгнак... Затем [Мухаммад Шайбани-хан] пошел, объединился с Мухаммад Мазид-беком и перезимовал в Отраре»⁹¹.

О немаловажном значении Отрара говорит такой эпизод из «Таварих-и Гузида»: «В это время, когда [Султан Махмуд-хан] отдал Отрар [Мухаммад Шайбани-хану]... Кул-Мухаммад-тархан был в Сабране. Все люди и муллы и ходжи Сабрана посоветовались: «Отрар опять попал в руки Мухаммад Шайбани-хана. Изо дня в день его могущество увеличивается. Теперь он захватит весь вилайет», — послали человека, привели Махмуд-султана [брата Шайбани-хана] и отдали ему Сабран». Как видно из отрывка, Отрар занимал ключевое положение в Туркестане. Взятие города в данном случае делало Мухаммад Шайбани-хана владельцем и других сырдарьинских городов⁹².

Отрар для тех времен являлся первоклассной военной крепостью и мог выдержать длительную осаду. В «Шайбани-намэ» описывается осада Отра-

⁸⁸ «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.». Алма-Ата, 1969, стр. 159.

⁸⁹ СМИЗО, т. II, стр. 54—55.

⁹⁰ С. К. Ибрагимов. «Михман-наме и Бухара» Рузбехана как источник по истории казахских ханств. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8. Алма-Ата, 1960, стр. 149—150; Б. А. Ахмедов. Указ. работа, стр. 109—110.

⁹¹ «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.», стр. 28.

⁹² По мнению К. А. Пищулиной, притязание на Отрар в то время означало притязание на весь Туркестан. См.: К. А. Пищулина. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII вв. «Казахстан в XV—XVIII вв.». Алма-Ата, 1969, стр. 21.

ра войском Бурундук-хана⁹³. В штурме города участвовало более 30 тысяч человек, «осаждавшие каждый день завязывали большие сражения, однако безуспешно»⁹⁴.

Борьба за присырдарьинские города продолжалась и в XVI в. Отрарк середине XVI в. окончательно перешел в руки казахов⁹⁵. В источниках, характеризующих события XVI в., Отрар упоминается редко. В 1588 г. он назван Хафиз Танышем в связи с войной Абдаллах-хана с Баба-султаном как казахский город⁹⁶.

Стремление враждующих феодалов захватить прежде всего Отрар, борьба за него, грабежи и разрушения сказались на экономике города. Начался его упадок, на первое место выдвинулся город Яссы, который стал центром Туркестана, о чем свидетельствует изменение его названия⁹⁷. Яссы еще раньше определился как религиозный центр⁹⁸, а в XVI в. в нем уже чеканится монета⁹⁹. О росте его как политического и хозяйственного центра говорит тот факт, что он стал «столицей правителей Туркестана»¹⁰⁰. Отрар же в роли незначительного поселения продолжал существовать вплоть до начала XIX столетия.

Сведения о нем содержатся в описаниях русских путешественников о Средней Азии, на старинных картах и в маршрутных книжках. В «Книге Большому Чертежу», составленной в начале XVII в. по материалам XVI в., в списке городов на Сырдарье названы Сунак, Ясырван, Тюркустан, Аркан и другие. «А от Тюркустана 140 верст на реке Сыре город Аркан»¹⁰¹. Некоторые исследователи отождествляют Аркан с Отраром¹⁰². Аркан упомянут, также Спафарием — главой русского посольства, ездившего в Китай в 1675 г.¹⁰³

В описании городков Казачьей орды, составленном в 1696—1697 гг. на основании данных экспедиции Федора Скибина, говорится: «От Тобольска до Тургистану: первый город Савранской дороге с правую сторо-

⁹³ «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.», стр. 117.

⁹⁴ К. А. Пищулина. Указ. работа, стр. 22.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв.», стр. 252.

⁹⁷ К. А. Пищулина. Указ. работа, стр. 19—20.

⁹⁸ М. Е. Массон. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930.

⁹⁹ Р. Э. Бурнашева. Клады медных монет из города Туркестана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 58—68.

¹⁰⁰ С. К. Ибрагимов. «Михман-наме и Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв., стр. 156.

¹⁰¹ «Книга Большому Чертежу». Подготовка к печати и редакция К. М. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 95.

¹⁰² А. Макшеев. Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае. «Известия РГО по отд. статистики», т. XIV, 1878, стр. 31.

¹⁰³ «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.». Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. Б. Арсеньева. «Записки РГО по отд. этнографии», т. X, вып. 1, 1882, стр. 50.

ну Савран; позади того города Саврана вниз по Сырдарье в Каракалпацкую сторону городок Сырнак... Да в полуденную сторону от Тургистану город Отров, а ходу до него день»¹⁰⁴.

В начале XVII в. на рукописной «Карте описание Каспийского моря и Усбекской страны...» на Сырдарье показаны сверху вниз города Аскет, Фараб, Есвиджаб, Арал и другие. Как справедливо отметила В. Н. Федчина, на карту наряду с достоверными новыми данными нанесены средневековые книжные¹⁰⁵. Безусловно, Фараб и Есвиджаб (Испиджаб) попали на карту не как реально существовавшие в то время населенные пункты. То же самое можно сказать о Фарабе, отмеченном на карте Стралленберга (Табберта), относящейся к 1730 г.¹⁰⁶ Но уже на карте геодезиста Ивана Красильникова, датируемой 1753 г., Отрар фигурирует как известный ему поселок¹⁰⁷. Отрар есть также на «Новой карте Российской империи, разделенной на наместничества», составленной в 1786 г. Трускотом, Шмидтом и Шубертом¹⁰⁸.

Интересные известия о городе Отраре имеются в сообщении переводчика М. Арапова, возвратившегося в 1749 г. из поездки к Барак-султану. Он пишет: «Городки Икан, Ташкент, Отрар, Угустау и Созах, в коих живут пахотные люди», принадлежат Бараку¹⁰⁹.

С этими сведениями перекликаются более обстоятельные известия об Отраре, содержащиеся в топографии Оренбургской губернии П. И. Рычкова, датируемой 1762 г. Он довольно подробно описывает «Туркестанское владение», сообщает легенду о постройке Тюркюстана, Утрара и Саурана, пишет о земледелии и промыслах населения. «Прежде, — замечает он, — сия провинция собственно имела в себе городов до тридцати, а ныне более десяти нет. Оными городами владеют ныне киргиз-кайсацкие владельцы»¹¹⁰. По данным П. И. Рычкова, в Отраре в это время насчитывалось 40 семей¹¹¹. По сравнению с Туркестаном (1000 семей), Иканом (300 семей) и Саураном (100 семей) он был совсем незначительным селением.

В начале XIX в. Отрар как «достопримечательный город поблизости Кокандского государства» упомянут Филиппом Назаровым, который

¹⁰⁴ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, Л., 1933, стр. 262—263.

¹⁰⁵ В. Н. Федчина. Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967, стр. 53.

¹⁰⁶ Там же, стр. 54.

¹⁰⁷ Там же, стр. 69.

¹⁰⁸ Там же, стр. 74.

¹⁰⁹ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Алма-Ата, 1961, стр. 487—488.

¹¹⁰ «Топография Оренбургской губернии». Сочинение П. И. Рычкова. 1762, Оренбург, 1887, стр. 18—20.

¹¹¹ Там же, стр. 21. Сообщения П. И. Рычкова опровергают заявления местных жителей о прекращении жизни на Отраре в середине XVIII в. См.: «Россия». Полное географическое описание нашего отечества, т. XIX. Туркестанский край. СПб., 1913, стр. 604.

в 1813 г. совершил поездку из Омска через Петропавловск, Сузак и Чимкент в Коканд¹¹². Сведения его включены в записку коллежского советника Демидова, составленную на имя Александра I, о переносе Сибирской и Оренбургской пограничных линий в глубь Казахстана. Отрар фигурирует в ней как один из возможных опорных пунктов.

Окончательное запустение города, видимо, произошло в первой половине XIX в. Тогда же прекратилась жизнь на Сауране. П. И. Пашино, проезжавший здесь в 1868 г., писал о Сауране как о развалинах¹¹³. С этого времени можно говорить об археологическом памятнике — городище Отрар-тобе.

ТОПОГРАФИЯ ГОРОДИЩА ОТРАР-ТОБЕ

Городище древнего Отрара расположено в 10 км к западу от станции Тимур Казахской железной дороги. На северо-западе оно примыкает к с. Талапты, где находится отделение совхоза.

Сохранность городища удовлетворительная. Его территория не распашана, за исключением южной части (сюда вклинилось совхозное поле). На поверхности городища имеются следы от ям и воронок, оставленных грабительскими раскопками. В юго-восточной части выделяется траншея длиной до 20 м, шириной 3 м и глубиной до 2 м, на одном из ее концов высится бугор выброса. По свидетельству населения, траншея вырыта бульдозером для извлечения жженого кирпича.

С городища снят инструментальный топографический план, проведена аэрофотосъемка памятника с разной высоты (рис. 2—5). Это позволяет дать более детально, чем прежде¹¹⁴, описание развалин.

Отрар-тобе представляет собой пятиугольный в плане бугор, ориентированный углами по странам света с незначительным отклонением¹¹⁵. Его южная сторона равна 380 м, юго-западная — 145 м, западная — 400 м, северо-восточная — 380 м и восточная — 350 м. Наибольшая высота бугра от подошвы (18 м) зафиксирована в точке 8 топоплана, т. е. в юго-западной части, ближе к углу; в среднем его высота колеблется от 10 до 15 м.

Поверхность городища неровная, почти сплошь покрытая обломками кирпичей, керамическим шлаком, фрагментами поливной и неполивной керамики.

¹¹² «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.», стр. 220.

¹¹³ П. И. Пашино. Туркестанский край в 1866 г. СПб., 1868, стр. 59—60.

¹¹⁴ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 78—80.

¹¹⁵ В дальнейшем будем называть его «центральный бугор» в отличие от более мелких бугров прежней застройки.

Рис. 2. Городище Отрар (аэрофото с высоты 1600 м).

Основная масса подъемной керамики датируется XVI—XVIII вв.¹¹⁶ Это и понятно, поскольку город интенсивно жил вплоть до начала XIX в.

Об Отраре домонгольского времени можно получить некоторое представление из письменных источников, в частности сочинения Джувейни. В нем содержится множество данных, которые позволяют судить о размерах города накануне монгольского нашествия.

В Отраре, сообщает Джувейни¹¹⁷, находилось 60-тысячное войско. Оно разместилось в цитадели и внешних укреплениях, под которыми, видимо, следует понимать шахристан и рабады, окруженные стенами.

Количество воинов и описание целого ряда укреплений городища позволяет предположить, что в XII — начале XIII в. Отрар занимал площадь, не меньшую, чем современные развалины. Это подтверждается и наличием повсюду на городище обломков керамики, датируемой XI—XII вв.

Выделить на местности топографию домонгольского города до недавнего времени не представлялось возможным не только потому, что сверху находятся поздние слои, но и потому, что город, если верить Джувейни, был монголами разрушен, «цитадель и стены сравнены с землей». Однако дешифровка аэрофотоснимков основного бугра городища позволяет предположить наметить границы цитадели города. На всех фотографиях почти в центре основного бугра довольно отчетливо виден подтреугольный в плане участок, оконтуренный овальной линией более темного цвета, чем остальная поверхность бугра. Темная линия — не что иное, как следы рва. Цитадель ориентирована сторонами по странам света. Размер сторон: южной — 230 м, восточной и западной — по 220 м.

Что касается шахристана домонгольского города, то, возможно, его границы совпадают с территорией основного бугра.

Топография развалин знакомит с характером городской застройки после разрушения города в 1219—1220 гг.

Городище окружено стеной, лучше всего сохранившейся с северо-восточной и восточной сторон. В некоторых местах крутизна наружного фаса достигает 75—80°. Стена укреплена башнями. От них остались выступающие наружу оплывшие осыпи. В лучшем состоянии оказались башни на юго-западном и юго-восточном углах.

Вокруг основного бугра прослеживаются остатки рва в виде ложины с покатыми краями. Глубина ее ниже основания городища на 2—3 м, ширина 10—15 м. На северо-западной стороне ров целиком заполнен оплывами стены.

¹¹⁶ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ермакович. Отрар по итогам работ 1969 г. «Вестник АН КазССР», 1970, № 6, стр. 60—61.

¹¹⁷ The History of the World — Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata Malik Juvaini. Transl. by J. A. Boyle, vol. I. London, 1958, p. 86.

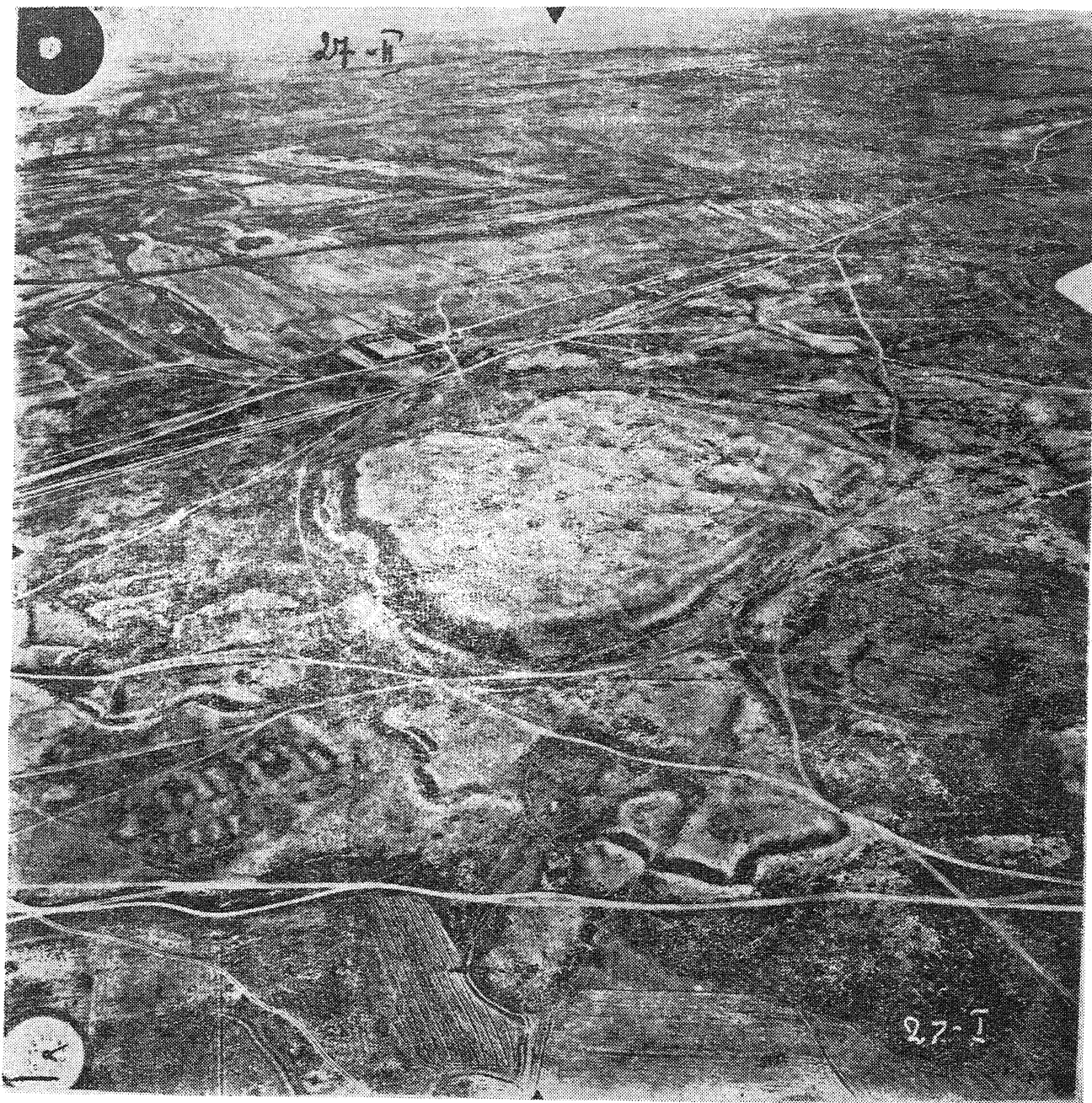

Рис. 3. Городище Отрар (аэрофото с высоты 900 м).

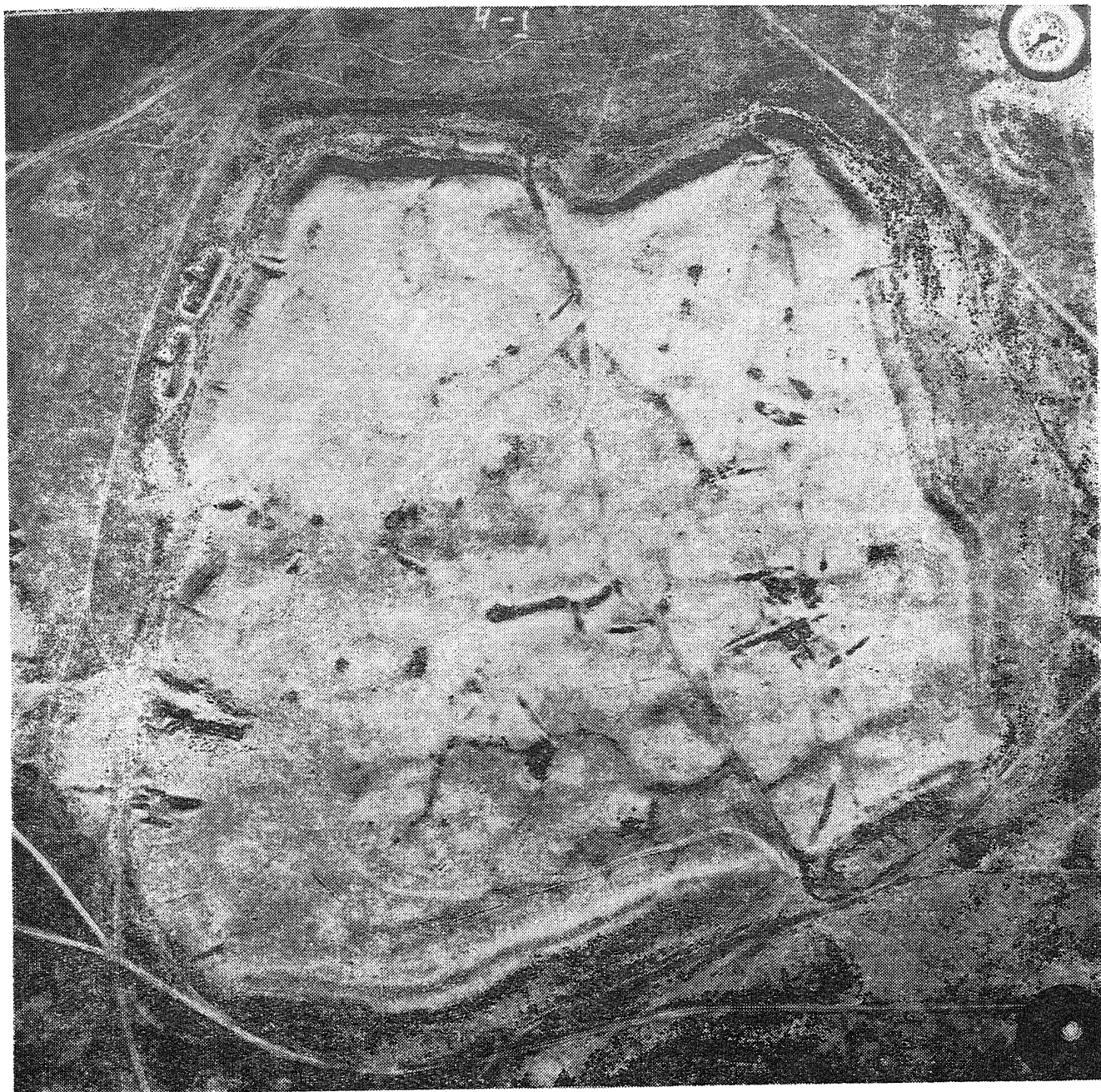

Рис. 4. Городище Отрар (аэрофото с высоты 600 м).

В город вели три въезда. Два устроены напротив друг друга: один — в южной, второй — в северо-восточной стене и третий — в середине западной стороны. Центральными были ворота южной стены. Они располагались в 125 м от южного угла. Судя по всхолмлениям на стене, въезд охраняли две башни. Современный проем-впадина достигает 20 м.

Северо-восточные ворота устроены там, где стена образует уступ, сделанный, видимо, для усиления обороны. Выступ позволял контролировать значительный участок перед въездом.

Третьи, западные ворота, скорее всего, были вспомогательными. Они менее заметны в топографии городища, проем въезда уже, чем у первых двух, он равен 7—10 м.

Перед воротами внутри стены имеется свободная площадь в форме треугольника, основанием примыкающего к воротам.

Из источников известно название одних из ворот Отрара. Джувейни сообщает: когда Карача решил прекратить сопротивление, то вышел из города воротами Суфи-хана (Дарваза-и-Суфи). Название ворот связано с именем почитаемого святого. К западу от города расположен мавзоль Арслан-Баб, возведение которого приурочивается ко времени постройки мавзолея Ахмеда Ясеви¹¹⁸. Но, вероятно, как и мавзоль Ахмеда Ясеви, он построен раньше и ворота Дарваза-и-Суфи должны были выходить в сторону, где стоял этот мавзоль. Если наше предположение верно, то название Дарваза-и-Суфи носили ворота, находящиеся в западной стене.

Центральная, главная, улица пересекает городище и соединяет ворота южной и северо-восточной стен. Она почти прямая и отчетливо прослеживается в топографии памятника в виде ложбины шириной 12 м. От нее под прямым углом отходят в сторону улицы, которые упираются в стены. От них в свою очередь ответвляются мелкие переулки и тупички и делят территорию городища на кварталы разной площади. Наибольшие из них (72×72 м) находятся в западной части городища, у южных ворот. Их объединяет извилистая улица такой же ширины, как и центральная. Всего таких кварталов 5. Другие кварталы в 2—1,5 раза меньше.

К центральному бугру городища примыкает территория, окруженная стеной, которая отчетливо видна на аэрофотоснимках, тогда как на местности заметны лишь ее отдельные участки. С северной стороны к стене подходит современный поселок. Он расположен несколько ниже городища. Здесь стена имеет два прямоугольных выступа, видимо, вследствие естественного рельефа местности. Наибольшая удаленность ее от северного угла городища — 520 м. Стена сохранилась достаточно хорошо и представляет собой оплывший вал шириной 20—25 м и высотой 3—5 м. Снаружи ров на некоторых участках заболочен. Глубина его до 2 м, ширина 10—15 м. В стене заметен разрыв (ширина 10 м), здесь был въезд. По нему и

¹¹⁸ М. Е. Массон. Мавзоль Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930, стр. 21.

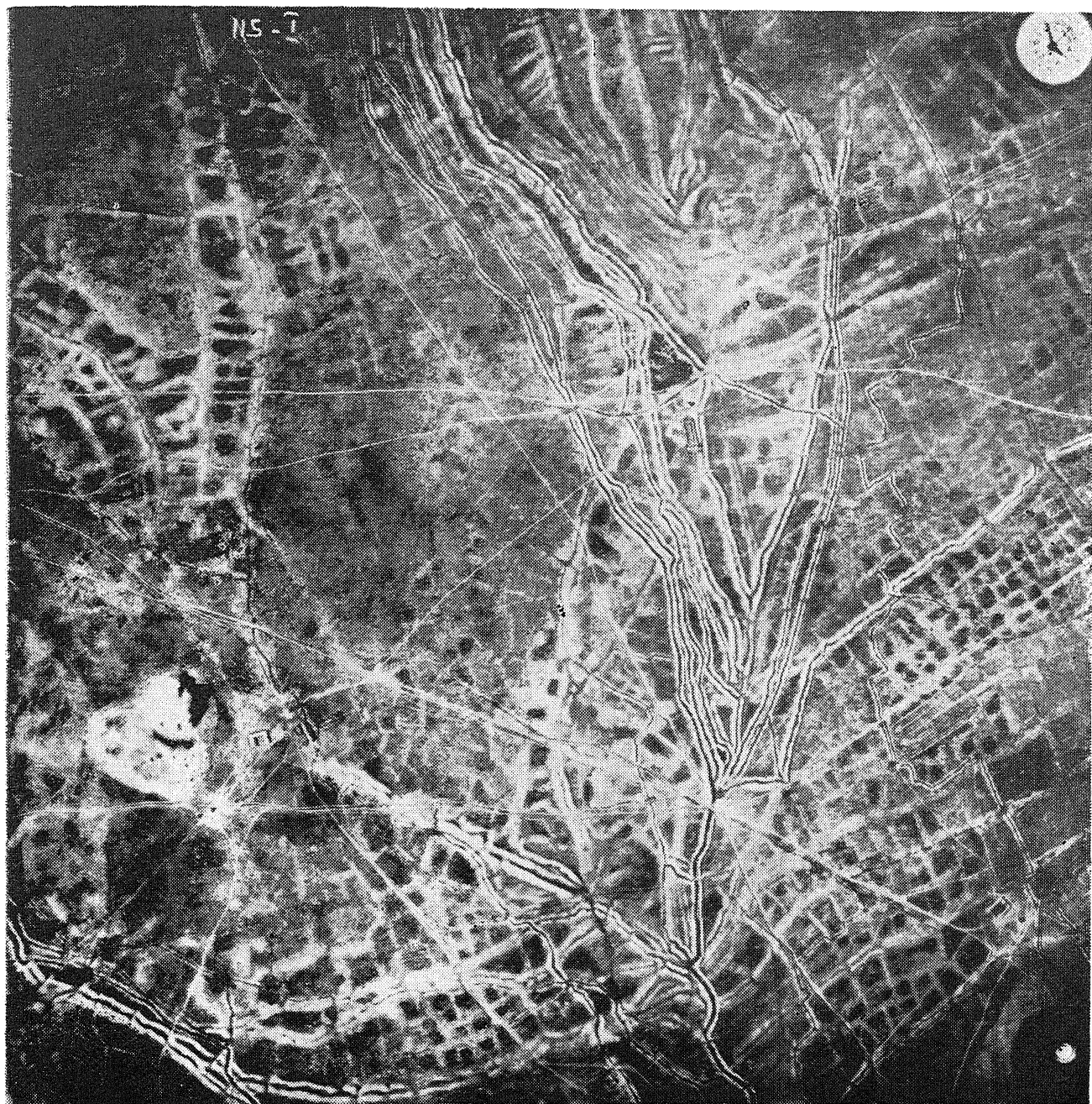

Рис. 5. Городище Алтын-тобе и ирригационные каналы (аэрофото с высоты 2000 м).

в настоящее время проходит дорога из Баяльдера в отделение совхоза. Рядом с въездом находятся остатки сооружений в виде прямоугольного в плане бугра ($150 \times 120 \times 2-2,5$ м). В свою очередь он расчленен узкими углублениями на несколько всхолмлений, которые, видимо, соответствуют древней планировке улиц.

В хорошем состоянии восточный участок внешней стены. Изнутри к ней примыкают кварталы застройки, разделенные двумя пересекающимися улицами. Наибольшая удаленность стены с востока — 750 м, считая от середины восточной стены главного бугра.

Южный участок вала сохранился плохо. Здесь территория городища распахана. На аэрофотоснимке направление вала демаскируется светлой полосой. На юг городище протянулось на 500 м, если считать от въезда до наиболее удаленной точки внешнего вала.

С западной стороны наружный вал почти не разрушен. От застройки осталось несколько уплощенных бугров различной конфигурации и размера.

У южной стены главного бугра на расстоянии 80—100 м сохранился восьмеркообразный котлован (500×200 м) с плавно понижающимися стенками. Сейчас он зарос травой. Это бывшее водохранилище. Оно наполнялось водой из магистрального канала, устроенного жителями Отрара. Внутри стен имелись обширные сады, о которых сообщается в «Анониме Искандера» при описании эпизода из борьбы за власть Тимура и Урус-хана. Тимур послал в Отрар одного из военачальников добыть языка, последний, встретив в Отраре воинов Урус-хана, «среди домов и садов устроил засаду»¹¹⁹.

К сожалению, источники содержат чрезвычайно мало конкретных сведений о топографии Отрара, и поэтому выяснение характера застройки города зависит от результатов будущих раскопок.

¹¹⁹ СМИЗО, т. II, М.—Л., 1941, стр. 136.

ВОПРОСЫ СТРАТИГРАФИИ И ХРОНОЛОГИИ
ДРЕВНЕГО ОТРАРА

СТРАТИГРАФИЯ ОТРАРА

Стратиграфический раскоп 1 был заложен в северной части центрального бугра городища, ближе к склону таким образом, что его северо-западный край примыкал к промоине, прорезавшей холм от хребта до подножия, а юго-восточная сторона частично захватывала склон бугра, скрывавшего остатки построек. Участок городища в данном месте представляет собой плоскую, понижающуюся к северу площадку (рис. 2). При выборе места для раскопа учитывались удобство транспортировки земли за пределы центрального бугра и возможность увязки городской застройки на этом участке с конструкцией оборонительной стены, остатки которой отчетливо прослеживались в срезам промоины¹.

Раскоп в виде прямоугольника (24×8 м) был вытянут длинной стороной с северо-запада на юго-восток и пронивелирован относительно условной нулевой отметки, которая оказалась ниже восточного угла раскопа на 25 см. Учет материала велся по ярусам (50 см) и уровням полов.

Верхний слой раскопа до глубины 25 см от дневной поверхности состоял из надувного лёсса и пухлой рыхлой корки, скрепленной растительностью. Строительных и каких-либо других остатков конструкций нет (рис. 6).

В южном углу раскопа находилась мусорная яма большого диаметра, глубиной до 2,5 м, возле которой была расчищена утопанная поверхность пола. Яма прорезала зольно-гумусные слои, стенки ее оказались очень рыхлыми и проследить их не удалось. В зольно-гумусном заполнении ямы было довольно много разновременной керамики.

На уровне устья ямы собраны многочисленные фрагменты посуды, в том числе поливных сосудов XV—XVIII вв., обломки каменных жерновов и пестиков, а также кости домашних животных. Встречены обломки жженных кирпичей, керамические шлаки. Хотя находки в слое многочисленны, однако цельной картины составить нельзя, так как получен обычный для городищ разновременный подъемный материал.

¹ С целью выяснения характера крепостной стены был заложен раскоп 2, который вел М. С. Мерцнев.

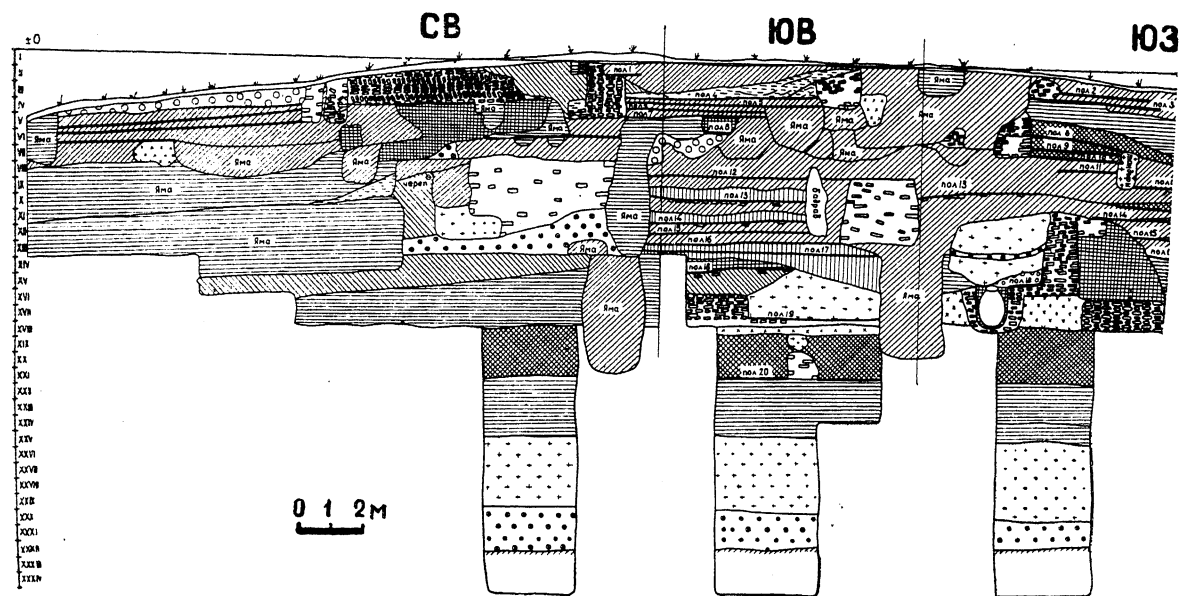

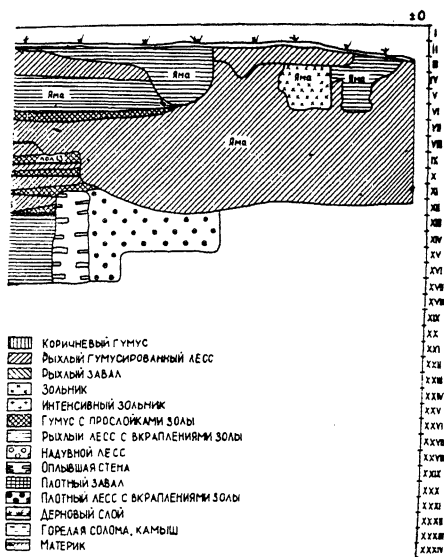
Рис. 6.
разрез раскопа 1.

Первый строительный горизонт (пол 1) обнаружен в ярусе I, в юго-восточной части раскопа. Это остатки двух плохо сохранившихся помещений со стенами высотой 20—30 см. Они сложены из прямоугольного сырцового кирпича (30×18×9 см), желтого цвета, плашмя «тычком» в два ряда, на глиняном растворе. Стены ориентированы по сторонам света (с небольшим отклонением).

На уровне пола 1 найдена небольшая коллекция керамики, в том числе поливная, которая и датирует слой (рис. 83, 84). Чаши широкие и неглубокие, на кольцевом или дисковидном поддоне, с врезным желобком, блюда с низкими бортами и закраиной-площадкой. Сосуды покрыты главным образом неокрашенной поташной поливой грязноватых, блеклых оттенков и росписью марганцем, голубой и бирюзовой красками в виде волнистых линий, спиралей, соляных знаков. Поливная посуда этого типа хорошо известна по материалам XVII—XVIII вв. верхнего слоя Сузака², она также преобладает в подъемной керамике Сайрама, Туркестана, Икана, Сыгнака, Саурана и других городищ, существовавших вплоть до XVIII в.³

² Л. Б. Ерзакович. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 81.

³ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 41—42, табл. X.

Стратиграфический

Второй строительный горизонт (ярус II) представлен постройками с двумя одновременными полами, но единой планировки с небольшими перестройками. На уровне пола 2 (0,7 м от репера) зафиксированы остатки помещений, тандыров, хозяйственных ям (рис. 7).

Помещение 1 — прямоугольный в плане айван (6×4 м). Его западная сторона открыта во двор. Кровля плоская и опиралась на деревянную колонну, основание которой, обложенное жженым кирпичом, сохранилось в центральной части помещения. В пол у северо-восточной стены вкопаны две хумчи. Одна из них, врытая в восточной части айвана, имеет вытянутое яйцевидное тулово и покрыта косыми насечками. Высота ее 0,42 м, диаметр горла 0,18 м. Рядом с другой хумчой расчищен котлообразной формы тандыр, обложенный у основания обломками жженого кирпича. Сверху тандыр перекрыт глиняной крышкой в виде массивного плоского диска с наклепной ручкой цилиндрической формы. На полу перед тандыром выложена вымостка из обломков жженого кирпича.

Помещение 2 прямоугольное в плане (5×1,80 м). Пол плотный, кое-где на нем сохранилась обмазка. У северо-восточной стены стояла вкопанная на треть хумча, аналогичная описанной. Конструкции, связанные с третьим полом II яруса (—0,90 м от репера), несколько перестраивались. Айван первоначально был закрытым помещением с дверным проемом во двор. Планировка помещения не менялась.

Стены сложены из кирпича (28×28×4 см) серого цвета. Кладка комбинированная, с чередованием кирпичей, поставленных на ребро с наклоном и положенных плашмя «ложком».

После того, как постройки второго строительного горизонта были заброшены, территорию заняли под кладбище. На участке раскопа вскрыто и расчищено несколько погребений, впущенных до уровня второго и третьего полов. Покойников опускали в неглубокие (0,3—0,4 м) овальные в плане ямы, над которыми сооружали склепы из кирпича, взятого из стен. Ориентация погребенных северо-западная, положение на спине вытянутое, руки лежат вдоль туловища. Погребальный инвентарь отсутствует.

Среди захоронений есть детские (рис. 8). В них найдено по черепку от поливных чаш, датируемых XI—XII вв. В одном случае — это пята чираги зеленой поливы с рельефным оттиском цветка граната, в другом — тщательно вырезанное донце чаши на дисковидном поддоне. Полива прозрачная, под ней имеется красная и темно-коричневая роспись.

Обычай класть в могилу с покойником черепки распространен в различных районах Средней Азии. Так, в Нисе, в погребениях XV—XVI вв.,

обнаружены обломки поливных сосудов⁴. Видимо, это традиция более ранних погребальных обрядов, сохранившаяся в период господства ислама.

Строительные конструкции III яруса также выявлены на юго-восточном участке раскопа. В нем отчетливо видны два строительных периода, связанных с четвертым и пятым полами.

В третьем строительном горизонте (пол 4; —1,10 м от репера) прослеживается несколько помещений, расположенных с северной и южной сторон от осевой стены, пересекающей раскоп по диагонали (с запада на восток). К северному ее фасу пристроено три помещения. Одно из них центральное, большее (5,50 × ? м), два других меньше (1,60 × ? м; 1,50 × ? м). Северные стены помещений оказались под северо-восточным срезом раскопа и поэтому судить о размерах помещений трудно.

В средней постройке расчищены вкопанный в пол кувшин и в центре вымостка из камней, возможно, это основание центрального столба, на который опиралась кровля (рис. 9). С южной стороны осевой стены располагалось два помещения: одно с массивными стенами толщиной 0,80—1 м, другое, видимо, хозяйственная пристройка, одна из ее стен толщиной 0,3 м.

На уровне пола обнаружены изделия из железа: подкова и обломок петли, из костяных поделок встречены астрагалы, используемые в игре в качестве бит. Боковые грани их обрезаны, в центре просверлено отверстие для заливки свинцом. Найден еще обломок изделия из трубчатой кости — это отполированная с двух сторон пластина. На ее поверхности процарапаны концентрические кружки. На левой плоской стороне их 7, на правой выпуклой — 10. Выявлены также мелкие фрагменты стеклянных сосудов: боковины от графинов и чаш, донца кувшинчиков, обломок амулета из нефрита в виде овальной пластинки с дыркой для подвешивания.

В юго-западной части раскопа на уровне пола обнаружены две медные монеты. Одна из них тимуридского чекана Бухары 832 г. х. (1428/29 г.), другая также среднеазиатского чекана XV—XVI вв. с надчеканом⁵.

В III ярусе на уровне пятого пола (—1,30 м от нуля) расчищены остатки четвертого строительного горизонта, в котором две стены уходят под северо-восточный срез раскопа. Одна стена толщиной 1 м, другая — 0,5 м.

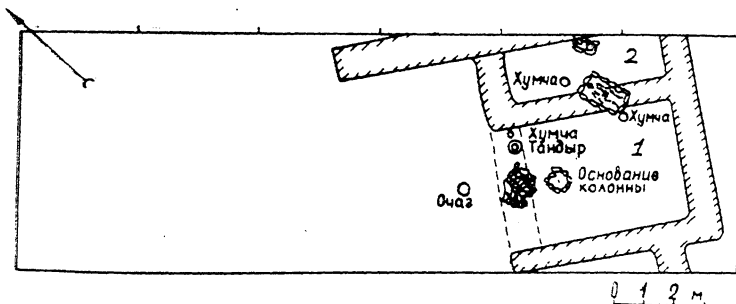

Рис. 7. План раскопа на уровне полов 2—3.

⁴ М. И. Вязьмитина. Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 147—166.

⁵ Монеты из стратиграфического раскопа Отрара определены Р. Э. Бурнашевой. По некоторым монетам мы консультировались у М. Северовой.

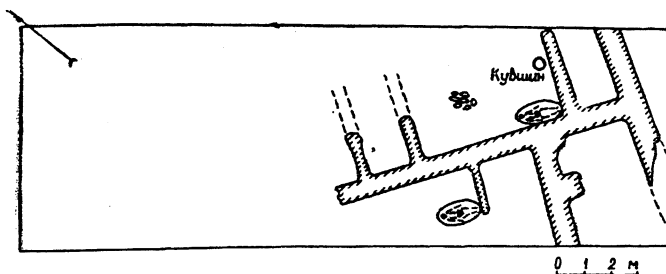

Рис. 8. План раскопа на уровне пола 4.

сделано отверстие (18×18 см) для выгребания золы, заложено обломком жженого кирпича. Пол (рис. 10) перед тандыром выложен жженым кирпичом ($27-28 \times 27-28 \times 6-7$; $26 \times 26 \times 5,5$ см).

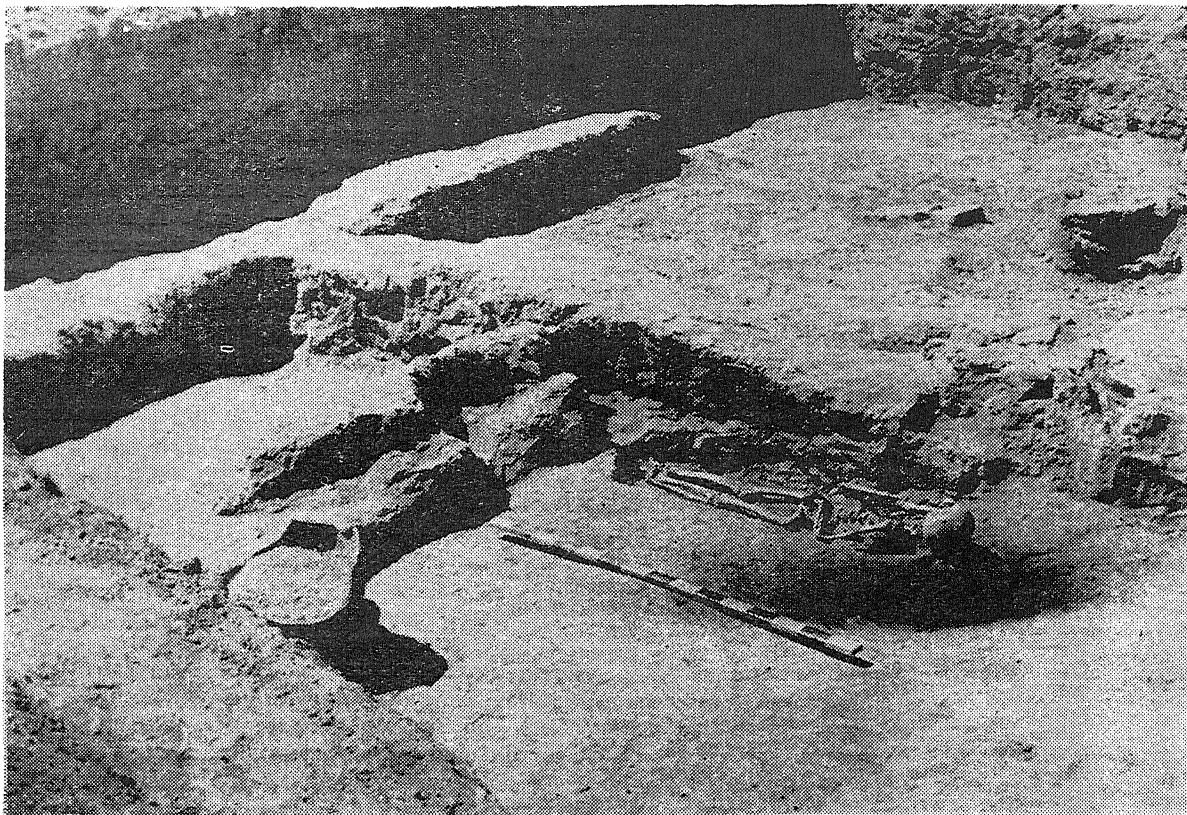
Интересна конструкция стенок тандыра. Они двойные, слеплены из глины в два слоя толщиной 3 см. Внутренняя поверхность стенок тандыра покрыта прорезными вертикальными и зигзагообразными линиями. Сверху тандыр закрыт крышкой диаметром 0,6 м. Она слегка выпукла, в центре имеет ручку в виде цилиндра (рис. 11, 2). Тандыр занят золой серого цвета, перемешанной с гумусированным лёссом. С тандыром связана хозяйственная яма (1) диаметром 1,2 м и глубиной 0,2 м, заполненная соломой и шелухой проса.

Рядом с тандыром с восточной стороны находилась круглая в плане печь диаметром 0,5 м, с топочным отверстием с северо-запада (рис. 11, 1). Ее основание выложено обломками жженого кирпича ($25 \times 25 \times 5$ см). Стенки печи массивные, толщиной 8—10 см, они сохранились на высоту 0,3 м. Напротив устья устроены в глинобитной платформе два дымоходных канала, перекрытые сверху обломками сырцового кирпича. Ложа каналов выше пода печи на 0,15 м. К сожалению, из-за плохой сохранности удалось проследить лишь небольшой участок с горизонтальными дымоходами, приблизительно около 1,5 м в длину.

При расчистке печи в заполнении обнаружен обломок поливной чаши из плотной желтой глины на кольцевом поддоне, с росписью марганцем. На ней изображен побег виноградной лозы с зубчатыми листьями и закрученными усиками. Полива прозрачная, придающая сосуду в сочетании со светло-желтым черепком теплый, розоватый тон (рис. 79, 2), который удачно сочетается с цветом росписи.

С печью связано и сливное устройство — ташнау. Оно сделано следующим образом: в полу выкопана яма, в которую устьем вниз поставлена хумча, дно ее находится чуть ниже уровня пола. В дне пробито отверстие. Яма сверху выстлана обломками жженого кирпича, в результате образовалась круглая площадка диаметром 1,50 м. Устье сосуда (0,35 м) опиралось на несколько жженных кирпичей ($25 \times 25 \times 5$ см).

Пол представляет собой плотную, утрамбованную площадку желтоватого цвета с белыми вкраплениями извести. На нем расчищен тандыр высотой 0,65 м, диаметром 0,50 м (рис. 11). Со всех сторон он обложен сырцовым кирпичом ($34 \times 17-18 \times 7-8$ см). Приблизительно в середине одной из сторон тандыра имелся подквадратный проем со стороной 8 см, у основания его

Рядом с печью с южной стороны находится еще один тандыр высотой 0,50 м, с диаметром устья 0,20 м. Основание тандыра и завершение глинобитной платформы, в которую он вмазан, выложено обломками жженого кирпича (рис. 11, 3).

На полу найдены предметы из железа: обломки ножей и бесформенные фрагменты изделий, а также вырезанный из кости молоточек длиной 18 см.

Из общей массы керамики выделяется обломок ручки (?), оформленной в виде головы лошади. Фигурка покрыта серой с голубизной поливой, грива и узда переданы марганцево-черными полосами, на шею нанесены «яблоки» в виде пятен того же цвета (рис. 12).

Если говорить об аналогиях изображению коня, то в первую очередь следует назвать фигурку коня, покрытую красной краской. Она обнаружена

Рис. 9. Общий вид раскопа на уровне пола 4.

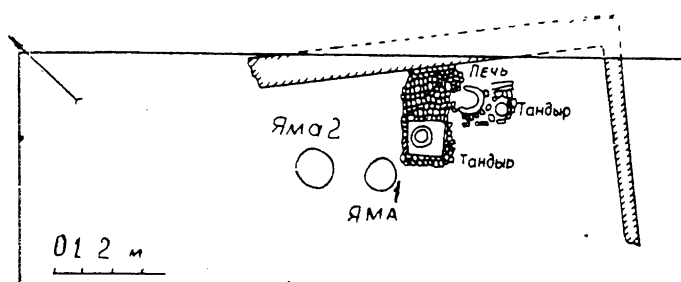

Рис. 10. План раскопа на уровне пола 5.

вого кирпича ($30 \times 16 \times 6$; $31 \times 15,5 \times 5$ см). В западной части раскопа на уровне пола зачищена кирпичная вымостка ($3,5 \times 2$ м) из обломков жженого кирпича желтого цвета, положенного на ребро. Она прослежена и ниже, на уровне пола 7. Возле вымостки стоял раздавленный сосуд с алебастром. В слое завала оказалось четыре человеческих черепа, видимо, попавшие сюда при нивелировке площадки для построек более позднего времени. На уровне пола обнаружен очаг открытого типа в виде круглой ямы (диаметр 0,8 м), заполненной золой и углями.

Находок мало: черешковый железный нож и несколько бесформенных кусков железа.

В IV ярусе расчищен седьмой уровень пола ($-1,75$ м от репера) с белыми пятнами от истлевшего камыша и кусками обмазки с отпечатками соломы (рис. 14). От построек *шестого строительного горизонта* осталась лишь одна стена плохой сохранности из сырцовых кирпичей ($30 \times 30 \times 15$ см; $28 \times 18 \times 15$ см), уложенных бессистемно на глиняном растворе. Здесь же выявлен очаг, прямоугольный в плане, сложенный из обломков жженого кирпича. Очаг заполнен золой серого цвета, кусочками угля и комками прокаленной земли.

На уровне пола 7 зафиксированы устья четырех мусорных ям. Яма 1 (диаметр 1,40 м, глубина 0,45 м) содержала серую рыхлую землю вперемежку с золой. При расчистке встречены фрагменты поливных чаш, покрытых зеленой глазурью. Яма 2 (диаметр 1 м, глубина 0,7 м) также с золой. В ней найдены обломки неполивного кувшина, кости животных. Яма 3 (диаметр 1,5 м, глубина 0,2 м) состояла из плотной органической массы коричневого цвета. Яма 4 (диаметр 1,4 м, глубина 0,5 м) заполнена золой, костями и керамикой.

⁶ Н. Н. Вактурская. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. Труды ХАЭЭ, т. II, М., 1958, стр. 486.

⁷ М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая экспедиция 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951, рис. 48.

в Ургенче, в слоях, датируемых XV—XVII вв.⁶ Фигурки лошадок с зеленой поливой известны в Нисе, но в материалах гораздо более раннего времени — XII—XIII вв.⁷

В III ярусе под стенами строительных конструкций предыдущего комплекса (рис. 13) были зачищены конструкции *пятого строительного горизонта* (пол 6; $-1,50$ м от репера). На полу сохранились остатки стен, сложенных из прямоугольного сырцо-

На уровне пола обнаружены каменная подвеска биконической формы, бусина, каменная ручка ножа, обломок дна массивного стеклянного сосуда и ручка стеклянного кувшинчика.

В ямке под уровнем пола оказался клад, завернутый, в почти истлевшую мешковину. Отпечатки ее остались на некоторых предметах.

Больше всего в кладе (рис. 15) прямоугольных железных пластинок (15 шт.) и заклепок с круглыми широкими шляпками (30 шт.). На обратной стороне пластинок и заклепок видны отпечатки грубой ткани, а на некоторых пластинках сохранились заклепки. Вероятно, пластинки и заклепки были деталями матерчатого или же кожаного пояса, обшитого тканью.

В кладе обнаружены также железные нож, кольца и разделитель конской сбруи, прямоугольные железные пряжечка с язычком и две обоймочки. Железный нож (15 см) с притупленной спинкой, слегка закругленной формы, имел штырь для насадки рукояти длиной 4 см.

Среди предметов клада были обломок деревянной ручки, насаженной на металлическую пластинку, железное ножевидное изделие с округлой спинкой, по-видимому, бритва. Лезвие ее находилось в деревянном футляре.

В кладе также найдены железная игла с прямоугольным ушком, массивное кольцо (диаметр 5 см) из свернутой плоской

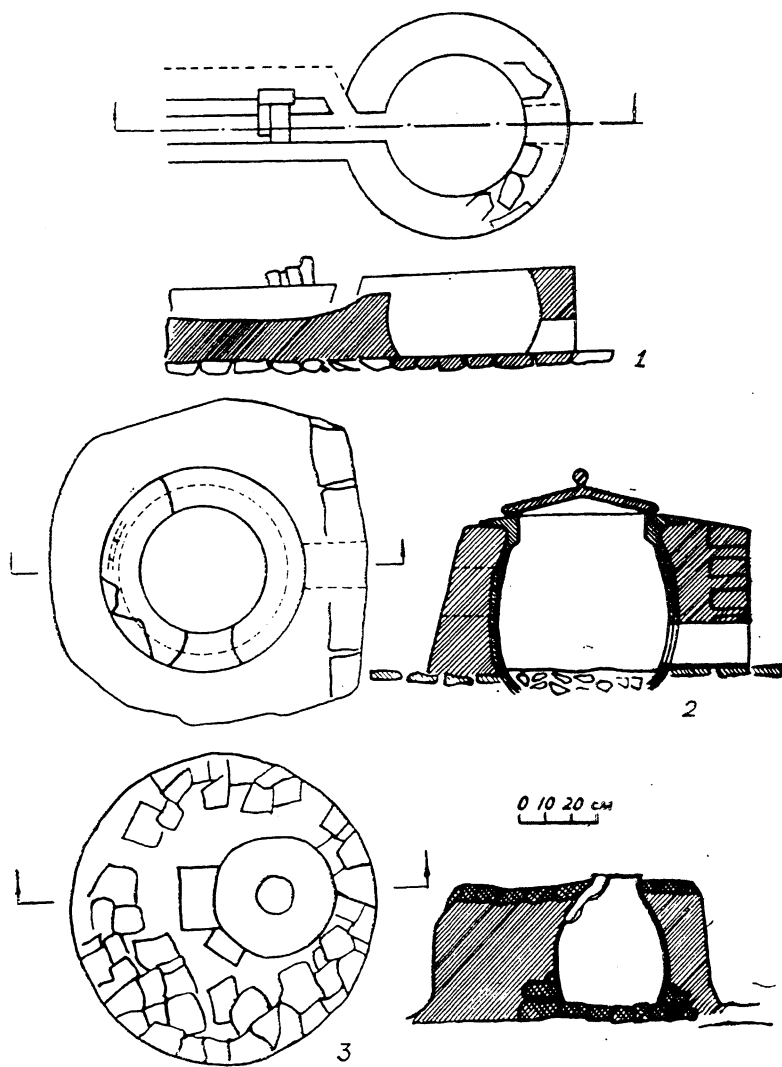

Рис. 11. Планы и разрезы печи (1) и тандыров на полу 5.

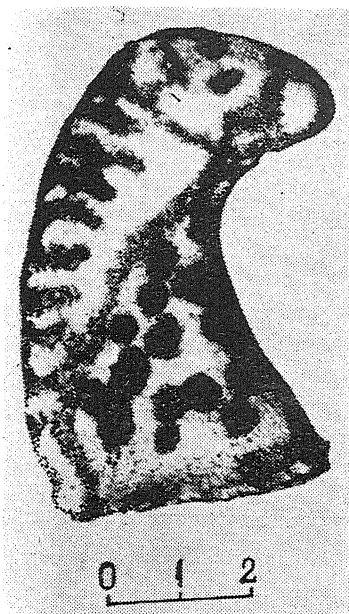

Рис. 12. Фигурка лошади.

железной пластины. Роговое шило с дырочкой для подвешивания. Конец его гладкий, вероятно, отполировался в процессе работы.

Клад содержал четыре бусины. Одна крупная, из голубой пасты, три стеклянные: две из темного стекла с синими глазками и одна с белыми мраморовидными разводами.

В кладе вместе с другими предметами находились бронзовый браслет (диаметр 6 см) из толстой проволоки, с восьмигранными утолщениями на концах, несколько обрывков ткани с нашитыми бронзовыми шариками. Обрывки соединились в ленту длиной 0,31 м и шириной 4,5 см с шариками по краям. В центре ленты нашит кружок из этой же ткани, а по его окружности — шарики. Перед нами, видимо, часть налобной повязки.

Второй — шестой строительные горизонты (полы 2—7) позволили составить большую коллекцию керамики (рис. 74—81). Дадим краткую характеристику поливной посуды, которая довольно четко датирует культурный слой XV—XVI вв. Формы керамики самые разнообразные — это пиалы, чаши, блюда, горшкообразные сосуды, тагоры. Полива на них бесцветная или окрашенная в голубой, кремовый, зеленоватый, бирюзовый, темно-зеленый цвета. Изделия с неокрашенной поливой орнаментированы двухцветной и одноцветной росписью марганцем, кобальтом, голубой и бирюзовой красками. Среди мотивов росписи преобладают стилизованные растительные и геометрические. Отметим основные принципы компози-

ции: центральная «статичная» и «отвесная», когда у орнамента есть «верх» и «низ», встречается также свободно-живописная композиция стилизованного растительного узора.

В целом описанная группа отарской поливной керамики по форме и типу сосудов, составу глазурей и красок, мотивам и композиции орнамента имеет широкие аналогии со среднеазиатской керамикой XV—XVI вв. В частности, близкие материалы есть в керамике XV—XVI вв. Нисы и Мерва⁸, Самарканда⁹, Ташкента¹⁰, средневековых городищ Хорезма¹¹, Ферганы¹². В неполивной керамике следует отметить хумы и хумчи с на-

⁸ Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 400—417; С. Б. Лунина. Новые сборы тимуридской керамики в Южном Туркменистане. «Общественные науки в Узбекистане», вып. 8—9, Ташкент, 1969, стр. 89—93.

⁹ П. А. Сухарев. Два блюда XV в. из Самарканда. Труды ИИА АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 47—64; Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV века. Труды САГУ, вып. XI, Ташкент, 1950, стр. 86—89.

¹⁰ Д. Вархотова. Художественная керамика XV — начала XVI века из Ташкента. «Общественные науки в Узбекистане», вып. 8—9, Ташкент, 1969, стр. 86—89.

¹¹ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Труды ХАЭЭ, т. IV, М., 1959, стр. 334—339.

¹² И. Ахраров. Новые археологические материалы с городища Ахсикет XIV—XVI веков. «Общественные науки в Узбекистане», вып. 8—9, Ташкент, 1969, стр. 79—81.

сечками на тулове, которые известны в керамике XVI в. Туркмении¹³ и Хорезма¹⁴. Аналогичный хум происходит из верхнего слоя Тараза, также датированного XV—XVI вв.¹⁵

В V—VI ярусах обнаружены уровни трех полов — 8, 9, 10. Планировка строительных конструкций ярусов в основном совпадает. На этом основании выделен один строительный горизонт — *седьмой*.

Строительные конструкции на уровне пола 8 (ниже репера на 2,15 м) представлены стеной (рис. 16), сложенной из жженого кирпича ($25 \times 25 \times 5$ см) и обломков. Ширина ее 0,70 м, сохранившаяся высота до 0,50 м. Кирпичи лежали плашмя, вперевязку.

У северо-восточного края раскопа расчищено возвышение из рыхлого сырцового кирпича зеленого и серого цвета, а рядом с ним — тонкая, в один кирпич перегородка высотой в два кирпича. Кирпич жженный, размером $25 \times 25 \times 5$ см.

Особого внимания заслуживают очаги, связанные с полом 8. Это подковообразные углубления в полу с глинобитными стенами высотой 0,25—0,30 м. Два из них расположены так, что имеют общую стену, еще один находится в 0,20 м. Диаметр очагов 0,50; 0,45; 0,40 м. Они заполнены золой.

С южной стороны у возвышения устроено ташнау, площадка его выложена обломками жженого кирпича. Очаги и ташнау приподняты над полом на 0,15 м.

На уровне пола зачищена также мусорная яма диаметром 1,20 м, глубиной 0,80 м. Она заполнена золой серого цвета.

В слое завала над полом 8 найдена медная анонимная джучидская монета второй половины XIV в., чеканенная, вероятно, в Гулистане. Отметим

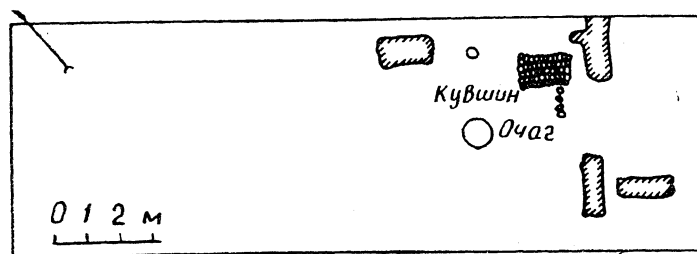

Рис. 13. План раскопа на уровне пола 6.

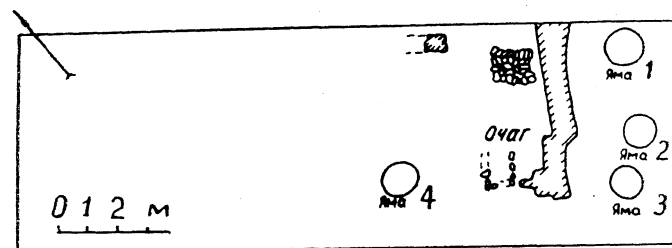

Рис. 14. План раскопа на уровне пола 7.

¹³ В. М. Массон. Хумы Нисы (о некоторых формах неполивной керамики). Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 446.

¹⁴ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма, стр. 330.

¹⁵ Е. И. Агеева. Отчет о работах на городище Тараз в 1961—1962 гг. Архив отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, ф. 1, д. 217—218.

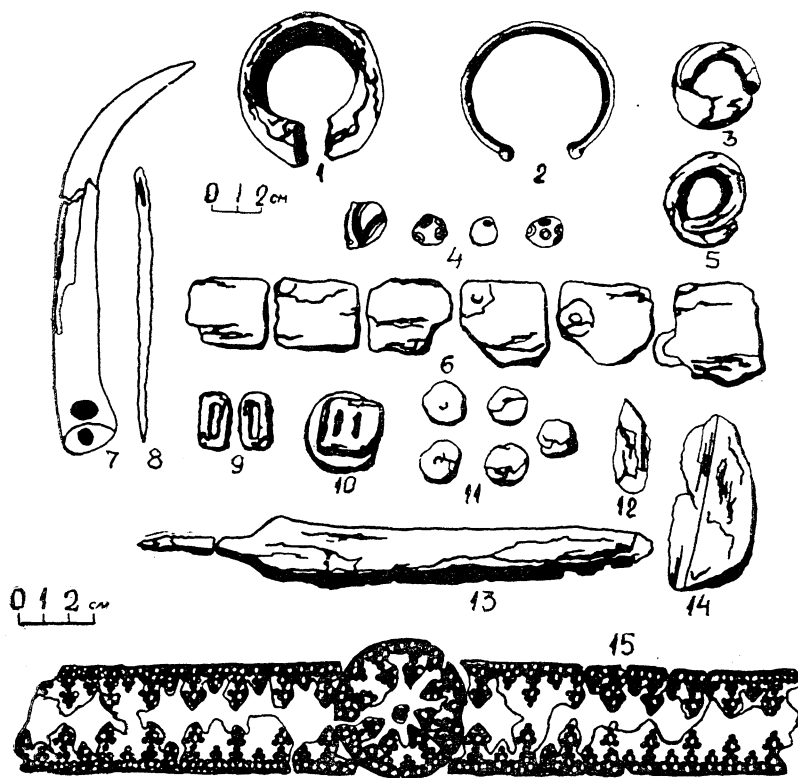

Рис. 15. Вещи из
клада.

Рядом с тандыром расположено отверстие ташнау, обложенное вокруг жженым кирпичом. С восточной стороны площадка с ташнау огорожена невысокой (0,20 м) стенкой из обломков сырцовых и жженных кирпичей.

На уровне пола зачищены устья двух мусорных ям. Одна диаметром 1,50 м и глубиной 0,20 м, другая — диаметром 1 м и глубиной 0,30 м. Обе заполнены органическими остатками вперемежку с золой, костями и мелкими черепками посуды (рис. 19).

На уровне пола 9 среди предметов найдены обломок железного ножа, несколько железных прямоугольных пластинок (4×6; 3×5 см), ромбовидная пластина (3×3 см) и железное сомкнутое кольцо овальной формы, диаметром 2 см (рис. 20, 1, 2, 4, 7—9), а также медная монета анонимного джагатайдского чекана Отрара XIII в.

еще одну находку на уровне пола: бронзовую орнаментированную концевую поясную накладку со шпеньком для крепления. На лицевой стороне арабская надпись почерком куфи: «Государство от Аллаха» (рис. 17)¹⁶.

Строительные конструкции пола 9 (—2,50 м от нуля) состоят из стены (на уровне пола 8), сложенной из жженого кирпича, двух тандыров, ташнау и двух ям (рис. 18).

Рядом со стеной, уходящей под юго-западный срез раскопа, имеется тандыр диаметром 0,30 м. Он сохранился на высоту 0,20 м. Стенки его изнутри покрыты прочерченными волнистыми вертикальными полосами.

Еще один тандыр (диаметр 0,80 м), находящийся в комплексе с ташнау, расчищен у северо-восточного среза раскопа. Оставшиеся стенки достигают в высоту 30 см.

¹⁶ Надпись прочитана О. Г. Большаковым.

В VI ярусе обнажен пол 10 (от нуля — 2,70 м). На его уровне в южной части раскопа расчищена до фундамента стена. В основании ее лежал ряд сырцовых кирпичей желтого цвета ($24 \times 24 \times 10$ см), уложенных плашмя на толстую глиняную подушку. Стена сооружена из жженого кирпича, взятого из более ранних построек, причем использовался не только целый кирпич ($25 \times 25 \times 5$ см), но и его обломки, куски шлака, куски стенок тандыров, булыжник. Жженым кирпичом выложены лишь наружные края стены, а внутри она заполнена строительным мусором, фрагментами посуды.

С северо-западной стороны стены расположены прямоугольной формы очаг, обложенный кусками сырцового кирпича, вымостка ($1 \times 0,5$ м) из обломков жженого кирпича и четыре неглубокие хозяйственные ямы с золой, мусором, костями животных.

Наряду с многочисленными фрагментами керамики здесь найдены железные крюк, изогнутая пластина с остатками штырей для крепления, пряжка с изогнутым язычком, обломок горла стеклянного графина и костяная бусина из кусочка отполированной трубчатой кости (рис. 20, 3, 5, 10—12).

Материал седьмого строительного горизонта (полы 8, 9, 10), в частности керамика, довольно однороден (рис. 65—68). Ведущие группы поливной керамики, которая в основном и датирует слой, — это пиалы и чаши на полукольцевом поддоне с выступом на середине, горшкообразные сосуды. Выделяется керамика с желтой поливой и моно- и полихромной росписью по светлому и красному ангобу, с зеленой поливой без орнамента и подглазурной гравировкой, с зеленой и желтой поливой на внутренней и внешней поверхности, с зеленой поливой по красному ангобу с монохромной росписью, зеленоватой или желтоватой поливой с подглазурной росписью, с мраморовидной поливой.

Коллекция отрарской поливной керамики имеет ближайшие аналогии с материалами XIII—XIV вв. из Баба-Аты¹⁷, Сузака и Кумкента¹⁸. Она хорошо известна в комплексах красноглиняной поливной керамики золотоордынских городищ Нижнего Поволжья¹⁹. Керамика с голубой поливой и подглазурными черными росписями встречена в материалах тимуридского времени Средней Азии²⁰.

В ярусе VII два уровня полов — 11 и 12. Они объединяются в один строительный горизонт — восьмой. На полу 11 (—3,10 м от репера) сохра-

¹⁷ Е. И. Агеева. Общий обзор находок. В кн.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 201—203.

¹⁸ Л. Б. Ерзакович. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв., стр. 79—80.

¹⁹ Н. М. Булатов. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах. «Вестник МГУ», 1969, № 2 (История), стр. 46—59.

²⁰ Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV в. Труды САГУ, вып. XI, Ташкент, 1950, стр. 95—96.

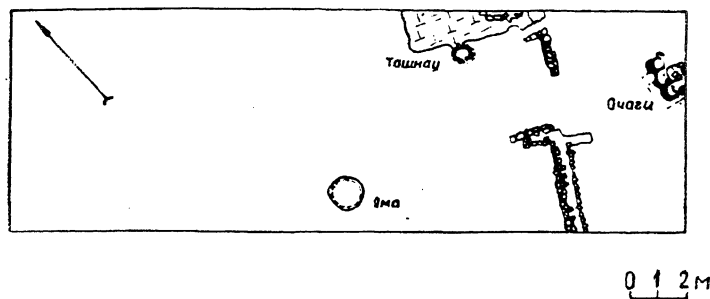

Рис. 16. План раскопа на уровне пола 8.

В яме пола 11 обнаружено довольно много керамики, которая имеет важное значение для датировки горизонта. Перечислим находки.

В яме 1 выявлена наиболее многочисленная группа керамики. Среди неполивной посуды значительную часть составляют фрагменты кувшинов, затем горшков, достарханов, полусферических крышек со штампованным орнаментом.

Поливная керамика представлена посудой со светлым фоном и моно- и полихромными росписями геометрического характера. Есть сосуды с зеленой поливой различных оттенков. Они как без, так и с моно- и полихромной росписью, причем в основном также геометрических очертаний. Желтополивная посуда включает сосуды без орнамента, а также с росписью коричневой краской или полихромной. Встречена посуда с подглазурной гравировкой и пятнистой росписью внутри. Снаружи имеется двухцветная роспись марганцем и кобальтом.

Шестая яма заполнена лёссом, перемешанным с золой. Здесь обнаружены неполивная керамика: черепки кувшинов, тагоры и поливная: мелкие фрагменты с зеленой поливой, желтой с полихромной росписью и неорнаментированный кувшинчик с уплощенным туловом, покрытый двусторонней желтой глазурью.

На полу также найдена поливная посуда. Она светлофонная с подглазурной гравировкой и расплывчатыми зелеными пятнами или с гравировкой под зеленой глазурью, есть и неорнаментированная с зеленой поливой. К позднекараханидским образцам поливной керамики следует отнести светлофонную посуду с геометрической полихромной росписью, основной мотив которой располагался в донной части сосудов. Эти группы керамики хорошо известны в слоях XII — начала XIII в. в Самарканде²¹, на городищах

²¹ И. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда. Ташкент, 1967, стр. 127; О. Г. Большаков. Поливная керамика Мавераннахра VIII—XII вв. как историко-культурный памятник. Автореферат канд. дисс. М., 1954.

Южного Казахстана²², Ферганы²³. Отметим, что на полу 11 встречено несколько фрагментов поливной посуды, хорошо известной по предшествующим слоям XIII—XIV вв. Это краснофонная керамика с росписью и без нее, покрытая желтой поливой, желтополивная с полихромной росписью, неорнаментированная с желтой и зеленой поливой с обеих сторон.

В неполивной керамике имеются узкогорлые кувшины с носиком-сливом (рис. 60, 1), аналогичные хорезмийским, которые датируются XII—XIV вв.²⁴ В целом слой относится к XII — началу XIII в.

На отметке — 3,55 м от нуля выявлена плотная кирпично-глинобитная платформа, которая особенно хорошо прослеживалась в юго-восточной части раскопа. На уровне платформы (толщина ее до 0,35 м) или пола 12 (рис. 22) остатков строительных конструкций не обнаружено, но зачищены устья восьми ям (диаметр 0,80—1,60 м, глубина до 0,90 м).

В юго-западном срезе на расстоянии 6 м от южного угла раскопа оказались остатки сильно разрушенного тандыра диаметром около 0,70 м.

²² Е. И. Агеева. Общий обзор находок, стр. 201; «Труды Семиреченской археологической экспедиции». Таласская долина. Архив отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, ф. 2, д. 62, стр. 58—60.

²³ Г. А. Брыкина. К истории земледельческого населения юго-западных предгорий Ферганы в VI—XII вв. КСИА, вып. СXXXII, 1970, стр. 94—95.

²⁴ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Труды ХАЭЭ, т. IV. М., 1959, стр. 307, рис. 22, 2.

Рис. 17. Поясная накладка.

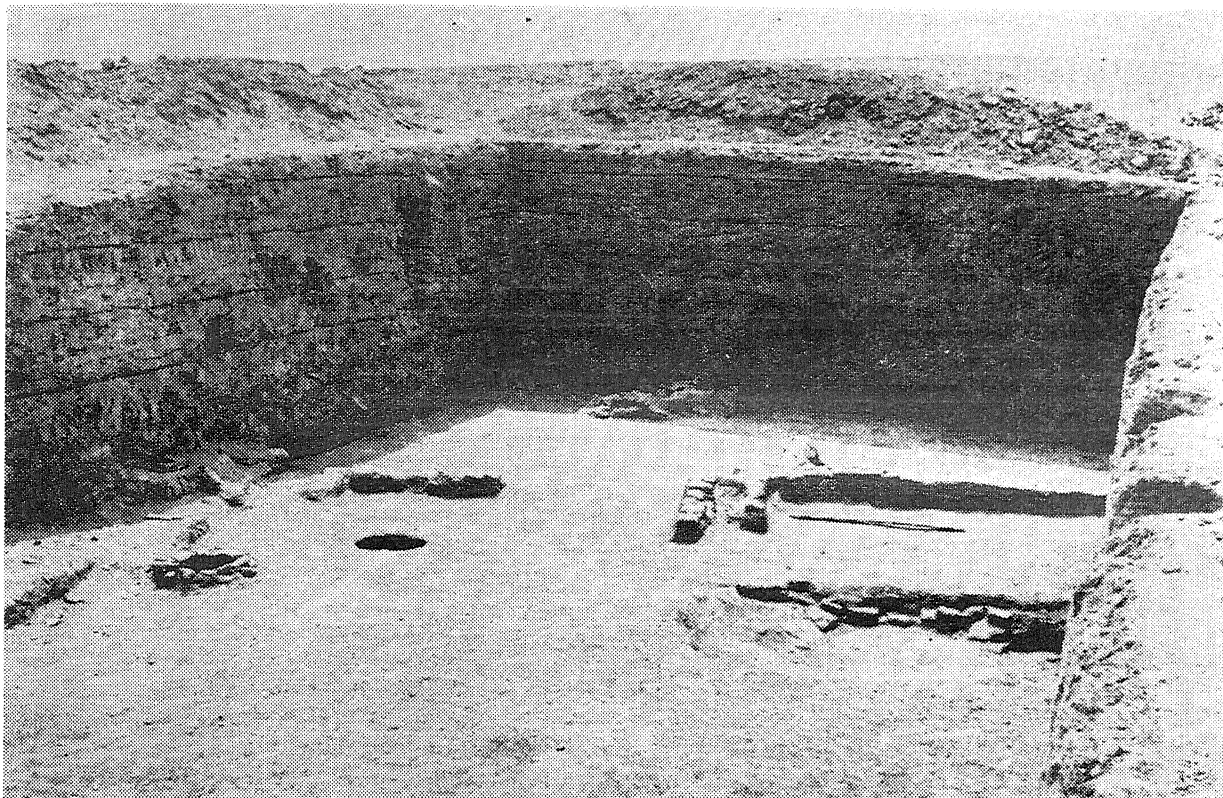

Рис. 18. Общий вид раскопа на уровне пола 8.

Отметим, что это третий по счету тандыр в стратиграфии данного участка. Северо-восточнее тандыра на 0,80 м находится ташнау, устроенное следующим образом. На уровне пола вкопана горловина с частью тулова крупного горшка, посаженного на водопроводную трубу, поставленную вертикально (диаметр ее 0,27 м, длина 0,33 м).

На уровне пола найдены бронзовая накладка со шпеньком (диаметр 3,5 см), фрагменты двух железных поделок плохой сохранности (рис. 23). Из ямы 6 происходит крупный фрагмент архитектурного кирпича, лицевая поверхность которого покрыта глубокой резьбой геометрического характера, окаймленной пояском шишечек. В яме на уровне пола была крупная каменная толкушка с двухсторонними углублениями — пазами (рис. 23, 1).

Керамика пола подобна материалам предыдущего горизонта с полом 11. Поливной керамики немного, она также обычна для XII — начала XIII в.

(рис. 63—64). Это чаши на полукольцевом поддоне с зеленой поливой, иногда дополненной подглазурной гравировкой; светлофонная посуда с довольно скупым орнаментом чуть ниже закраины в виде пояска из коричневых точек и зеленых пятен, в центре встречается мотив геометрического плетения; красноангобированные сосуды с желтой и зеленой поливой.

Для неполивной керамики (рис. 61) характерны плоские и полусферические крышки со штампованным и резным орнаментом, в том числе и красноангобированные.

Под кирпично-глинобитной платформой (пол 12) в юго-восточной части раскопа оконтурились стены *девятого строительного горизонта*, связанного с полом 13 (IX ярус; —4,25 м от нуля). Это остатки трех помещений, относимых к двум различным комплексам, разделенным мощной стеной толщиной 2,40 м. Она пересекает раскоп с востока на запад. С западной фасадной стороны комплексов устроены айваны (рис. 24).

Помещение 2 и один айван расположены с южной стороны основной стены. Их размер трудно определить. Айван (2,20×? м) оконтурен с севера основной стеной, а с востока — стеной помещения 2 толщиной 0,75 м. Он глинобитный с фрагментами сырцового кирпича и поднят на 30 см над уровнем пола.

С северной стороны основной стены имеются два помещения и айван. В помещении 1 выяснен размер лишь южной стены — 3,05 м. На расстоянии 75 см от его юго-западного угла, у западной стены, на уровне пола, вкопан хум (диаметр венчика 0,45 м, высота 1,05 м), обложенный сырцовым кирпичом. В лёссовом заполнении хума найдены горловина столового горшка с уступом для крышки, украшенная поясками многолепестковых розеток и ломаных прорезных линий, фрагменты трех узкогорлых кувшинов, горшок с небольшой петлеvidной ручкой, божовина лепной тагоры и интересный фрагмент плоской красной обожженной крышки с прорезным орнаментом в виде шестиконечной звезды на заштрихованной плоскости (рис. 25, 3).

У южной стены помещения на уровне пола зачищено устье мусорной ямы грушевидной формы глубиной 4,15 м (диаметр устья 0,85 м, донной части 1,30 м). В лёссово-гумусном заполнении ямы были кости животных, рыб, многочисленные фрагменты керамики и стекла.

Остановимся более подробно на находках из ямы (рис. 26). В ней обнаружено керамическое пряслице (диаметр 3,2 см), бронзовое кольцо (диаметр 3,4 см), небольшое кольцо из слабообожженной глины (диаметр 2,4 см). На глубине 1,20 м найдена плохо сохранившаяся бронзовая монета. В яме оказалось больше сотни фрагментов различных сосудов. Из

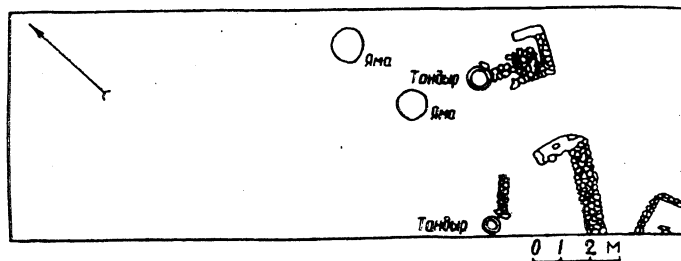

Рис. 19. План раскопа на уровне пола 9.

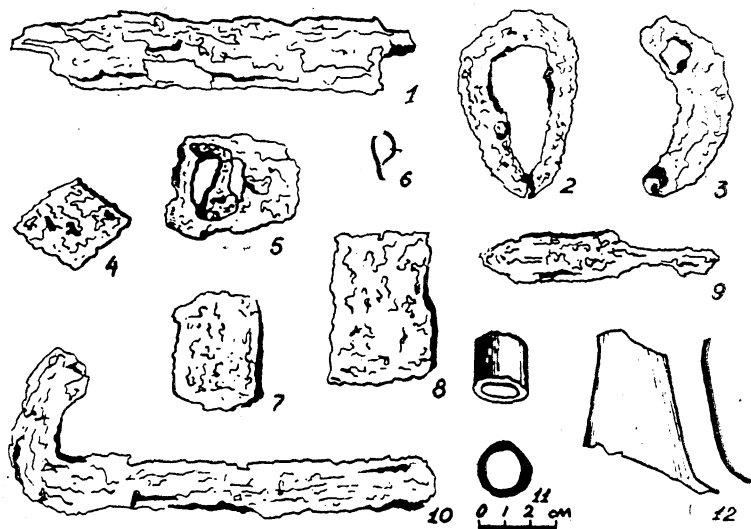

Рис. 20. Находки в слое седьмого строительного горизонта: 1—3, 5, 7, 8—10 — железо; 4 — бронза; 11 — кость; 12 — стекло; 6 — подъемная золотая серьга.

ному сосуду). По цвету стекло можно распределить следующим образом: голубое различных оттенков — 21 фрагмент, синее — 1, зеленое (от светлого до темного) — 15, желтое — 6, розовое — 3, белое — 1, кремное — 1, черное — 1. Стекло, как правило, тонкое, мелкопузырчатое, прозрачное, фрагменты лишь одного сосуда сильно ирризованы. Встречаются орнаментированные сосуды, выполненные путем выдувания в узорчатую форму (легкий рельеф) или приваривания стеклянных нитей. Восстановлено несколько форм.

Графины (рис. 27, 4, 5, 7, 8), с узкой цилиндрической горловиной, пологими плечиками и туловом, видимо, баночной формы. Профилировка горловин различная: слегка сужающаяся к устью с закраиной (диаметр 4 см), отогнутой наружу; узкая у основания, а затем расширяющаяся кверху расрубом (диаметр 7 см); иногда у основания горловины сделан сильно выпуклый валик. У одного графина из желтого стекла верхняя часть горловины опоясана тонкими нитями темно-зеленого стекла, а цилиндрическое тулово с крутыми плечиками ко дну слегка заужено.

Сосуды типа «тубек» (рис. 27, 1—3) имеют цилиндрическое тулово (диаметр 7—8 см), слегка расширенное в средней части, и завершаются сильно отогнутым наружу венчиком-площадкой (диаметр 14—16 см) с закраиной в виде валика, образованного отгибом стенки сосуда наружу. Некоторые сосуды орнаментированы сплошным рельефным узором из шестигранных фигур с валиками, переплетенных друг с другом.

них около 20 неполивной керамики (рис. 55). Это черепки крупных сосудов типа тагоры с маленькими петлеобразными ручками, хумов и хумчей, кувшинов, кумганов, кружек, крышек со штампованным орнаментом, кухонных горшков, дастарханов, а также давилен (?) в виде массивного овального или прямоугольного в плане сосуда с плоским дном, низкими бортами и носиком-сливом (рис. 50—54).

В яме оказались и стеклянные изделия.

Археологически целых сосудов мало (4), но по некоторым фрагментам можно установить форму большинства предметов. Всего 49 различных фрагментов (не считая тех, которые явно принадлежат од-

Миски, тарелки, чаши (диаметр от 12 до 18 см) с низкими бортами различной профилировки: прямые, отогнутые наружу, слегка вогнутые внутрь (рис. 27, 13—15, 18, 19). Закраины прямые или с маленьким валиком, образованным отгибом стенки наружу. Есть орнаментированные сосуды. Узор рельефный: чешуйчатый, линейный, геометрический, в виде вытянутых пояском овалов или шестигранных фигур. У некоторых тарелок орнамент дополнен тонкими поясками красных (по голубоватому стеклу) или зеленых (по желтому) нитей. По-видимому, часть из них была на дисковидном поддоне.

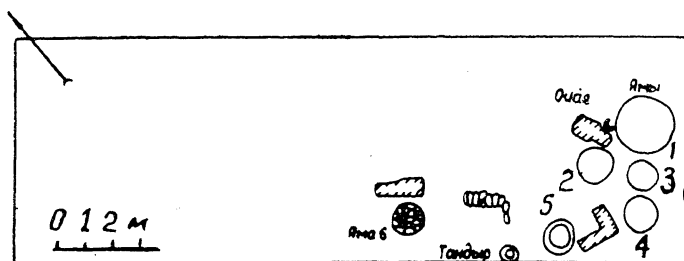

Рис. 21. План раскопа на уровне пола 11.

Бокалы, кружки (рис. 27, 9, 10, 20, 21) — самая разнообразная группа посуды. Встречаются миниатюрные сосуды (диаметр венчика 5—7 см, высота 4—7 см) и крупные (диаметр 14 см). Борты, как правило, прямые или слегка вогнутые внутрь, по закраине проходит неширокий валик. Любопытен фрагмент боковинки кружки из зеленого стекла. У нее прямое тулово, слегка зауженное вверху, в его средней части расположена петлевидная ручка с сильно вытянутой треугольной пятой.

Интересен археологически целый сосуд (рис. 27, 6) типа столового широкогорлого кувшина (высота 11 см). У него дисковидный поддон (диаметр 6 см) на сильно выпуклом низком тулове с крутыми плечиками, широкая высокая горловина раструбом (диаметр 7 см). Закраина слегка вогнута внутрь. Стенки сосуда толщиной до 2 мм. Он сделан из голубоватого прозрачного мелкопузырчатого стекла.

Флаконы (рис. 27, 16, 17) — миниатюрные сосуды с овальным туловом и цилиндрической горловиной. У них закраины иногда в виде широкой площадки, отогнутой наружу. На одном сосуде был рельефный орнамент в виде пояска треугольников с вписанными трехлепестковыми розетками.

Многие из отмеченных форм стеклянной утвари имеют тождественные типы в материалах XI — начала XIII в. Тараза. В Отраре встречены подобные или близкие по форме графины, миски, бокалы, чаши²⁵. Обнаруживаются аналоги в материалах XI — начала XIII в. городов Средней Азии: Калаи-боло (графины или флаконы)²⁶, Узгена (графины, тубеки)²⁷, Хуль-

²⁵ Е. И. Агеева. Средневековое стекло из Тараза. В сб. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, рис. 1, 3, 4, 5.

²⁶ Е. А. Давидович. Раскопки замка Калаи-боло. МИА, № 66, 1958, стр. 89, рис. 17.

²⁷ Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М.—Л., 1960, стр. 239, рис. 58, 5, 8, 14.

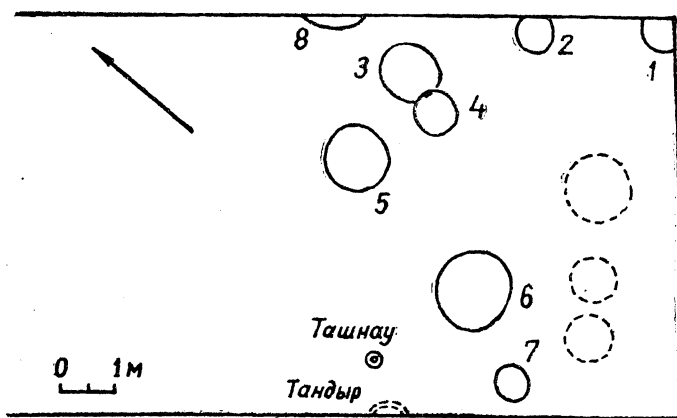

Рис. 22. План раскопа на уровне пола 12.

0,30 м), сложенный из обломков сырцового кирпича и плотной глинобитной массы. В южной части айвана зачищены остатки горизонтального дымохода с сильно закопченными стенками, канал которого в средней части расширяется от 0,20 до 0,45 м и завершается округлым в плане углублением диаметром 0,20 м (остатки выводящего вертикального дымохода). Сохранившаяся глубина канала около 5 см. Очаг горизонтального дымохода не обнаружен. Он разрушен ямой 3 более позднего пола 12.

Стены помещений сохранились в высоту до 0,55 м. Они сложены из сырцового кирпича (32—35×20—22×10 см) вперевязку. Глинобитная обмазка пола прослеживается нерегулярно, зачастую лишь по остаткам сгнившего камыша и соломы можно определить уровень пола. В некоторых местах под глинобитной обмазкой оказались участки, выложенные из обломков сырцового кирпича. Помещения были заполнены слоем (35 см) сильно гумусированного лёсса с многочисленными костями животных, обломками керамики и слоем (20 см) рыхлого лёсса.

В 2,5 м к западу от фасада жилых помещений находится хозяйственный комплекс, состоящий из небольшого помещения (закром?), трех очагов и мусорной ямы. Стены помещения (4×1 м) сложены комбинированной кладкой: основание стен — из сырцового кирпича, завершение — из обломков обожженного кирпича. Толщина стен 35 см, высота 30—40 см. С северо-за-

бука (графины)²⁸, Шах-Сенема (тубеки)²⁹, Кулдор-тепе (IX в., кружки и графины)³⁰. Нельзя не подчеркнуть близость некоторых форм стекла и керамических изделий Отрара X—XI вв., в частности кувшинов.

В трапециевидном в плане помещении 3 площадь определена полностью (3,35×2,60 м). Вход (ширина 0,60 м) находится в северо-западном углу. У восточной стены имеется ниша (0,75×0,45 м), образованная глинобитной стенкой с выступом в юго-восточном углу. У южной стены устроен небольшой напольный очаг диаметром 0,55 м. С северной стороны помещения находится айван (2,80×?; высота

²⁸ Э. Гулямова. Стекло с городища Хульбук. «Известия отд. обществ. наук ТаджССР», 1961, вып. 1(24), рис. 2, 4.

²⁹ С. А. Трудновская. Стекло с городища Шах-Сенем. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 426, рис. 2.

³⁰ Б. Я. Ставиский. Раскопки городища Кулдор-тепе в 1956—1957 гг. «Советская археология», 1960, № 4, стр. 117, рис. 4.

падной стороны помещение открыто. Пол, сильно просевший в средней части, также выложен в 2—3 ряда тщательно пригнанными обломками обожженного кирпича.

С восточной стороны постройки расположено три очага (80×60 см; 85×45 см и 65×40 см), заполненных на дне золой и угольками. Они глубже уровня пола на 20—30 см. Под юго-западный срез раскопа частично уходит мусорная яма, устье которой (диаметр 75 см) также выложено обожженным кирпичом.

Еще одна яма (бадраб) устроена южнее хозяйственной постройки. Диаметр устья 1,10 м, глубина 4,90 м. Яма была заполнена пористым зеленоватым гумусом, золой, костями животных, а также довольно многочисленными фрагментами керамики (рис. 56—58). Это обломки кувшинов с высоким узким горлом, яйцевидным или слегка приплюснутым шаровидным туловом, красноангобированных чаш, одна из которых с фестончатым венчиком, кухонных горшков с орнаментом, сита.

Встречены также фрагменты стеклянных изделий: вогнутые и прямые донца, боковинки сосудов, а также воронкообразный носик бирюзового цвета.

Интересно коллективное погребение, обнаруженное в западной стене помещения 3 (рис. 28). Оно устроено следующим образом. В западной стене с внешней стороны чуть выше уровня пола частично были вынуты кирпичи. В образовавшуюся нишу (0,60 м×?) положили 18 черепов в два яруса, черепной коробкой вверх, лицом на запад, а рядом с ними поместили длинные кости погребенных, после чего нишу закрыли. Спустя некоторое время западная стенка ниши обвалилась, часть черепов и костей переместилась к западу от погребения (три черепа лежали в стороне на боку, один — вниз черепной коробкой, а кости — вразброс).

В погребении не было мелких костей, за исключением трех тазовых и одной нижней челюсти. На некоторых черепах остались следы от боевых травм. Состав костей погребения и характер захоронения говорят о том, что в нишу положили части уже разложившихся трупов, вероятно, собранные недалеко от их места нахождения. Также, возможно, что жилые помещения пола 13 в момент погребения были заброшены.

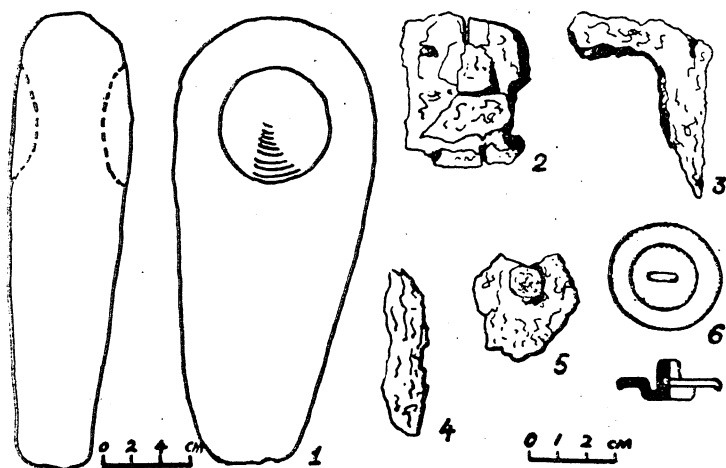

Рис. 23. Находки на полу 12: 1 — камень; 2—5 — железо; 6 — бронза.

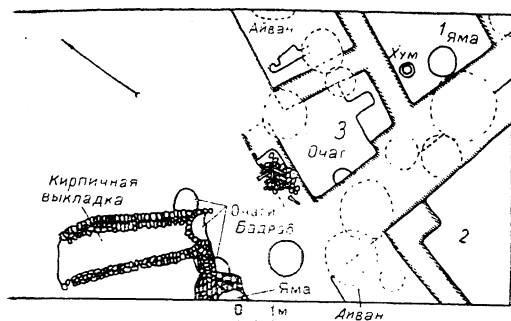

Рис. 24. План раскопа на уровне пола 13.

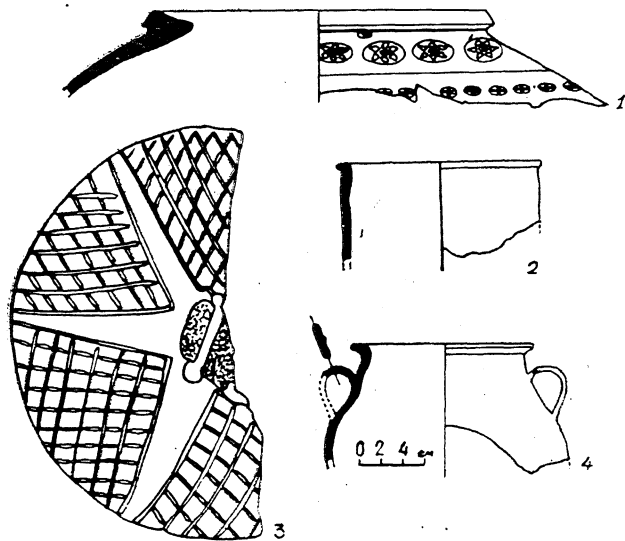

Рис. 25. Керамика из хума, вкопанного на уровне пола 13.

В северо-западной части раскопа найдены четыре бронзовые монеты плохой сохранности. Две слипшиеся бронзовые монеты с квадратными отверстиями обнаружены в стене, разделяющей помещения 1 и 2. В слое завала помещения 1 (на западной стене) оказалась еще одна бронзовая монета плохой сохранности. Из выявленных монет определена лишь одна из них. Это бронзовый бухар-худат.

В нише помещения 3 обнаружено несомкнутое бронзовое кольцо (диаметр 3 см), фрагмент орнаментированной бронзовой накладки (4 см × ?), а на полу — бронзовый дверной крюк (?) и железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы длиной 12,5 см. Подобного типа наконечники известны вплоть до X—XI вв.³¹

В помещении 1 найден крупный фрагмент железного меча (длина лезвия 31 см), два костяных шила, глиняное кольцо (диаметр 4,3 см). В помещении 2 обнаружены круглая коралловая бусина и крупная (диаметр 3,2 см) шестигранная бусина, сделанная из прожилков стекловидной пасты белого, желтого и черного цветов (рис. 29, 1), глиняная погремушка с зооморфным навершием ручки.

В северо-восточной части раскопа на уровне пола лежал археологически целый сосуд-водолей с зооморфным туловом и женской головкой (рис. 30). Его размер: высота 13, длина 15 и ширина 9 см. Яйцевидное тулово на четырех массивных ногах, короткий хвост и довольно длинная шея делают его похожим на верблюда, на спине, которого люлька из прутьев, показанных тонкими прорезными линиями. Женская головка с широкими скулами, узкими минда-

³¹ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 222, рис. 49, 1.

левидными глазами и маленьким ртом. Рельефно передан нос. На голове, по-видимому, корона с двумя зубцами. Под шеей имеется небольшое сливное отверстие. Сосуд устойчив благодаря задним ногам и хвосту животного. Внешняя поверхность его покрыта темно-красным ангобом с лощением.

Девятый строительный горизонт дал большую и разнообразную коллекцию керамики, основную часть которой составляют не предметы с пола, а из мусорной ямы и бадраба. Для датировки слоя в целом важны находки из ямы, в частности поливная посуда (рис. 55). Светлофонная керамика с эпитафической орнаментацией по борту, с центральным рисунком в виде вихревой розетки, обрамленной завитками, характерна для керамики X—XI вв. Самарканда³², Хорезма³³.

Аналогичные образцы хорошо известны в караханидской керамике Южного Казахстана³⁴. В XI в. был распространен листьявидный орнамент фиштакшкого цвета, заполненный точками³⁵. Много синхронных аналогий можно найти и для неполивной керамики³⁶. Бухар-худатская бронзовая монета не датирует слой, так как монеты подобного типа были в обра-

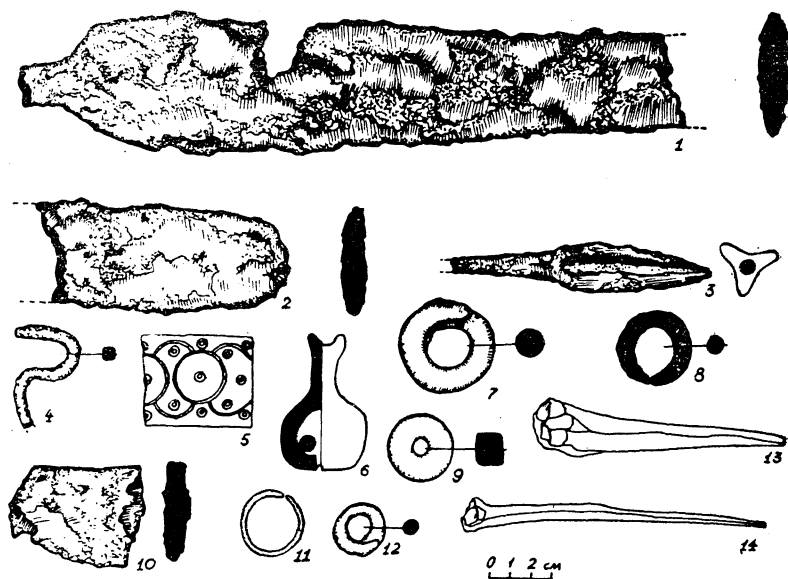

Рис. 26. Находки на полу 13 и в яме помещения 1; 1, 2, 3, 4, 10 — железо; 5, 8, 11 — бронза; 6, 7, 9, 12 — глина; 13, 14 — кость.

³² Ш. С. Ташходжаев. *Художественная поливная керамика Самарканда*. Ташкент, 1967. Приложение, рис. 6 ж и др.

³³ Н. Н. Вактурская. *Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.)*. Труды ХАЭЭ, т. IV, М., 1959, рис. 9, 11 и др.

³⁴ «Труды Семиреченской археологической экспедиции. Таласская долина». Архив отдела ИИАЭ АН КазССР, ф. 2, д. 62, стр. 60—62.

³⁵ Ш. С. Ташходжаев. Указ. работа, стр. 116, рис. 28.

³⁶ М. А. Бубнова. *Средневековое поселение Ак-тобе 1 у с. Орловки*. В сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, рис. 13; Е. И. Агеева. *Общий обзор находок*. В кн.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, рис. 61; Н. Н. Вактурская. Указ. работа, рис. 2, 2; рис. 3, 3, 5 и др.

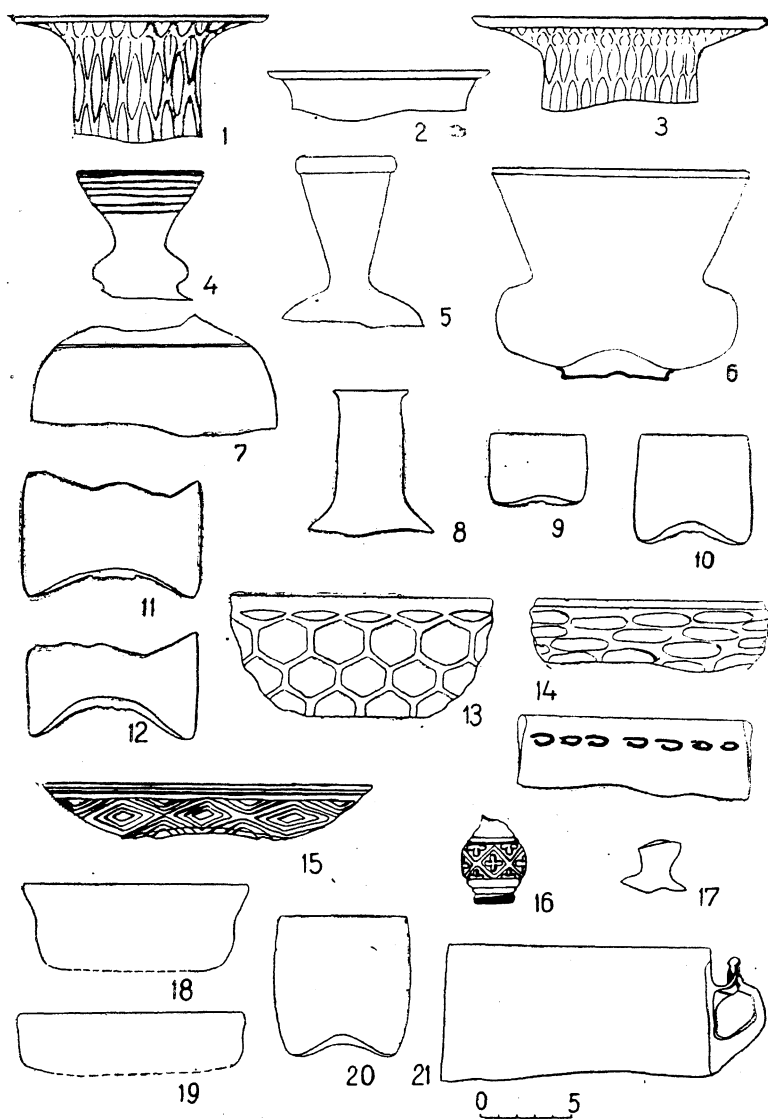

Рис. 27. Стекло из ямы помещения 1.

щении вплоть до XII в.³⁷ В целом девятый строительный горизонт относится к X—XI вв.

Пол 13 устроен на очень рыхлом лессе (слой 30—40 см), заполнившем остатки строительных конструкций нижележащего более раннего горизонта. Отмечены также стерильные натечные слои у стен помещений этого горизонта, связанного с полом 14. Заполнение между полами 13 и 14 свидетельствует о том, что началу строительства предшествовало запустение помещений девятого горизонта. В дальнейшем на хронологический разрыв будет указывать иной принцип планировки помещений, строительных приемов, новый формат сырцового кирпича нижележащих культурных слоев.

Строительные конструкции следующего горизонта — десятого — обнаружены в ярусе X. Пол 14 находился ниже реперной отметки на 4,85 м. Судя по планировке, мощная сырцовая стена толщиной 1,65 м в южной части разделяет помещения различных комплексов (рис. 31).

³⁷ М. Е. Массон. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953, стр. 78; Е. А. Давидович. О среднеазиатских средневековых монетах в связи с датировкой археологических объектов. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 247.

Наиболее крупным помещением одного из комплексов было, видимо, помещение 1, хотя размер его точно трудно определить. Длина его западной стены на плане 5,75 м. В западной части помещения есть проход (ширина 75 см) в небольшую подсобную пристройку (1,70×1,20 м), вероятно, хозяйственного назначения.

В восточной части помещения имеется один очаг (диаметр 75 см), а в северо-западном углу — другой (диаметр 35 см), он ниже уровня пола на 28 см. От южной стенки очага вдоль западной стены проходит канал горизонтального отопительного дымохода до входа в помещение 3, где он разрушен ямой позднего пола 11. Канал дымохода шириной 20 см и глубиной 16—24 см от уровня пола. Стенки канала сильно закопчены. Очаг с дымоходом немного заходит под западную стену помещения 1.

Проход (ширина 80 см) ведет в помещение 3 (4,50×3,65 м), стены которого полностью оконтурированы. В западной части оно слегка расширяется. На позднем этапе жизни проход между помещениями 1 и 3 был забутован обломками серого кирпича (в то время как стены сложены из желтого кирпича), и помещение 3 перестало функционировать. С северной стороны последнего частично выявлены контуры помещения 4, в котором определен размер лишь южной стены — 4,60 м.

Пожалуй, наиболее интересным участком строительного горизонта пола 14 является помещение 2, хотя в нем лишь частично вскрыты уходящие под срез раскопа северная и восточная стены. Именно в данном помещении прекрасно сохранились оштукатуренные стены. Они прослежены на высоту 2,35 м. Отметим, что высота стен в помещениях нижележащих строительных горизонтов, как правило, не превышала 50—70 см, а планировка жилых комплексов немного изменилась из-за приставных стен. Между тем помещение 2 осталось неизменным с уровня первоначального пола 18 (—6,80 м от нуля), видимо, вследствие того, что уже на уровне данного пола оно было заброшено, о чем свидетельствует довольно мощный слой (50 см) рыхлого надувного лесса с натеками у стен. Помещение 2 заполнено зольными отложениями, на некоторых участках смешанными с лессом и гумусом. Судя по напластованиям, лишь однажды был небольшой перерыв в жизни помещения, его стали использовать для свалки мусора: в 80 см от первоначального пола имеется прослойка лесса (18 см) с небольшими вкраплениями золы.

Жилые комплексы на уровне пола 14 объединяет фасадная стена толщиной 90 см, которая пересекает раскоп с севера на юг. За ее пределами в северо-западной части раскопа зафиксирована огромная мусорная яма. Она берет свое начало в IV—VI ярусах. Материалы из свалок в северо-западной части раскопа, как правило, перемешаны. Но они были отделены от находок в жилых комплексах из юго-восточной части стратиграфического раскопа.

Стены помещений пола 14 сложены из желтого сырцового кирпича (42—45×22—25×10 см), уложенного вперевязку. Сохранившаяся высота

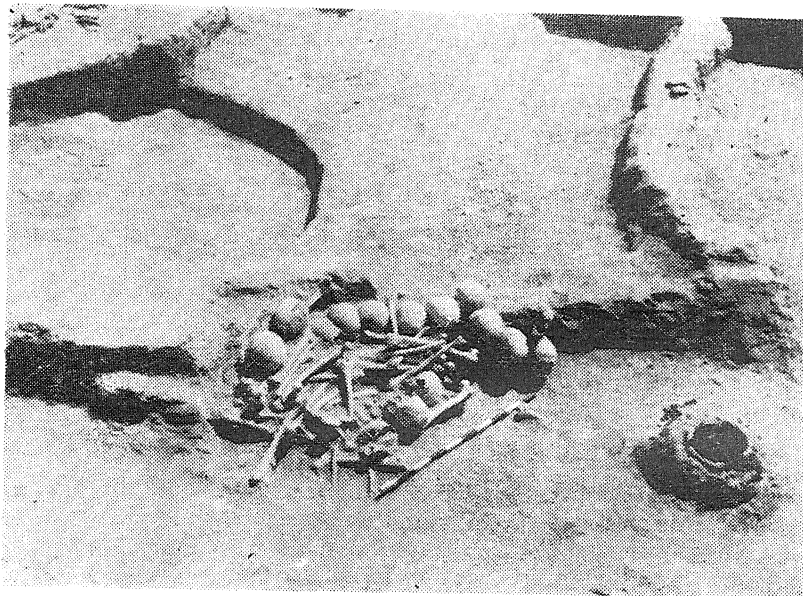

Рис. 28. Коллективное погребение на уровне пола 13 (справа — остатки канала ташнау пола 12).

щая высота стен на участках, где полностью совпадала планировка разновременных построек, достигла 1,50 м. При изменении планировки высота новых стен была 30—50 см. Нет никакой разницы в планировке помещений на уровне полов 15, 16, 17. Они объединяются в *одиннадцатый* строительный горизонт.

Строительный горизонт пола 15 (рис. 33). Основные черты планировки аналогичны планировке пола 14. Полностью сохранились контуры помещения 2. Помещение 1 в западной части шире на 1,15 м из-за первоначального положения северной стенки. В подсобной пристройке в западной части помещения отсутствует северная перегородка. Выяснилось, что первоначально помещение занимало площадь $3—5 \times 4,75$ м.

У восточной стены в 1,10 м от северо-восточного угла помещения расположен напольный очаг (размер 60×30 см, глубина 20 см). Северный отрезок фасадной стены на участке помещений 3 и 4 и западный отрезок северной стены в помещении 3 не прослеживаются, они размыты и их планировку невозможно восстановить (рис. 34).

На уровне пола найдены фрагмент костяного челнока для вязания сетей (?), украшенный соляным орнаментом, небольшое очень сработанное поясное каменное точило (рис. 32, 1, 2). В помещении 1 на полу подсобной пристройки оказался фрагмент бронзовой тюркешско-согдийской монеты (VIII в.) с изображением несколько вправо на л. с. льва с приподнятым

стен до 50 см. Напольный слой (30 см) состоял из сильно гумусированного лесса.

В припольном слое строительного горизонта пола 14 обнаружен фрагмент каменного пряслица (диаметр 3,7 см), а также фрагмент бронзового браслета (рис. 32, 3, 6).

Планировка нижележащих строительных горизонтов была такой же, как и предыдущих, но с небольшими изменениями вплоть до отметки —6,80 м от репера. На этом участке зафиксировано четыре пола. Пол 15 находился на глубине 5,35 м (ярус XI), пол 16 — на глубине 5,75 м (ярус XII), пол 17 — на отметке 5,95 м (ярус XII), пол 18 — на 6,60—6,80 м от репера. Об-

хвостом, а на об. с. лука без тетивы в имитированном квадратном отверстии с неширокой рамочкой.

Планировка помещений на уровне пола 16 хорошо сохранилась. Лишь на уровне пола 17 (рис. 35) отмечены некоторые изменения. Так, в помещении 1 сначала подсобной пристройки в западной части не было.

На уровне пола 16 найдены два маленьких глиняных кувшинчика с ручками (высотой 7,5 и 4,8 см). Оба сосуда покрыты красным и коричневым ангобом, последний с лошением (рис. 32, 4, 5). В слое завала над полом 17 в юго-западном срезе раскопа обнаружены две бронзовые монеты, одна из них плохой сохранности, вторая (фрагмент) определена как монета тюргешско-согдийского типа (VIII в.).

Стены на уровне четырех полов (14—17) сложены из желтого сырцового кирпича (42—45×22—25×10 см), уложенного вперевязку. Полы 15 и 16 видны лишь по остаткам камыша или соломы. Участки между полами заполнены рыхлым лессом с зольными вкраплениями. Лишь пол 17 прослеживается довольно четко, особенно в помещении 1, благодаря довольно плотной глинобитной обмазке.

Начиная с яруса XIII площадь стратиграфического раскопа несколько сократилась из-за уступа шириной 80 см, оставленного у северо-западного среза вследствие угрозы обвала.

В ярусах XIII—XIV зачищены остатки сырцовых стен нового строительного горизонта — двенадцатого (рис. 36). Пол 18 находится ниже 6,60—6,80 м от репера. Его планировка проста: мощная (толщина 1,35 м) фасадная стена, пересекающая раскоп с севера на юг, и в южной части раскопа участок со стенами уже известного по предыдущим строительным горизонтам помещения 2. На уровне пола 18 выявлена первоначальная толщина его северной стены 60 см. В уровень с полом помещения 2 врыт хум, горловина которого закрыта обломком боковины крупного глиняного сосуда. Хум высотой 1,10 м, диаметр венчика — 0,45 м, тулова — 0,75 и дна — 0,40 м. Тулово у него грушевидное, горловина слабо выражена, с массивным прямоугольным в сечении венчиком и пояском по внешнему краю из наклонных пальцевых вдавлений. Сосуд стоял в специальной яме подквадратной формы, стенки ее выложены сырцовым кирпичом, уложенным в два ряда вперевязку.

Рядом с северо-восточным углом помещения 2 была мусорная яма (диаметр 1,10 м, глубина 90 см). В ее заполнении находился лесс, смешанный с золой. Находок очень мало: кости животных, рыба чешуя, несколько маловыразительных фрагментов керамики.

Фасадная стена сохранилась в высоту до 65 см, сложена из сырцового кирпича (44—45×22—25×10 см), уложенного вперевязку. Пол 12 строи-

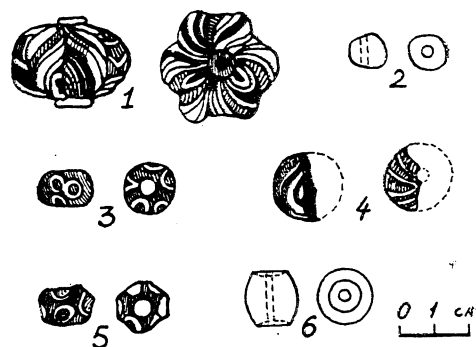

Рис. 29. Бусы из слоя девятого строительного горизонта.

Рис. 30. Зооморфный сосуд.

дит помещение 2, во второй — помещения 1 и 3. В помещении 3 известен размер южной стены — 5,25 м. В восточном углу раскопа отмечен небольшой участок помещения 1 с обрывками южной и западной стен, уходящих под срез раскопа.

Стены помещений сохранились в высоту до 80 см. Они сложены из плотного сырцового кирпича (45×25×10 см; изредка 40×25×10 см), уложенного вперевязку.

Слой завала в помещениях пола 19 состоял из рыхлого лесса с многочисленными фрагментами сырцового кирпича. В припольном слое зафиксированы рыхлые слоистые зольники, смешанные с лессом и гумусом. Глинобитный пол прослеживался слабо, лишь на отдельных участках, главным образом у стен, проступала плотная глинобитная прослойка, иногда с дополнительной выкладкой из боя сырцового кирпича.

Культурный слой, включающий четыре строительных горизонта (10—13, полы 14—19), датируется VII—VIII вв. Для уточнения датировки обратимся к керамике (рис. 42—46). Встречено несколько характерных для VII—VIII вв. форм мисок и кружек. Миски со спрямленной закраиной и довольно четким перегибом к тулову. Они гончарной выделки, покрыты желтоватым ангобом. Подобным образом изготовлены и кружки. У них прямая горловина со слегка отогнутой закраиной, низкое широкое тулово с валиком, под которым укреплен маленькая кольцеобразная ручка. Есть дру-

тельного горизонта прослеживался очень хорошо по плотной глинобитной обмазке толщиной до 25 см, дополненной на отдельных участках сырцовыми кирпичами. На полу имелась прослойка из коричневого гумуса, смешанного с золой (слой до 30 см). В помещении 2 на глинобитном полу зафиксирована очень тонкая прослойка коричневого гумуса, перекрытая, как отмечалось, прослойкой (50 см) рыхлого надувного лёсса, — результат довольно длительного запустения помещения.

Тринадцатый строительный горизонт выявлен в стратиграфическом раскопе на уровне яруса XVI (пол 19; на 8 м ниже реперной отметки). Это остатки трех помещений, планировка которых и размер полностью не выяснены (рис. 37). Установлено лишь следующее: как и в предыдущих строительных горизонтах, с севера на юг раскоп пересекает фасадная стена здания толщиной 90 см. С восточной стороны к ней примыкает, видимо, глухая стена (толщина 1,10 м), разделяющая два жилых комплекса: в первый входит

гой тип кружек с нешироким туловом и расширяющейся слегка вверх горловиной. Аналогии мискам и кружкам имеются в поздней керамике Шаушукум-тобе³⁸, Горткуль-тобе³⁹, Пенджикента⁴⁰. В материалах верхнего слоя джетыасарских памятников и Шаушукум-тобе отмечены и красноощенные кружки с зубчатыми треугольными в сечении ручками и геометрическим орнаментом⁴¹.

Весьма характерны для VII—VIII вв. узкогорлые столовые кувшины с длинным носиком-сливом⁴². В верхнем слое Джеты-асаров встречен тип кувшинов с широкой горловиной, со сливом и крутыми плечиками⁴³. Хумы с двумя типами венчиков: трапециевидным и прямоугольным, зачастую с орнаментом в виде пояса пальцевых вдавлений, обычны в материалах VI—VIII в. среднего течения долины Сырдарьи⁴⁴ и Арыси⁴⁵. Вспомним также о весьма распространенной в VII—VIII вв. форме светильника на высокой ножке с резервуаром⁴⁶. Монеты тюргешско-согдийского типа, найденные на полу 15, подтверждают предложенную датировку слоя VII—VIII вв.

На глубине 8,25 м (XVII ярус) площадь стратиграфического раскопа была значительно сокращена, и дальнейшее углубление продолжалось в юго-восточной части раскопа небольшим шурфом размером 5,25×2,50 м (шурф вытянут с северо-востока на северо-запад).

Под уровнем пола 19 находился слой рыхлой золы толщиной до 50 см, смешанной с лессом (до границы XVII—XVIII ярусов). В слое встречены фрагменты сырцового кирпича, но какой-либо систематичной кладки не выявлено. В юго-восточной части шурфа зачищены остатки очага (диаметр 60 см, глубина 50 см), заполненного золой с угольками. Стенки очага слегка прокалены.

В XX ярусе (—10 м от репера) прослежен последний 20 пол стратиграфического шурфа, на уровне которого зачищены остатки сильно оплывшей

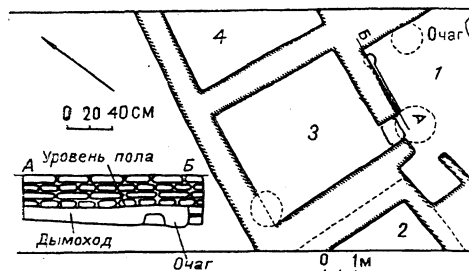

Рис. 31. План раскопа на уровне пола 14.

³⁸ Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка. В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, табл. V, VII.

³⁹ Н. П. Подушкин. Ранние оседлые поселения долины Арыси (I—VIII вв.). Автореферат канд. дисс. Алма-Ата, 1970, стр. 12.

⁴⁰ И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.). МИА, № 124, 1964, рис. 17, 21.

⁴¹ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыасарской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, рис. 11, 16; Е. И. Агеева. Указ. работа, табл. VII, VIII.

⁴² И. Б. Бентович. Указ. работа, рис. 19.

⁴³ Л. М. Левина. Указ. работа, рис. 17.

⁴⁴ Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка, табл. IX.

⁴⁵ Н. П. Подушкин. Ранние оседлые поселения долины Арыси (I—VIII вв.). стр. 11.

⁴⁶ И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.), рис. 28; А. Н. Бернштам. Труды САЭ «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, табл. VI.

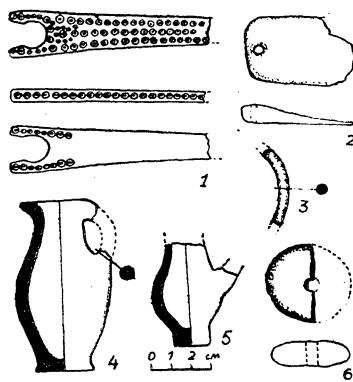

Рис. 32. Находки в слое десятого — тринадцатого строительных горизонтов: 1 — кость; 2 — камень; 3 — бронза; 4—6 — глина.

стены, сложенной из сырцового кирпича (размер установить не удалось). Стена (высота до 90 см и ширина по основанию 90 см) пересекает площадь шурфа с юго-востока на запад. Вся площадь шурфа от уровня с очагом (XVII—XVIII ярусы) до уровня пола 20 заполнена чередующимися прослойками (толщина 10—20 см) золы, зеленого гумуса, гумусированного лесса.

Остатки стены на уровне пола 20 выделены в *четырнадцатый строительный горизонт*.

Начиная с XXI яруса строительные конструкции в шурфе не встречены. Пол 20 коится на рыхлом лессовом слое с вкраплениями золы, угольков (XXI—XXIV ярусы).

После углубления до 3 м площадь шурфа была уменьшена еще раз и углубление продолжалось на участке (3,25×2,50 м). С XXIV яруса и вплоть до XXVIII—XXIX ярусов в шурфе начался мощный слой плотного черного зольника. В нем обнаружено лишь несколько обломков костей животных и фрагментов керамики.

Под зольником оказался слой серого лесса, смешанного с песком, встречались и мелкие очаги с золой (XXIX—XXXI ярусы). Выявлено несколько невыразительных фрагментов керамики, в основном боковины толсто-стенных сосудов, сделанных вручную, слабообожженных, иногда покрытых светлым ангобом. Очень характерны обильные примеси мелкого речного песка в тесте. В XXXI ярусе начался материковый слой в виде коричневатой плотной глины с тонкими прослойками мелкого песка, прослеженный до XXXIV яруса. Последние два метра грунта в шурфе очень влажные.

Среди керамики, происходящей из слоя с очагом (XVII ярус), на уровне пола 20 преобладали фрагменты кувшинов ручной лепки, покрытых белым и красновато-коричневым ангобом (рис. 39—40). Для них характерны высокая горловина со слегка отогнутым наружу венчиком и большей частью покатыми плечиками. На двух фрагментах заметно слабое прорезное рифление, у одного из сосудов под ручкой находились две наклепные шишечки. Встречаются желобчатые ручки. Горловины хумов с массивными подтреугольными и прямоугольными венчиками с желобками покрыты серым, красным и коричневым ангобом. Тонкостенные кружки имеют прямую горловину со слегка отогнутой закраиной, покатыми плечиками, округлое тулово и кольцеобразные ручки в средней части. Все кружки краснолощенные.

Материал, полученный из слоя, незначителен и его весьма трудно датировать. Интересно, что в слое отсутствуют краснолощенные сосуды с геометрическим орнаментом, хумы с пальцевыми вдавлениями. Между тем такого типа керамика встречалась в предыдущем слое, отнесенном к VII—VIII вв. Если обратиться к аналогиям, можно заметить некоторую близость отарских материалов к посуде Актобе 1 из слоя IV—V вв.⁴⁷, среднего го-

Материал, полученный из слоя, незначителен и его весьма трудно датировать. Интересно, что в слое отсутствуют краснолощенные сосуды с геометрическим орнаментом, хумы с пальцевыми вдавлениями. Между тем такого типа керамика встречалась в предыдущем слое, отнесенном к VII—VIII вв. Если обратиться к аналогиям, можно заметить некоторую близость отарских материалов к посуде Актобе 1 из слоя IV—V вв.⁴⁷, среднего го-

⁴⁷ М. С. Мерзиев. Городище Актобе 1 (IV — начало XIII в.). В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, рис. 22.

ризонта Шаушукум-тобе⁴⁸, из Кос-тобе (южное) IV—VI вв. В то же время в слое XVII—XVIII ярусов отсутствуют ведущие типы керамики комплексов I—IV вв. из Джетысаров и Актобе 2. Исходя из этого четырнадцатый строительный горизонт и слой, его подстилающий (вплоть до XXIV яруса), предварительно определяются IV—VI вв.

На территории рабада Отрара было заложено три небольших шурфа, доведенных до материкового слоя.

Шурф в северной части рабада (3×2 м, глубина 3,75 м от уровня дневной поверхности) не выявил каких-либо строительных конструкций (рис. 38, 2). Тем не менее достаточно четко прослеживаются два культурных слоя. Верхний слой мощностью до 1 м начался сразу же после дерна. Это рыхлый гумусированный лесс, в котором вкраплены зольные линзы. Его нижняя граница хорошо заметна по тонкой прослойке сгнившего камыша и зольным линзам. В северной части шурфа на этом уровне обнажилась боковинка тандыра, уходящего под срез.

Нижний слой — также рыхлый лесс с вкраплениями золы и угольничков мощностью до 1 м. В 2,20 м от дневной поверхности зафиксирована плотная глинобитная платформа (толщина 1,30 м), под которой обнаружен слой (5 см) горелого камыша, лежащего на материке (серый мелкий песок).

Из шурфа получена довольно значительная коллекция керамики, которая датирует период обживания в этой части городища. Керамика нижнего слоя, в том числе и случайные черепки, отмеченные в искусственной платформе, хорошо знакомы по материалам девятого строительного горизонта (пол 13) стратиграфического раскопа на шахристане Отрара (X—XI вв.). Это фрагменты с белой и желтой глазурью по светлому или красно-коричневому фону. Росписи выполнены красной, коричневой, фисташковой красками. Горшковидные сосуды были с налепами под венчиком и без них. Полусферические крышки со штампованным орнаментом. Особо следует отметить найденный в глинобитном слое миниатюрный сосуд (диаметр 15,5 см, высота 8 см), повторяющий форму котла. Венчик его украшен парными налепами (на противоположных сторонах) в виде «шишечек» и коротких жгутов, примятых пальцами. Внешняя поверхность покрыта коричневым ангобом. Такой формы сосуд впервые встречен в керамике Отрара.

В верхнем слое северного шурфа есть керамика, также известная по восьмому строительному горизонту Отрара (XII — начало XIII в.), в частности светлофонная поливная посуда с геометрической росписью, мраморовидная с гравированным орнаментом. В дерновом слое шурфа в северной части рабада обнаружено несколько черепков, характерных для XIII—

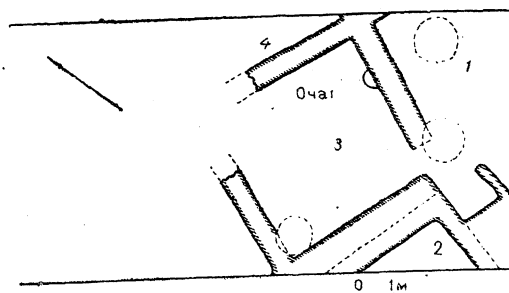

Рис. 33. План раскопа на уровне полов 15—16.

⁴⁸ Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка, табл. VI.

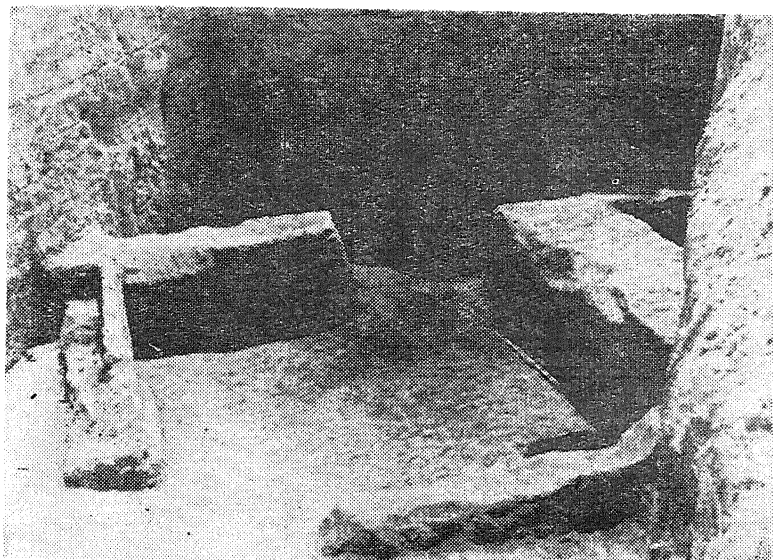

Рис. 34. Общий вид раскопа на уровне полов 15—16.

Шурф, заложенный в восточной части рабада (3×2 м, глубина 4,35 м), обнажил под дерновым слоем горизонт рыхлого гумусированного лесса (толщина 50—60 см) с линзами сгнившего камыша и золы в основании. Под ним оказалась прослойка рыхлого лесса с вкраплениями золы и угольков. Как и в северном шурфе, нижний слой здесь находился на плотной глинобитной платформе толщиной до 1,75 м. Платформу подстилала тонкая линза горелого камыша (рис. 38, 3), лежащая на материке (3,60 м от дневной поверхности). Керамика из шурфа по аналогии с материалами шахристана Отрара позволяет определить время обживания восточной части рабада: X — начало XIII в.

В северном и восточном срезам шурфа обнаружены поздние погребения в склепах, впущенные до уровня нижнего слоя. Склепы сооружены из кирпича-сырца (50×?×10 см) и жженого кирпича (20×10×4 см и ?×20×6 см). Инвентарь в погребениях отсутствовал.

Подведем некоторые итоги стратиграфических наблюдений на шахристане древнего Отрара.

Здесь выделено семь культурных слоев, которые охватывают значительный период — с IV—VI по XVII—XVIII вв.

Слой IV—VI вв. — четырнадцатый строительный горизонт (пол 20) и подстилающий культурный слой (толщина около 3,50 м) — объединяет XVII—XXIV ярусы.

XIV вв., в частности с голубой поливой и черной росписью. Происхождение их не совсем ясно, однако не исключено, что северная часть рабада Отрара была обжита в монгольское время.

В южной части рабада зафиксирована аналогичная стратиграфия (рис. 38, 1). Под дерновым слоем выявлено два горизонта: верхний — рыхлый гумусированный лесс с остатками сильно оплавившей сырцовый стенки и нижний — плотный лесс с тонкими линзами гумуса и золы. Нижний слой лежит на материке (2,65 м от поверхности). Найденные фрагменты керамики, в том числе поливной, дают основание полагать, что южная часть рабада была заселена в X—XII вв.

Слой VII—VIII вв. включает четыре строительных горизонта: десятый (пол 14), одиннадцатый (полы 15, 16, 17), двенадцатый (пол 18) и тринадцатый (пол 19). Толщина его около 3,50 м (ярусы X—XVI).

Слой X—XI вв. — девятый строительный горизонт (пол 13) — ярусы VIII—IX. Мощность слоя 75 см.

Слой XII — начала XIII в. — восьмой строительный горизонт. Он захватывает два уровня полов — 11 и 12 (ярус VII).

Слой XIII—XIV вв. включает седьмой строительный горизонт, куда входят три уровня полов — 8; 9, 10. Мощность слоя 1 м (ярусы V—VI).

Слой XV—XVI вв. состоит из пяти строительных горизонтов: второго (полы 2 и 3), третьего (пол 4), четвертого (пол 5), пятого (пол 6) и шестого (пол 7). Мощность слоя 1,50 м (ярусы II—IV).

Слой XVII—XVIII вв. — первый строительный горизонт (пол 1), ярус I.

Строительные конструкции различных периодов зафиксированы в Отраре до пола 20 (ярусы XX—XXI), т. е. до глубины чуть более 10 м от уровня дневной поверхности. Обращает на себя внимание прежде всего единство планировочного пятна в северной части городища на протяжении всех строительных горизонтов, отсутствие построек в северо-западной части, прилегающей к крепостной стене. Все капитальные строительные конструкции начинались в 15—20 м от оборонительных сооружений Отрара. Следует подчеркнуть также преемственность планировки и жилых сооружений, зафиксированных в юго-восточной части стратиграфического раскопа. Несмотря на разнообразие внутренней планировки жилых комплексов, различия в формате строительного кирпича, все остальное свидетельствует о преемственности планировочного пятна периферийного участка Отрара.

Как видно из стратиграфической колонки, раскоп на Отраре не дал материалов первых веков нашей эры. Между тем в дальнейшем таковые вполне возможны. Предположение основано на наличии мощного культурного слоя (около 3,5 м), подстилающего горизонт IV—VI вв. Вероятно, раскоп попал на периферийный участок более ранних строительных комплексов, которые следует искать в центральной части городища, скорее всего на территории цитадели древнего Отрара. Именно цитадели городищ дают, как правило, наиболее ранние материалы.

Весьма перспективным для изучения представляется слой VII—VIII вв. Судя по материалам стратиграфического раскопа, мощность ранне-

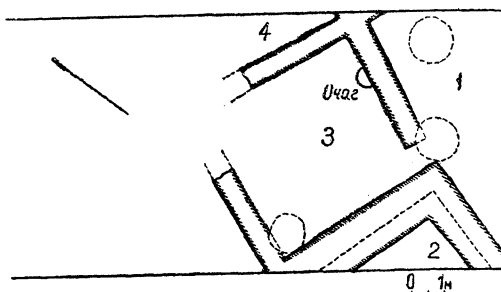

Рис. 35. План раскопа на уровне пола 17.

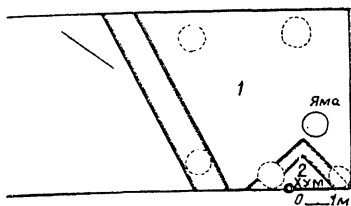

Рис. 36. План раскопа на уровне пола 18.

средневекового слоя Отрара около 3,50 м, что значительно превышает толщину культурных наслоений более поздних эпох. Сравнительно хорошо сохранились и строительные конструкции данного периода. Несомненно, Отрар VII—VIII вв. — это крупный городской центр со сложившейся округой.

Менее мощны (около 1,50 м) культурные напластования X—XII вв. на шахристане Отрара. Но именно в этот период обживается огромная территория рабада. Интересно, что постройки в его восточной и северной частях возведены на глинобитной платформе толщиной до 1,50 м. Платформу подстилает слой горелого камыша. По-видимому, рабад расположен на освоенных заболоченных участках вокруг шахристана Отрара.

В материалах стратиграфического раскопа не зафиксированы какие-либо следы «Отрарской катастрофы», т. е. следы пожаров или разрушений в слое XII — начала XIII в. отсутствуют. Почему, пока не совсем ясно. Джувейни и Рашид-ад-Дин утверждают, что монголы после взятия Отрара разрушили лишь цитадель города. Не исключено, что во время штурма не весь город был razoren. Тем не менее косвенные подтверждения последствий трагических событий начала XIII в. все-таки есть. В частности, при возведении стен построек XIII—XIV вв. широко использовались обломки жженого кирпича. Возможно, где-то неподалеку от места стратиграфического шурфа остались разрушенные постройки, откуда и брали кирпич.

Выявленный материал подтверждает мнение о расцвете ряда присырдарьинских городов, в частности Отрара, в XV—XVI вв., высказанное ранее главным образом на основе изучения подъемного материала⁴⁹. Поздне-средневековые слои городища весьма перспективны для исследования проблемы становления казахских ханств и роли городов в этом процессе.

ОБЩИЙ ОБЗОР КЕРАМИКИ

Керамика IV—VI вв. (рис. 39—41). К этому хронологическому диапазону можно отнести немногочисленные группы керамики, полученные из слоя ярусов XVII—XVIII, обнаруженные на полу 20 и в подстилающем рыхлом зольном слое. Датировка нижнего слоя Отрара пока предварительная, ибо возможна перемешанность материала вследствие залегания в рыхлых гумусированных и зольных отложениях. Однако при выделении данной группы учитывалось отличие облика керамики ярусов XVII—XXIV от керамики слоя VII—VIII вв., а также отсутствие в ней форм, характерных для комплексов I—IV вв. на таких городищах среднего течения Сырдарьи и долины Арыси, как Актобе 2, Караул-тобе, Кос-тобе (южное) и др.

⁴⁹ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 42.

Хумы и хумчи (рис. 40, 8, 12, 13; рис. 41, 1, 2, 6, 7) изготовлены ручной лепкой из теста с известковыми примесями и песком. Почти все фрагменты (их около десятка) целиком или мазком широкой кистью покрыты серым, красным и коричневым ангобом. Форма массивных венчиков различная: подтреугольная, прямоугольная с горизонтальным желобком. Один из фрагментов с прямым, чуть утолщенным венчиком. Диаметр горловин 20—38 см. Тулово некоторых сосудов украшено неглубокими каннелюрами.

Ведущей формой керамики Отрара IV—VI вв. являлись кувшины (рис. 39, 1, 2, 4, 11; рис. 40, 2, 4—6, 11, 14; рис. 41, 4, 5). К сожалению, все находки фрагментарны.

Из 21 фрагмента горловин кувшинов лишь три от сосудов, сделанных на круге, остальные от вылепленных вручную. Они изготовлены из теста с небольшими примесями песка, дробленой дресвы, реже известковых включений. Поверхность покрыта белым или красновато-коричневым ангобом. Как правило, красный ангоб наносился на внутреннюю поверхность горловины. На одном фрагменте коричневый ангоб с потеками встречен на обеих поверхностях сосуда. Кувшины имеют высокое горло диаметром 8—11 см (узкогорлые) и 14—18 см (горшковидные), отогнутый наружу, в сечении прямой, реже подтреугольный венчик и большей частью покатые плечики.

Кувшины орнаментом не украшены. Лишь в двух случаях (ярус XVII—XVIII) отмечено слабое рифление и наlepной орнамент в виде двух шишечек под ручкой сосуда (рис. 40, 11). Один фрагмент с треугольным выступом на венчике в месте соединения ручки с горловиной.

По-видимому, большинство сосудов имело небольшую ручку, прикрепленную верхним концом чуть ниже закраины. У двух крупных кувшинов были ручки с желобками и пальцевыми вдавлениями по бокам. Встречен фрагмент боковины кувшина со слегка примятым носиком-сливом.

Один фрагмент, по-видимому, фляги (рис. 40, 9). У нее невысокая прямая горловина с профилированным венчиком, посаженная на резко спрямленное плечико. Тесто хорошего промеса с небольшими примесями песка, обжиг неполный. Внешняя поверхность покрыта желтоватым ангобом.

Кружки (рис. 39, 6, 8; рис. 40, 17) сделаны из хорошо промешанного и отмученного теста с небольшими примесями песка. Диаметр венчиков и днищ приблизительно одинаков — 8—10 см. Кружки имеют прямое высокое горло со слегка отогнутым и утончающимся краем, покатые плечики и округлое тулово. Ручки петлеобразные или в виде кольца, подтреугольные или округлые в сечении, прикреплены в средней части тулова. Все сосуды покрыты густым красновато-коричневым ангобом и залощены. Ангоб захватывает и внутренний край горловины. Есть фрагменты кружек ручной лепки, они изготовлены из шамото-дресвяного теста. Верхний конец ручки расположен у закраины, а нижний — в верхней части тулова (рис. 41, 8).

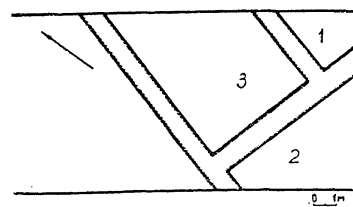

Рис. 37. План раскопа на уровне пола 19.

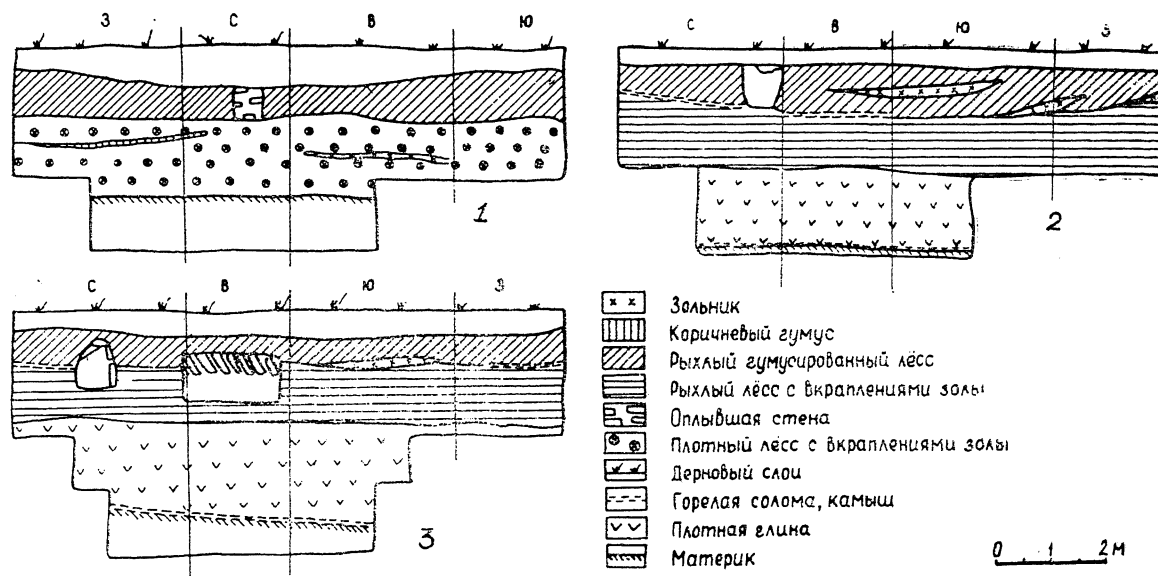

Рис. 38. Разрезы шурфов на территории рабада Отрара.

Встречено несколько фрагментов горшкообразных сосудов. Они сделаны вручную из рыхлого теста с большой примесью дресвы и шмота, обожжены слабо. Неширокое тулово с покатыми плечиками снабжено слабо выраженной прямой горловиной с небольшой вертикальной ручкой, крепившейся верхним концом у закраины горловины (рис. 39, 9; рис. 40, 1, 3, 7).

Отмечено также несколько фрагментов жаровен с низкими бортами, поставленными вертикально или под углом ко дну. Тесто у них с большой примесью дресвы, на поверхности сохранились следы затирки (рис. 39, 10, 12; рис. 40, 10).

Сосуды типа тагоры (рис. 38, 3, 5; рис. 41, 3) ручной лепки. Покрыты светлым ангобом. Имеют широкое устье и прямые стенки, слегка зауженные ко дну. Тесто содержит небольшую примесь песка.

Керамика VII—VIII вв. (рис. 42—46). Как уже говорилось в разделе, посвященном стратиграфии раскопа, материалы VII—VIII вв. получены в десятом — тринадцатом строительных горизонтах (полы 14—19).

Среди них очень разнообразны сосуды типа хумов (рис. 42, 1, 2; рис. 43, 1, 5, 8, 9; рис. 44, 1, 2). В основном это крупные сосуды (целый экземпляр на полу 18 высотой 1,10 м). Диаметр венчика 45 см и дна — 40 см. В тесте небольшие примеси песка. Обжиг красноватый. Хумы формовались ленточным способом из полос шириной до 20 см. Венчик и дно лепились также отдельно. На днищах остались отпечатки песчаной подсыпки.

Места скрепления полос внутри заглажены, но на внешней поверхности хорошо видны многочисленные отпечатки пальцев. Тулово грушевидное (диаметр 80 см), с широкими, слегка покатыми плечиками. Ко дну оно сильно сужается. Горловина выражена слабо, массивный венчик прямоугольный в сечении, прямой или слегка отогнутый, с наклонными пальцевыми вдавлениями. Под венчиком иногда имеется невысокий валик. Бывают также сосуды с трапециевидным и подтреугольным венчиком. Сверху они ангобированы коричневой или черной краской (рис. 43, 1). Хумы типа отарских, особенно с пальцевыми вдавлениями по венчику, хорошо известны в памятниках долины среднего течения Сырдарьи и Арыси. Они характерны, например, для верхнего слоя городища Шаушукум-тобе⁵⁰, Торткуль-тобе⁵¹.

Встречены сосуды типа т а г о р ы, ручной лепки (рис. 42, 4; рис. 45, 1). Они покрыты сероватым ангобом с вертикальными потеками красной краски. Стенки у них прямые, закраина слегка профилирована. Обжиг красноватый. В тесте были известковые и песчаные примеси.

Ведущей формой являются к у в ш и н ы. Половина из них сделана на круге (рис. 42, 5—8; рис. 43, 3, 11—13, 18, 21, 22; рис. 44, 3, 5, 6; рис. 46, 1—3). По составу теста и характеру обжига сосуды можно разделить на две группы. Первые изготовлены вручную, из теста с примесью песка, извести, отделаны желтоватым и красным ангобом. Обжиг, как правило, неполный. У всех высокая горловина диаметром 16—18 см с подтреугольной в сечении закраиной, слегка отогнутой наружу. Ручки овальные, укреплены верхним концом под закраиной. Три ручки с неглубокими желобками, одна из них еще и с пальцевыми вдавлениями по краям.

Найден фрагмент горловины со сливом, слегка примятым пальцами. Судя по перелому в месте соединения горловины и тулова, сосуд был с крутыми плечиками. Его поверхность покрыта очень темным красновато-коричневым ангобом (рис. 46, 3). Кувшины подобного типа есть в верхнем слое джетыясарских памятников⁵².

Вторая группа сосудов, сделанная на гончарном круге, почти без примесей в тесте. Черепок у них в изломе светло-коричневый. Это широкогорлые сосуды с большой плоской ручкой, крепившейся под закраиной, и узко-

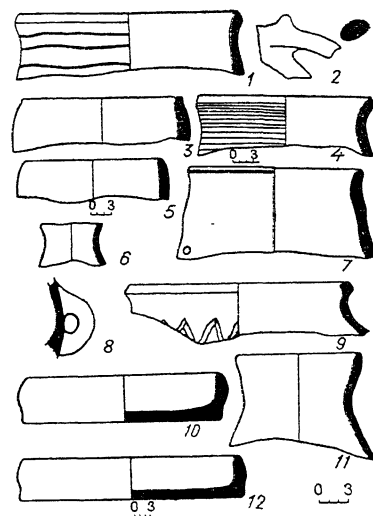

Рис. 39. Керамика из слоя ярусов XVII—XVIII.

⁵⁰ Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка. В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 109, табл. IX.

⁵¹ Н. П. Подушкин. Ранние оседлые поселения долины Арыси (I—VIII вв.). Автореферат канд. дисс. Алма-Ата, 1970, стр. 13.

⁵² Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыясарской культуры. В сб.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, рис. 17.

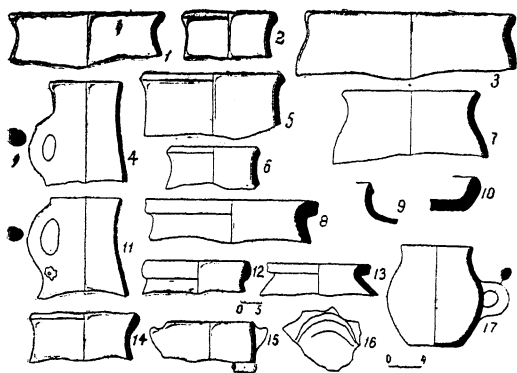

Рис. 40. Керамика, найденная на полу 20.

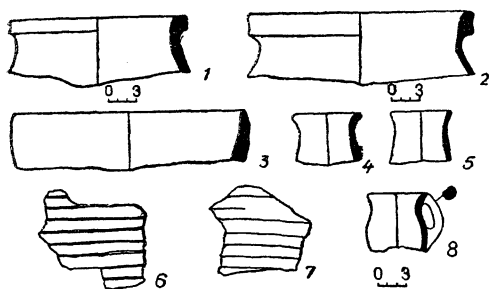

Рис. 41. Керамика ярусов XXI—XXIV.

коричневой краски. У двух кружек прямая горловина со слегка отогнутой закраиной, низкое широкое тулово с невысоким валиком, разделяющим горловину и тулово. Маленькая кольцеобразная ручка укрепена под валиком. Встречаются фрагменты красноощенных кружек, одна из них со стилизованной зооморфной ручкой (рис. 46, 4—6). По форме отрарские кружки близки джетысарским (верхний горизонт)⁵⁶. Есть кружка несколько

горлые с треугольной в сечении закраиной. Один фрагмент столового кувшина с плоской коленчатой ручкой имел узкую высокую горловину и длинный носик-слив (рис. 43, 13).

Кувшины первой группы, по-видимому, выполнены сообразно традициям предшествующего времени, когда преобладала посуда, сделанная вручную. Кувшины второй группы с тщательной гончарной выделкой хорошо известны в материалах раннесредневековых памятников Средней Азии⁵³.

В коллекции керамики VII—VIII вв. несколько фрагментов мисок. Они плоские (рис. 42, 9; рис. 43, 10; рис. 44, 4; рис. 45, 6, 7) с загнутой внутрь или прямой закраиной, иногда в верхней части стенки резкий перелом образует невысокий бортик. Миски тщательно изготовлены на круге, покрыты белым или желтоватым ангобом. В тесте обнаружены небольшие примеси мелкого песка и извести. Встречен фрагмент миски, сделанной вручную, с ножевыми подрезами у дна. Тулово у нее низкое, слегка выпуклое с заостренным краем. Она покрыта густым красновато-коричневым ангобом (рис. 45, 7). Миски, подобные отрарским, были в материалах среднего и верхнего горизонтов Шаушукум-тобе, Торткуль-тобе⁵⁴. Пенджикента⁵⁵.

Кружки очень тщательно выделаны на круге (рис. 45, 2—5). Они из теста того же состава, что и миски, внешняя поверхность их покрыта желтоватым ангобом. На одной из кружек на внешней поверхности имеются капли красновато-

⁵³ И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.). МИА, № 124, 1964, рис. 19.

⁵⁴ Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе, табл. V, VII; Н. П. Подушкин. Ранние оседлые поселения долины Арыси (I—VIII вв.), стр. 12.

⁵⁵ И. Б. Бентович. Указ. работа, рис. 17, 5—7.

⁵⁶ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джетысарской культуры, рис. 11 (37, 50 и др.).

иной, грушевидной формы. Основание горловины у нее подчеркнуто двумя каннелюрами. Подобные кружки известны в материалах Ак-тепе близ Ташкента⁵⁷.

На полу 14 найден фрагмент красноангобированного светильника с трапециевидным резервуаром и закраиной-площадкой с волнистым ободком (рис. 42, 15). Аналогичные светильники весьма распространены в материалах VII—VIII вв. в Средней Азии⁵⁸.

Горшки (рис. 42, 11; рис. 43, 2, 6, 7). Имеются два типа сосудов: кухонные и столовые. Кухонные сделаны из грубоватого дресвяного теста, поверхность их затерта и сильно закопчена. Они имеют невысокую горловину диаметром 13—15 см с прямым или отогнутым наружу венчиком. Один из фрагментов покрыт красноватым ангобом, который закопчен на внешней поверхности, но сохранился внутри. Встречены небольшие вертикальные ручки, по-видимому, от горшков. На одном из фрагментов основание ручки орнаментировано глубокими насечками. Такие же насечки нанесены на валик закраины кухонного горшка, обнаруженного на полу 16 (рис. 42, 8).

Столовые горшки тщательной гончарной выделки, в тесте небольшие известковые примеси и мелкий песок. У них округлое тулово со слабо выраженной горловиной и уступом для крышки. Внешняя поверхность покрыта желтоватым ангобом и орнаментирована волнистыми прочерченными поясками. Обжиг красноватый. Подобного типа столовые сосуды хорошо известны в материалах VII—VIII вв. Пенджикента⁵⁹.

Жаровни аналогичны сосудам того же назначения, встречавшимся в предыдущем слое. Борта низкие, поставленные под небольшим углом к днищу или слегка вогнутые (рис. 43, 19, 20; рис. 46, 7).

Крышки плоские или конические с раздвоенными ручками (рис. 42, 12, 13; рис. 43, 15, 16; рис. 45, 9), сделаны из грубого шамото-дресвяного теста, обожжены слабо. Встречаются орнаментированные крышки с радиально расходящимися прорезными линиями, имеется фрагмент

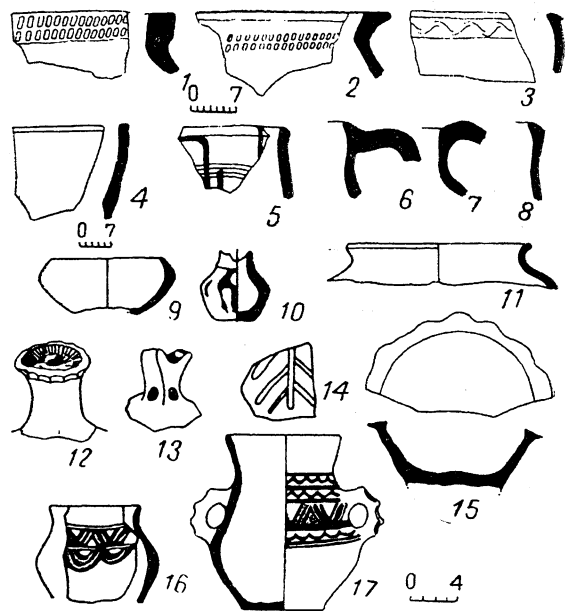

Рис. 42. Керамика с уровня пола 14.

⁵⁷ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента. Сб. «Материалы по археологии Узбекистана», т. 1. Ташкент, 1948, стр. 115, рис. 17.

⁵⁸ И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента, рис. 28; А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, табл. LVI.

⁵⁹ И. Б. Бентович. Указ. работа, рис. 8, 4—6.

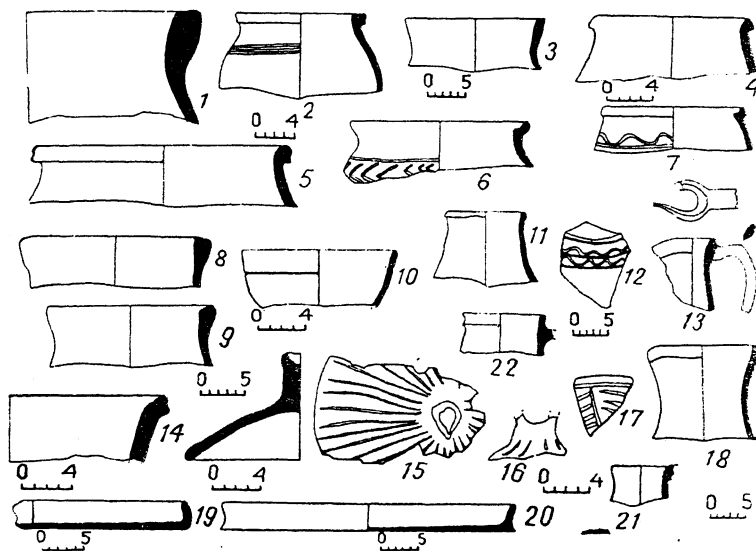

Рис. 43. Керамика, найденная на полу 18.

ангобирванной керамики с орнаментом немного, около 8%. Судя по фрагментам, ее можно разделить на горшки, кружки, крышки. Горшки с низкой горловиной и закраиной с уступом для крышки, отогнутой наружу. Кружки с округлым туловом (иногда с ребром в средней части) и низкой расширяющейся вверху горловиной. У них диаметр края 6—8 см, диаметр дна 5—6 см, высота 8,5—13 см. Кружки снабжены кольцеобразной зубчатой ручкой, которых бывает и две. Как правило, они орнаментированы геометрическим узором, прочерченным палочкой, в виде пояса «елочек», иногда в сочетании с полуovalами, последовательно расположенными вертикальными и наклонными линиями.

Аналогичная керамика известна по материалам среднего и верхнего горизонта Шаушукум-тобе⁶². Неорнаментированная кружка встречается в подъемном материале Алтын-тобе Отрарского оазиса. Краснолощенная орнаментированная керамика Отрара по мотивам орнаментации напоминает керамику «болотных» городищ низовий Сырдарьи⁶³ и верхнего гори-

красноангобирванной плоской массивной крышки. Орнаментированные крышки с раздвоенными ручками подобны крышкам из верхних слоев городища Шаушукум-тобе⁶⁰. Аналогичные крышки отмечены в Пенджикенте и Ак-Бешиме⁶¹.

Отличается от описанных групп посуда, покрытая красно-красновато-коричневым ангобом, с лощением и прочерченно-вдавленными геометрическим орнаментом (рис. 42, 14, 16, 17; рис. 43, 6, 17; рис. 44, 7, 8; рис. 45, 10, 11; рис. 46, 8, 9). Она обнаружена на всех полах слоя VII—VIII вв. Посуда сделана вручную, грубовато, в тесте примеси песка, обжиг неполный. В количественном отношении красно-

⁶⁰ Керамика городища Шаушукум-тобе. Архив отдела археологии ИИАЭ АН КазССР.

⁶¹ В. И. Распопова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1960, стр. 157.

⁶² Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе, табл. VI—VIII.

⁶³ Е. Е. Нерзик. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, стр. 127, рис. 56.

зонта джетысарских памятников⁶⁴. Но, судя по публикациям, в джетысарской керамике отсутствуют зубчатые ручки, столь характерные для краснолощенной керамики Отрара. Сходные мотивы орнаментации есть и в кердерской керамике VII—VIII вв., но она без лощения или чернолощенная. Зубчатых ручек также не зафиксировано⁶⁵.

Керамика X—XI вв. (рис. 47—58) получена в девятом строительном горизонте (пол 13, яма в помещении 1 и бадраб).

Хумы (рис. 47, 1—3, 8, 10; рис. 49, 1, 2). О сосудах этого типа можно составить представление по археологически целому экземпляру, найденному в помещении 1. У него низкая прямая цилиндрическая горловина диаметром 0,45 м с пояском наклонных пальцевых вдавлений. Есть вариант с пояском ямочных пальцевых вдавлений в три ряда. Плечи более покатые, сплошной «узор» из пальцевых вдавлений на тулове отсутствует, что характерно для сосудов этого типа, выявленных в слое VII—VIII вв. Хумы по-прежнему лепились по частям, но швы тщательно заглаживались.

Получила распространение и другая профилировка горловины — с прямоугольным в сечении венчиком-площадкой, отогнутой наружу (диаметр 40—45 см). Встречается и пояска ямочных пальцевых вдавлений по горловине. Один фрагмент был с наклепным валиком по ободку венчика.

Сосуды изготовлены из теста с примесью песка и, как правило, покрыты светлым ангобом. Обжиг красноватый.

Имеются широкогорлые сосуды типа ямов (диаметр до 30 см) с сильно суживающимся ко дну туловом, двумя петлеобразными ручками под закраиной, прямой или подтреугольной в сечении. Сделаны на круге. Край сосуда обычно украшен пояском прочерченного линейного или волнистого орнамента, а внутренняя поверхность — красновато-коричневым ангобом (рис. 47, 4; рис. 54, 10—13). Сосуды типа ямов отмечены Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем в керамике X—XII вв. городищ средней Сырдарьи⁶⁶.

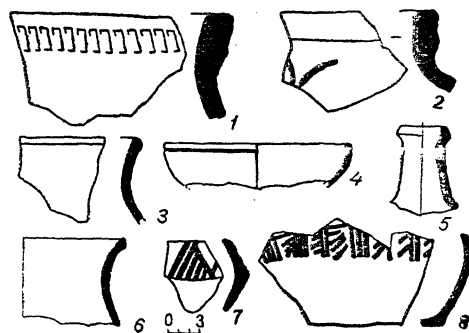

Рис. 44. Керамика
пола 17.

⁶⁴ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джетысарской культуры. В сб.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, рис. 9, 11 и др.

⁶⁵ А. В. Гудкова. Ток-кала. Ташкент, 1964, стр. 62—64, рис. 14, 15, 17.

⁶⁶ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, рис. 107.

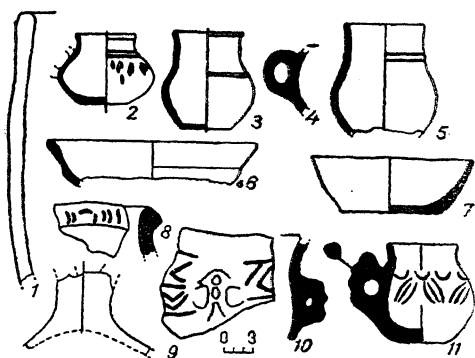

Рис. 45. Керамика
пола 16.

Кувшины, пожалуй, чаще обнаруживались в слое X—XI вв. (около 80 фрагментов). Они изготовлены на гончарном круге из глины с примесью песка. В изломе черепок красноватый. Два фрагмента серого обжига, остальные с желтоватым в изломе черепком. Снаружи, как правило, сосуды облицованы светлым ангобом, а около 12% из них — красноватым. Обычен орнамент в виде прочерченного по тулову линейно-волнистого узора. На одном крупном фрагменте и нескольких мелких зафиксирован расписной орнамент, выполненный красной и черной красками. Были также фрагменты с потеками на поверхности коричневатой краской.

Встречаются крупные кувшины с высокой цилиндрической горловиной или раструбом. У них скругленная закраина, треугольная или профилированная (рис. 48, 2, 4; рис. 52, 1, 2, 4, 5, 7—9, 11; рис. 56, 1, 2, 7). Диаметр горловин 4—6 см. Коленчатые ручки с выпуклой или желобчатой спинкой верхним концом прикреплены у края горловины, а нижним — в верхней части корпуса. Плечи у кувшинов широкие, скругленные, ко дну тулова значительно сужается. Корпус грушевидной или округлой формы. Аналогии данным сосудам известны в материалах X—XII вв. городищ среднего течения Сырдарьи⁶⁷, а также в материалах X—XI вв., собранных в Средней Азии⁶⁸.

Имеется и другой тип кувшинов (рис. 48, 1; рис. 52, 6, 10; рис. 56, 5, 6). Это невысокие сосуды с широкой цилиндрической горловиной (диаметр 8—10 см). Корпус шаровидный или приплюснуто шаровидный. Плоские в сечении коленчатые ручки иногда подняты чуть выше края горловины. Подобные кувшины неоднократно зафиксированы в материалах X—XII вв. городищ среднего течения Сырдарьи⁶⁹, встречаются и близкие по форме кувшины в материалах караханидского периода городища Кара-Булак⁷⁰. В бадрабе найдены два кувшина, один из них серого обжига, на дисковидном поддоне. Частично сохранилась его узкая горловина и, видимо, треугольная в сечении ручка (рис. 56, 3). Плечики покатые, тулово округлое. Корпус украшен прорезным орнаментом, нанесенным зубчатым штампом: между двумя concentрическими поясками строенных наклонных линий с загнутыми концами расположены пояски сомкнутых и одиночных полуovalов. Последние разделены вертикальными линиями.

⁶⁷ Там же, рис. 105, 106.

⁶⁸ М. Х. Урманова. Раскопки на центральном бугре городища Варахша в 1953 г. Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, 1956, стр. 131, рис. 7, 6—9.

⁶⁹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Указ. работа, рис. 105, 106.

⁷⁰ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 115, рис. 7, 4.

Другой кувшин с шаровидным туловом на дисковидном поддоне и узкой цилиндрической горловиной. Плечики тулова опоясывают прорезные арочки, дополненные солярными знаками в местах соединения (рис. 56, 2). Фрагмент кувшина серого обжига с прорезным орнаментом есть в яме помещения 1 (рис. 52, 10).

Обнаружен фрагмент кувшина с примятым носиком-сливом. Судя по грубоватой выделке, он изготовлен вручную. Поверхность его покрыта красным ангобом (рис. 56, 4).

В яме был также крупный фрагмент кумгана (отсутствует донная часть) традиционной формы, сделанный вручную из теста с большим содержанием мелкоколотченной дровы и растительных примесей. Черепок в изломе коричневатого цвета (рис. 52, 3).

Следует также сказать о некоторых типах столовых сосудов.

Встречены высокие большого диаметра (до 20 см) чаши (рис. 48, 10; рис. 56, 14, 15). У них полусферическое или усеченно-коническое тулово, венчик прямой или слегка отогнутый наружу с прямыми (2 экз.) и фестончатыми (4 экз.) закраинами. Сосуды покрыты сероватым ангобом, но чаще красновато-коричневым с лощением. На одном были потеки красного ангоба. Корпус, как правило, слегка каннелирован. Чаши сделаны на круге, из тщательно отмученного теста без заметных примесей, обжиг красноватый. Усеченно-конические чаши, в том числе оформленные фестонами, близкие отарским, известны в материалах X—XI вв. Варахши⁷¹, в поливной и неполивной посуде XI—XII вв. замка Калаи-Боло⁷², городища Кара-Булак⁷³. Фестончатые чаши встречались и ранее в районе средней Сырдарьи⁷⁴.

Интересны фрагменты чаш либо кувшинов, сделанных на круге и покрытых резным и выемчато-резным геометрическим узором (рис. 48, 7, 8). Подобного типа находки пока на Отраре единичны. Аналогии узорам есть в резном орнаменте на крышках X в. Варахши⁷⁵.

Обнаружены кружки (2 экз.) с низким приплюснутым туловом и довольно высокой расширяющейся кверху горловиной диаметром 10 см

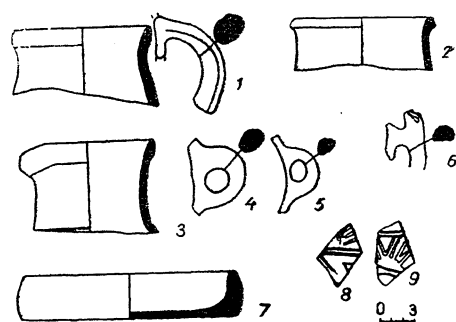

Рис. 46. Керамика пола 19.

⁷¹ М. Х. Урманова. Раскопки на центральном бугре городища Варахша в 1953 г., стр. 131, рис. 8, 3.

⁷² Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Душанбе, 1955, стр. 104.

⁷³ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Указ. работа, стр. 118, рис. 8.

⁷⁴ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, рис. 108.

⁷⁵ С. К. Кабанов. Раскопки жилого квартала X века в западной части городища Варахши. Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, 1956, стр. 110, рис. 14, 2.

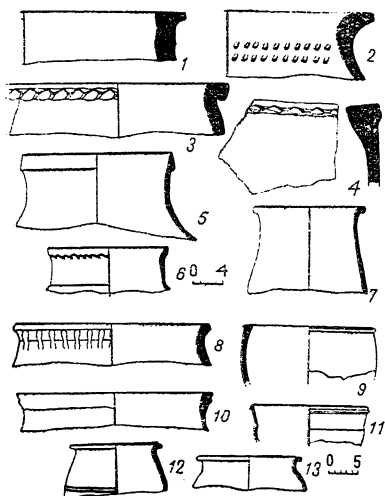

Рис. 47. Горшки, хумы пола 13.

(рис. 49, 8), покрытые красным ангобом. Аналогичные кружки известны в Средней Азии в караханидских материалах⁷⁶. Выявлены также маленькие кружки ручной лепки с красным ангобом (рис. 56, 9).

Краснолощенные сосуды баночной формы имеют немного выпуклое в средней части тулово и слегка уплощенную закраину диаметром 10—12 см, отогнутую наружу (рис. 47, 6, 12).

Весьма разнообразны кухонные и столовые горшки. Кухонные сосуды (рис. 43, 5, 6; рис. 54, 1, 4, 6—9; рис. 58, 3, 5—9) изготовлены на круге, из дресвяного теста, тонкостенные, темно-серого и черного обжига. Тулово у них чаще всего овальное, с покатыми плечиками, шейка образована отгибом края стенки наружу. Иногда встречаются сосуды, у которых прямая горловина с закраиной, прямоугольной или подтреугольной в сечении. Как правило, такой формы была посуда довольно крупных размеров, причем, вероятно, без ручек. Маленькие сосуды снабжены ручкой, крепившейся к верхней части тулова и под закраиной. Аналогичной формы имеются сосуды ручной лепки. Обе поверхности горшков чернолощенные или покрытые красновато-коричневым ангобом. К тому же они сильно закопчены.

Другая группа горшков, возможно, столового назначения, хотя на них кое-где сохранились следы копоты. От предыдущей группы они отличаются характерной высокой цилиндрической горловиной с закраиной, слегка отогнутой наружу, светлым обжигом или чуть красноватым. Поверхность их и горловина внутри покрыты красным ангобом (рис. 53; рис. 54, 5; рис. 58, 1, 2, 4, 10). На горловине бывают маленькие вертикальные ручки.

Как правило, «столовые» горшки орнаментированы. Самый простой элемент украшения — налепной валик с насечками под закраиной и симметрично расположенные горизонтальные и вертикальные налепы на верхней части тулова и под закраиной. По-видимому, налепов под закраиной и на тулове насчитывалось четыре или восемь. На трех сосудах был особенно нарядный орнамент (рис. 53). Один горшок украшен поясками S- и Ж-образных значков и парными прерывистыми волнистыми линиями. На ручках сделаны вертикальные парные углубления и налепы, примятые пальцами. У другого сосуда горловина выделена валиком с насечками и на верхнюю часть симметрично нанесены двоянные солярные знаки в плоскостях, ограниченных двумя вертикальными линиями и двоянными полуовалами в основании с заштрихованным полем. Орнамент прочерчен палочкой.

Еще один орнаментированный горшок покрыт красновато-коричневым ангобом темного оттенка. У него шаровидное тулово, цилиндрическая горло-

⁷⁶ Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка, стр. 115, рис. 7, 3.

вина с переломом в месте соединения с корпусом и слегка отогнутая закраина. Небольшая плоская в сечении ручка (возможно, две) крепилась под закраиной и в верхней части тулова. На ней имелся маленький налест шишечкой. Горловина выделена налестным валиком с наклонными насечками и орнаментом, выполненным штампом в виде пояса зубчатых полуovalов, поставленных вертикально. В верхней части тулова композиция состоит из гирлянд, в каждой из которых в центре помещен солярный знак, затем идут пояски полуovalов и мелкие солярные изображения. Пространство между гирляндами заполнено узором типа гуль ою, хорошо известным в тюркской орнаментике.

Очень разнообразны крышки (рис. 48, 11; рис. 50, 1, 2—8; рис. 51; рис. 57). Они отличаются друг от друга не только формой и размером, но и орнаментацией, причем декоративное убранство некоторых крышек очень красочное.

Встречаются плоские, сегментовидные и полусферические крышки (рис. 50, 3; рис. 51, 10, 17, 18). Ручки в виде низкого шпенька с примытым верхом или грибовидные. Орнамент нанесен глубоким штампом и зачастую очень простой:

концентрические пояски зубчатых прямых расположены под углом к центру.

По-видимому, плоские крышки предназначались для тандыров. Крупный фрагмент такой крышки обнаружен в заполнении тандыра.

Среди сегментовидных и полусферических крышек нет изделий, сделанных в форме. Они изготовлены на специальном шаблоне с обильной подсыпкой из зерен (просо?) и мелкорубленной соломки, иногда только песка. Основная масса находок — это небольшие крышки (диаметр 12—15 см). Ими закрывали сосуды, которые, судя по остаткам копти на внешней поверхности, ставили в огонь. Есть и крупные полусферические крышки диаметром 30—35 см и высотой в более выпуклой части до 13—15 см. На них следы копти отсутствуют.

Сегментовидные и полусферические крышки украшены концентрическими поясами. Приемы орнаментации самые разнообразные: рельефно-выпуклый и рельефно-вогнутый штамп, изредка резьба, в том числе выемчатая. Некоторые крышки орнаментированы различными узорами: это зигзагообразные линии в сочетании с симметрично расположенными «вихревыми» розетками; радиальные прямые; цепочки из полуovalов, ovalов, иногда удлиненных; солярный рисунок с «елочным»; пояски одиночных ромбов

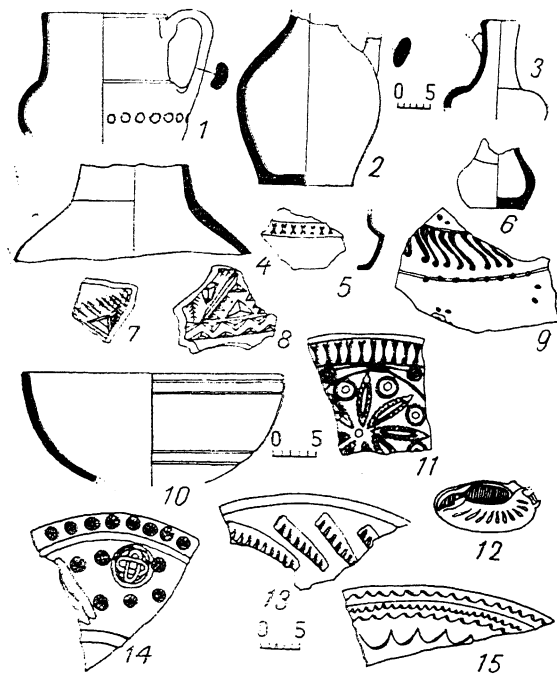

Рис. 48. Керамика пола 13.

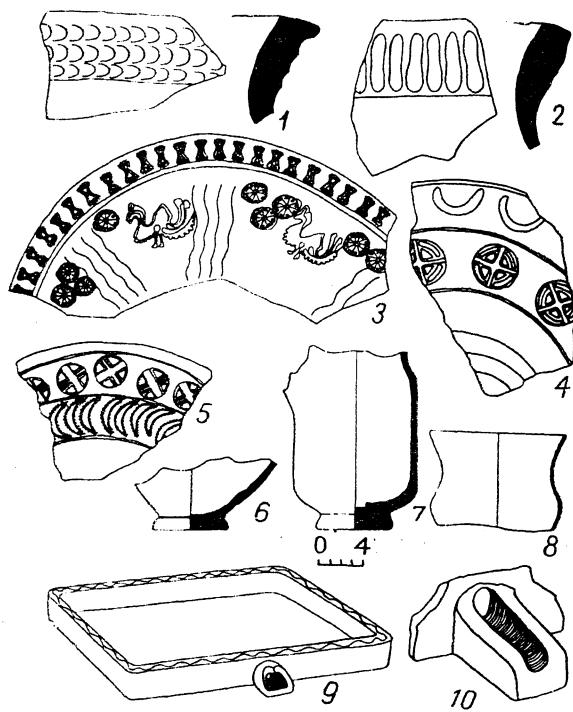

Рис. 49. Керамика из ямы помещения 1 пола 13.

розетками — группы вытянутых полуovalов с вписанными треугольниками, отделенные друг от друга одиночными солярными знаками. Техника нанесения орнамента — вогнуто-рельефный штамп и выемчатая резьба (рис. 48, 11). Видимо, у таких крышек были высокие массивные ручки с навершием площадкой, также украшенным восьмилепестковой розеткой (рис. 50, 7). Подобный мотив орнамента не характерен для оттарских крышек, но он отмечен в Афрасиабе на крышках кувшинов IX—X вв.⁷⁷

В слое вновь зафиксированы фрагменты крышек с грубоватым резным орнаментом, уже известных в VII—VIII вв. Они сегментовидные, с ручкой шпилькой и «шляпкой», оформленной налестками. Есть и раздвоенные ручки. На одной из крышек имелось отверстие для выхода пара (рис. 57, 4, 6—9).

Выявлено много старханов на невысокой цилиндрической или конусообразной полой внутри ножке (рис. 48, 13—15; рис. 49, 3—5; рис. 56,

с вписанными солярными значками. Составной частью композиции являются рельефно-выпуклые конические шишечки с ребристой поверхностью. Они обычно опоясывают крышку, но иногда располагаются по всей поверхности.

Грибовидные ручки крышек украшены радиальными ребристыми валиками с коническими шишечками на «шляпке» ручки.

Одна из крышек со штампованным орнаментом из бадраба имела конусовидную ручку с навершием в виде налестки, изображающего рога барана (рис. 57, 1).

Среди полусферических крышек встречаются красноангобированные. В яме помещения 1 найдена массивная крышка диаметром 38 см и высотой 16 см. Ручка отсутствует, но осталось цилиндрическое основание. По ободку крышки проходит прорезной линейный поясик и замятый пальцами валик (рис. 51, 19). Внешняя поверхность с радиальным лощением и покрыта густым красновато-коричневым ангобом. Другой экземпляр массивной красноангобированной крышки обнаружен на полу помещения 1. Ободок ее украшен пояском X-образных знаков. Внутри имеются крупные восьмилепестковые розетки, вписанные в круг. Между листьям розеток расположены солярные знаки, а между

⁷⁷ Г. Н. Балашова. К вопросу о неполивной керамике Средней Азии IX—X вв. Труды Государственного Эрмитажа, т. V. Культура и искусство народов Востока, вып. 6. Л., 1961, стр. 204, рис. 2; стр. 208, табл. III, 5; стр. 209, табл. IV.

12, 13). Эти изделия украшены резным штапованным орнаментом, а также простыми узорами, сделанными пальцем. Пальцами выполнены ямочные вмятины и линейный орнамент. Штамп применялся при отделке небольших комочков глины, наносимых на внутреннюю поверхность столика. В результате получались конусообразные с ребристыми боками шишечки. Штапом выполнены также розетки с переплетенными овалами, пояски несомкнутых сдвоенных полуовалов. На одном из дастарханов, найденном в помещении 2, группы из трех конических шишечек чередовались с изображением птицы с высоким гребешком и пышным хвостом, напоминающей птицу на крышках IX—X вв. из Афрасиаба⁷⁸ (рис. 49, 3).

Рис. 50. Крышки, давящая пола 13.

Имеются также небольшие дастарханы на трех (?) низких ножках, грубоватой выделки, из теста с обильными примесями дресвы и шамота. Рабочая поверхность шероховатая.

На полу 13 в яме помещения 1 найдено несколько фрагментов, видимо, да в л е н (рис. 49, 9, 10; рис. 50, 9). Это крупные сосуды, овальные или прямоугольные в плане (50×30 см) с плоским дном и массивными бортами высотой 9—10 см. Они снабжены носиком-сливом, расположенным у дна. Донная часть лепилась на подставке с обильной растительной подсыпкой.

Из других предметов отметим фрагмент с и т а (?) (рис. 56, 11).

В слое X—XI вв. вновь обнаружены краснолощенные сосуды ручной лепки с геометрическим прочерченно-вдавленным орнаментом. Это фрагмент крышки с «елочным» орнаментом и фрагмент кружки (рис. 56, 10). Последняя снабжена традиционной кольцеобразной треугольной в сечении ручкой с зубчиками по гребню, оттянутыми пальцами.

Поливная керамика слоя очень немногочисленна, всего два десятка фрагментов (рис. 48, 12; рис. 55). Сосуды покрыты прозрачной или слегка зеленоватой свинцовой поливкой по светлому фону, один черепок краснофонный (рис. 55, 10). По форме посуду можно разделить на блюда, чаши, пиалы. Блюда с плавным расходящимися от дисковидного поддона бортами и заметным перегибом в месте соединения борта и прямой закраины. Чаши

⁷⁸ Там же, стр. 207, табл. II.

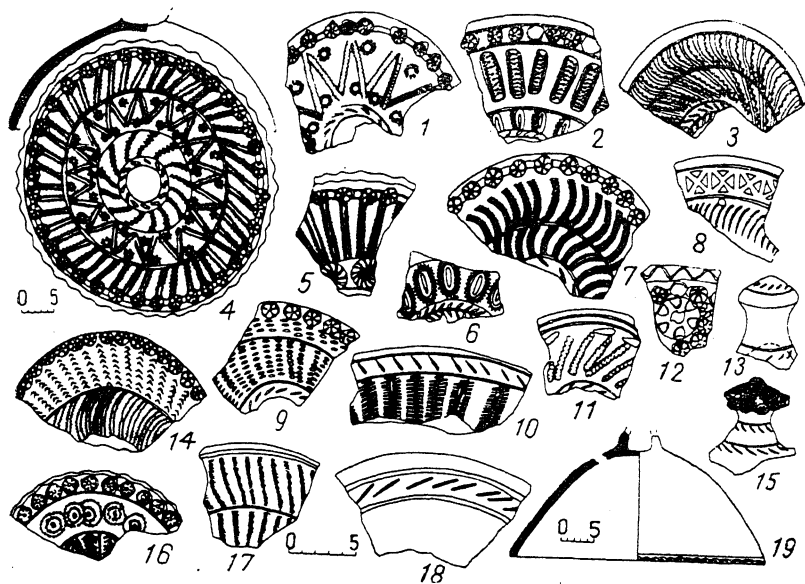

Рис. 51. Крышки из
ямы помещения 1 по-
ла 13.

мент эпиграфический, точечный, растительный, геометрический.

Как было отмечено, на керамике X—XI вв. встречается орнаментальная эпиграфика в виде прерывистых поясков по борту сосудов. Она иногда сопровождается центральной композицией, состоящей из вихревой розетки, обрамленной завитками. Промежутки между полями изредка заполнены маленькими пятилепестковыми розетками. Поясок эпиграфического узора обычно вписан в листовидный медальон, располагающийся по борту вокруг центрального сюжета. Узор — это переплетенные удлиненные овалы, помещенные в квадрат с вогнутыми сторонами. Обнаружен также фрагмент пиалы, по борту которой проходит темно-коричневая полоса с эпиграфикой.

На фрагменте блюда большого диаметра есть контурный рисунок в виде плетенки с мелкими деталями. Встречен также гравированный рисунок — это незамысловатая спираль и отдельные завитки (на светлом и красном фоне). Гравировкой же в виде штрихов дополнен растительный орнамент, выполненный темно-коричневой и красной краской. На одной из пиал центральное поле занято медальонами с внутренним рисунком.

Отрарская поливная посуда девятого строительного горизонта находит аналогии в керамике X—XI вв. Самарканда⁷⁹, Хорезма⁸⁰, в караханидских

⁷⁹ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда. Ташкент, 1967. Приложение, рис. 6 ж, стр. 116, рис. 28.

⁸⁰ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Труды ХАЭЭ, т. IV, М., 1959, рис. 9, 11.

с полусферическим корпусом. Выявлены также маленькие блюда с прямыми низкими бортами.

Имеются и светильники с петлеvidной ручкой, покрытые темно-коричневой поливой (рис. 48, 12) и светлой с подглазурной росписью (рис. 55, 5, 8).

Найден тувак с цилиндрическим туловом на дисковидном поддоне и отогнутой под углом широкой закраинной-площадкой (рис. 55, 11).

Керамика украшена росписью, выполненной красной, коричневой (иногда с желтизной), зеленой, а также фишашкового цвета красками. Обычно орна-

материалах городищ Северной Киргизии⁸¹ и района средней Сырдарьи⁸².

Керамика XII — начала XIII в. Позднекараханидская — раннемонгольская — керамика выявлена в слое восьмого строительного горизонта (полы 11 и 12).

Хумов (рис. 59, 1—3) обнаружено мало, всего пять фрагментов. Они от сосудов диаметром 40—45 см со слабо выраженной горловиной и закраиной в виде прямоугольной площадки, отогнутой наружу. Покрыты сероватым ангобом.

На один из фрагментов боковины с красным ангобом штампом нанесен орнамент — круг, разбитый на секторы, в окружении сдвоенных зубчатых полуovalов,

Тагоры (рис. 59, 4, 5) имеют трапециевидное тулово, скругленное ко дну, закраину в виде неширокой площадки. Под ней часто бывает глубокая каннелюра, врезанная ножом. Встречается и подтреугольная закраина с сильно уплощенным ободком. Внутренняя и частично внешняя поверхность покрыты красным или темно-коричневым ангобом. В нижней части тулова сделан поясok волнистого прочерченно-вдавленного орнамента. Сосуды изготовлены из теста с растительными примесями и песком. Обжиг красноватый, неполный.

Сохранилось много археологически целых кувшинов и их фрагментов. Посуда этого типа очень разнообразна (рис. 60, 1, 2, 11; рис. 62, 3, 7). Есть крупные водоносные сосуды с высокой горловиной (диаметр 7—8 см), слегка расширяющейся в верхней части. Венчик их подтреугольный в сечении, скошенный внутрь или уплощенный. Довольно крутые плечики плавно переходят в шарообразное тулово. Коленчатые ручки прикреплены под закраиной и в верхней части тулова. Встречаются овальные в сечении и желобчатые ручки, зачастую два довольно глубоких желобка образуют в ее средней части гребень. Два фрагмента принадлежат кувшинам несколько иной формы. У них низкая горловина большого диаметра с валиком под закраиной плавно переходит в покатые плечики, видимо, удлиненно-овального тулова.

Есть и другой тип водоносных кувшинов. У них широкое тулово, сильно сужающееся ко дну, узкая профилированная горловина с закраиной-площадкой. Плоская желобчатая ручка прикреплена верхним концом почти у основания горловины. Сосуды снабжены узким длинным носиком-сливом. Верхняя часть тулова оформлена легкими каннелюрами (рис. 60. 1).

Найдены также столовые кувшины. Они меньше размером и различной формы. Есть сосуды с горловиной раструбом диаметром 13 см, покатые

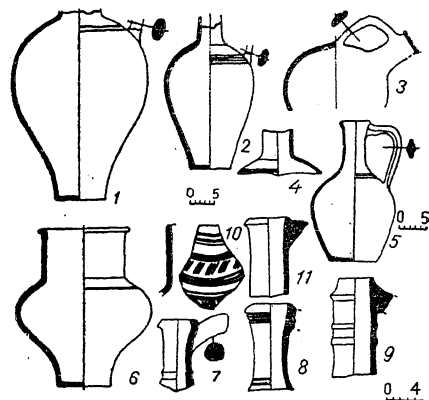

Рис. 52. Кувшины из ямы помещения 1 пола 13.

⁸¹ П. Н. Кожемяко. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище. Сб. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана». Фрунзе, 1967, стр. 64, рис. 5.

⁸² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 195, рис. 111.

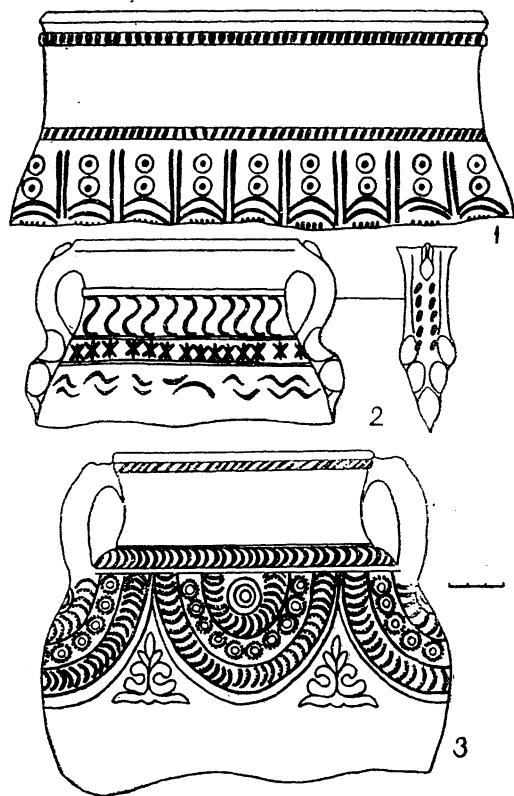

Рис. 53. Горшки из
ямы помещения 1 по-
ла 13.

плечики их переходят в тулово. Овально-уплощенная в сечении ручка поднята выше закраины.

Один фрагмент горловины с подтреугольной в сечении закраиной-площадкой, отогнутой наружу, принадлежит тонкостенному кувшину с красным ангобом и вертикальным лощением. Ангобирована до середины и внутренняя поверхность горловины.

Кувшины изготовлены из хорошо отмученного, почти без примесей теста, обжиг серый или слегка коричневатый. Как правило, они покрыты светлым или желтоватым ангобом. Лишь на крупные сосуды с низкой горловиной и валиком под закраиной нанесен двусторонний темно-коричневый ангоб. Тесто грубоватое, с растительными примесями и мелкоотолченной дрсвой. Черепок в изломе коричневого цвета. Выявлен прочерченный орнамент в виде волнистых поясков или полуovalов, заключенных в прорезные линейные пояски. Но более характерен расписной орнамент. Мотивы орнамента: поясok заштрихованных треугольников, повернутых вершинами в противоположные стороны, линейный со спиралевидными розетками, солярные знаки. Украшались тулово, ручка и горловина.

На одном из фрагментов узкогорлого кувшина особенно интересен расписной орнамент. Основание горловины, посаженной на крутые плечики, подчеркнута концентрическим пояском, под которым расположены розетки орнаментального мотива, хорошо известного в тюркском узоротворчестве. По средней части тулова проходит двоянный прочерченно-вдавленный линейный поясok, а над ним поясok наклонных S-образных значков. Нижняя часть композиции утрачена (рис. 62, 6).

Особо следует отметить три фрагмента боковинок, видимо, также кувшинов. Их тулово покрыто сплошным резным и выемчато-резным узором в сочетании с поясками мелких кружочков, нанесенных полой палочкой (рис. 60, 3—5). Подобного типа сосуды с резным орнаментом были в слое X—XI вв. К сожалению, в нашей коллекции имелись лишь мелкие фрагменты и составить по ним полное представление о композиции орнамента трудно. Однако, судя по фрагментам, в целом узор геометрического характера — зигзагообразные пояски, подтреугольные медальоны, разбитые на плоскости, заполненные треугольниками, ступенчатые фигуры. Встречается «елочный» орнамент. Мы уже говорили, что орнаментация, выполненная техникой выемчатой резьбы, как будто не характерна для керамики Отрара. Но некоторые ее элементы находят параллели в среднеазиатской керамике

X в.⁸³, а ступенчатые фигуры хорошо известны в раннесредневековом архитектурном декоре⁸⁴.

Есть несколько фрагментов мисок (рис. 60, 8). У них низкий, профилированный бортик слегка загнут внутрь или прямой. На двух фрагментах был двусторонний красный ангоб с лошением внутри.

Найдены также фрагменты чаш (рис. 60, 6, 7, 9, 10). Одна из них, по-видимому, на поддоне. Они покрыты двусторонним красным и темно-коричневым ангобом со слабым лошением. Миски и чаши изготовлены на круге из плотного хорошо отмученного теста с небольшими примесями извести. Диаметр сосудов 15—20 см.

Выявленные горшки традиционной формы, с низкой и отогнутой наружу закраиной (рис. 58, 6—11), покрыты темным красновато-коричневым ангобом и черным лошением, сделаны на круге с обильными примесью дровы. Эта форма горшков не характерна для слоя.

Чаще встречаются сосуды с высокой горловиной и прямой или отогнутой наружу закраиной, различной в сечении, иногда подтреугольной, с небольшим утолщением, прямой. Горловина либо плавно переходит в округлое тулово, либо резко, имеются крутые плечики, изредка с уступом. Бывают сосуды с небольшими вертикальными ручками, закрепленными в средней части горловины. Фрагменты покрыты ангобом: серым, желтоватым, темно-коричневым или красноватым.

Почти все сосуды данной группы орнаментированы. У кухонных горшков закраина подчеркнута налепным валиком с насечками или примята пальцами. Для столовых горшков обычен прочерченный, вдавленный или прорезной орнамент в виде волнистых или линейных поясков, наклонных пересекающихся линий, ямок. Состав теста различен. Часть сосудов изготовлена из хорошо промешанного теста с небольшими примесью песка, красноватого обжига. Иногда в тесте обнаруживаются примеси дровы. Горшки изготовлены на круге, лишь один ручной лепки.

Разнообразны по форме крышки — плоские и полусферические. Плоские крышки украшены штампованным орнаментом, мотивы которого хорошо известны по материалам предшествующего хронологического перио-

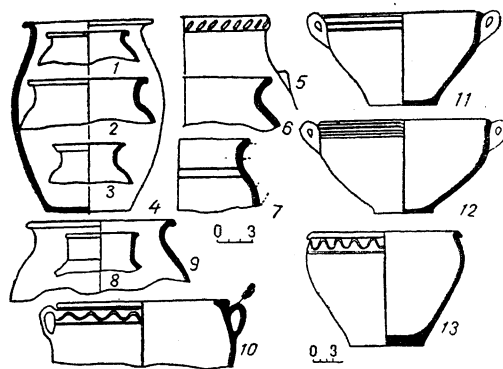

Рис. 54. Керамика из ямы помещения 1 пола 13.

⁸³ С. К. Кабанов. Раскопки жилого квартала X века в западной части городища Варахши, стр. 110, рис. 14, 2.

⁸⁴ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента. Сб. «Материалы по археологии Узбекистана», т. I, Ташкент, 1948, стр. 121, рис. 23; его же. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 164, рис. 71, 9.

А. Н. Бернштам связывал технику резьбы в керамике с резьбой кочевников по дереву (см.: Труды САЭ «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, стр. 127; его же. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 153).

Рис. 55. Поливная керамика из ямы помещения 1 пола 13.

мент, вдавленный пальцами, имеется и на внутренней поверхности столиков. Они покрыты красным ангобом. Один из фрагментов достархана украшен крупными двойными четырехлепестковыми розетками в круге, выполненными вогнутым штампом (рис. 59, 13).

Опишем технику орнаментации дастархана. Предварительно отведенные под орнамент участки обильно посыпались песком. После нанесения оттисков штампов поверхность дастархана тщательно затиралась. В результате песок с поверхности столика и рельефных частей орнамента счищался, но оставался в углубленных штампованных розетках. За счет глубины фона (желтоватый цвет рельефа на темно-сером фоне) мастер достигал еще большей выразительности рисунка. По-видимому, ножкой дастархана можно считать крупный фрагмент с массивной головой барана (рис. 59, 17). Судя по излому, подобных ножек было несколько, и они крепились под углом к плоскости столика. Не исключено и другое назначение фигурки.

да. Это пояски полуovalов, крестообразные значки, дополненные мелкими деталями, многолепестковые розетки, X-образные знаки. Вновь обнаружены красноангобированные крышки, особо тщательно орнаментированные врезным штампом и выемчаторезным в виде треугольников, расположенных поясками (рис. 61, 4, 5). Их узоры — вписанные вытянутые овалы с зубчатым окаймлением, X-образные знаки, многолепестковые розетки. Встречаются неорнаментированные красноангобированные лощеные крышки. У них лишь по краю протянут наклепной валик, примятый пальцами.

Полусферические крышки (3 экз.) небольшого диаметра (до 14 см) и сплошь орнаментированы врезным и барельефным штампом (рис. 61, 1, 2). Орнамент в виде шишечек с ребристой поверхностью, вихревых розеток, зубчатых прямых, косых насечек и т. д. Два фрагмента крышек грубоватой выделки, с «елочным» прочерченно-вдавленным орнаментом.

Ручки цилиндрические или конусообразные. Их головки зачастую украшены наклепными шишечками, радиально расположенными овалами (врезной штамп) и точечными вдавлениями, нанесенными притупленным концом палочки.

Есть фрагменты дастарханов на полых цилиндрических ножках (рис. 59, 12—16). Основание ножки оформлено широкой площадкой с пальцевыми вдавлениями по краю. Волнистый орна-

Найден любопытный фрагмент горловины тандыра диаметром 40 см (рис. 61, 12). Широкая площадка закраины украшена прочерчено-вдавленным и врезным штампованным орнаментом в виде чередующихся заштрихованных участков, окаймленных пояском солярных знаков, и концентрических поясков солярных знаков вокруг полусферического углубления, ограниченного точками. Тесто тандыра грубое.

В коллекции имеются также фрагменты двух жаровен с низкими бортами, поставленными под углом к дну.

Отметим отделанную красным ангобом керамическую игрушку — юлу (рис. 61, 11).

Находки поливной керамики в слое XII — начала XIII в. увеличились (на полу 11 было около 70 фрагментов, на полу 12 — около 40). Это фрагменты блюд, чаш, пиал на полукольцевом и дисковидном (слегка вогнутом) поддоне, светильников (рис. 63, 64). Выделяется несколько групп керамики.

Под зеленой поливой по белому ангобу (рис. 63, 4, 6, 9—12, 14) обнаруживаются неорнаментированные поверхности (тон поливы светлый и темный) и орнаментированные двумя способами: гравировкой или подглазурной росписью, иногда гравировка сочетается с росписью. Значительно реже встречается роспись белыми красками по красному ангобу (невысоким рельефом) с последующим покрытием зеленой поливой. На нескольких фрагментах со светло-зеленой поливой (в том числе горшочек с двусторонней поливой) оказались полихромные росписи темно-коричневого, красноватого, зеленого цветов.

Один фрагмент блюда с зеленой поливой орнаментирован выемчатой техникой. Сосуд украшен светло-коричневым ангобом, который захватывает и внешнюю поверхность бортика. Внутри проходит пояска вертикальных выемчатых желобков.

Под прозрачной неокрашенной поливой по белому ангобу выявлены полихромные (двух- и трехцветные) геометрического характера росписи. Темно-коричневой краской выполнен контур рисунка, а зеленой и светло-коричневой — фон (рис. 64). Это наиболее многочисленная группа керамики, представленная главным образом формами типа блюд на слегка вогнутом дисковидном поддоне диаметром до 12 см.

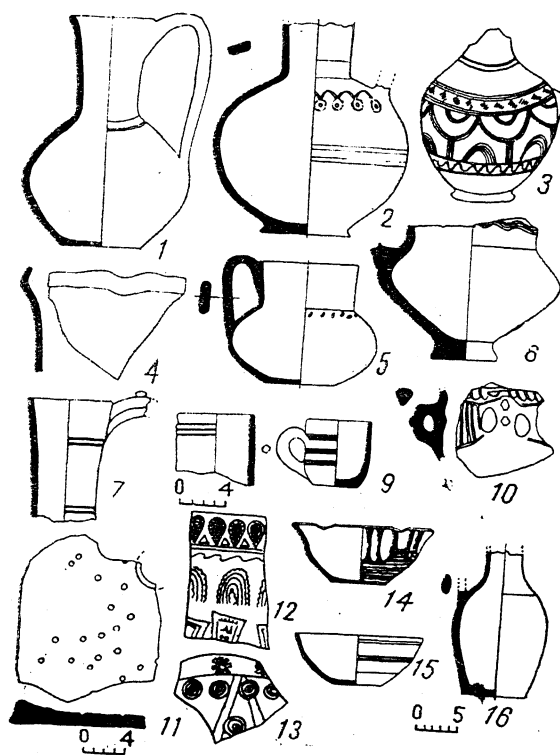

Рис. 56. Керамика из бадраба, пол 13.

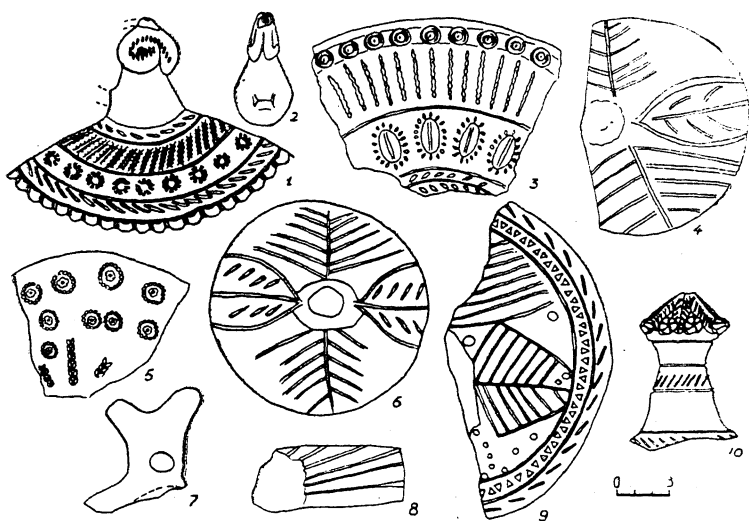

Рис. 57. Крышки из бадраба, пол 13.

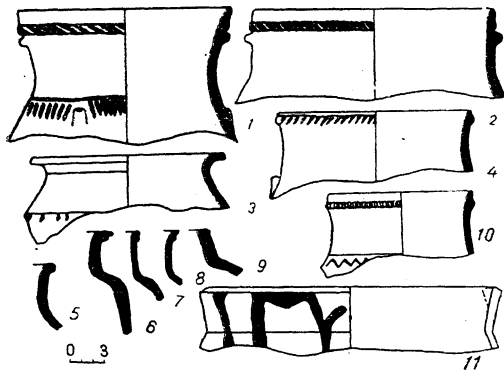

Рис. 58. Горшки из бадраба, пол 13.

Очень выразителен фрагмент блюда с низким слегка отогнутым бортом (рис. 64, 4). В плоскости дна расположен красноватого цвета круг, заполненный шахматной сеткой, нанесенной коричневой краской. Каждая клетка содержит красноватые и зеленые точки.

Довольно разнообразна посуда под желтоватой поливой с различными оттенками моно- и полихромной росписи (рис. 63, 1—3, 5, 7, 8). Орнамент представляет собой темно-коричневый линейный концентрический пояс с точками под закрапкой и округлыми зелеными пятнами под ним. В центральной части размещено сложное плетение,

выполненное контурным рисунком. Есть другой тип желтополивной посуды с полихромной росписью по белому ангобу, сделанной коричневатой, зеленой и красноватой красками. Один из фрагментов — боковина горшка с резким переломом в средней части тулова и маленькой ручкой в этом же месте (рис. 63, 2). Обе поверхности покрыты желтой поливой. Нижняя половина тулова украшена арочками, а верхняя наклонными линиями, идущими к горловине. Частично поверхность отделана сердцевидными розетками с подтреугольными фигурами по бокам, внутри которых — спирали. Под желтой поливой встречается и однотонная коричневого цвета роспись также геометрического характера.

Довольно много желтополивной керамики с красноангобириванной поверхностью без росписи. Обычно это чаши с полусферическим туловом и слегка отогнутой закраиной.

В группе керамики с желтой поливой было несколько черепков краснофонной посуды с монохромной росписью невысоким рельефом. Посуда этого типа, как и посуда с зеленой поливой по красному ангобу, чаще встречается в более позднем слое, датируемом XIII—XIV вв. Несколькими фрагментами представлены неорнаментированная керамика с зеленой гла-

зурью на внешней стороне и желтой на внутренней. Отмечено и иное сочетание: желтая полива снаружи и зеленая внутри. С внутренней стороны орнамента нет, иногда внешняя украшена пояском красновато-коричневых арочек с темно-коричневыми «отвесами» по середине (рис. 63, 13).

Найдены мелкие фрагменты керамики с подглазурной гравировкой и пятнистой росписью (рис. 63, 4, 5). Судя по отдельным экземплярам, гравировка процарапана по белому ангобу в виде завитков зигзагообразных поясков, дополненных зелеными и желтыми расплывчатыми пятнами или потеками. На одном фрагменте чаши под прозрачной свинцовой глазурью оказались зеленые и марганцевые потеки в сочетании с линейной гравировкой (рис. 63, 10).

Два фрагмента небольшой пиалы с низкими прямыми бортами покрыты по светлому ангобу голубоватой поливой.

Светлофонная посуда с подглазурной гравировкой и пятнистой росписью находит аналогию в керамике XII — начала XIII в. Самарканда⁸⁵, городищ Ферганы⁸⁶, Южного Казахстана⁸⁷. В Фергане в слоях встречена и светлофонная посуда с четким геометрическим орнаментом⁸⁸. Краснофонная керамика, покрытая зеленой и желтой глазурью, отмечена в слое конца XII — начала XIII в. Баба-Аты⁸⁹.

Керамика XIII—XIV вв. (седьмой строительный горизонт, полы 8—10).

Неполивная керамика почти вся сделана на гончарном круге из плотного серого, светло-коричневого или красноватого в изломе теста. На внешней поверхности бывает светлый ангоб. Красным ангобом внутри покрыты крупные открытые формы. Отмечен прорезной и расписной орнамент.

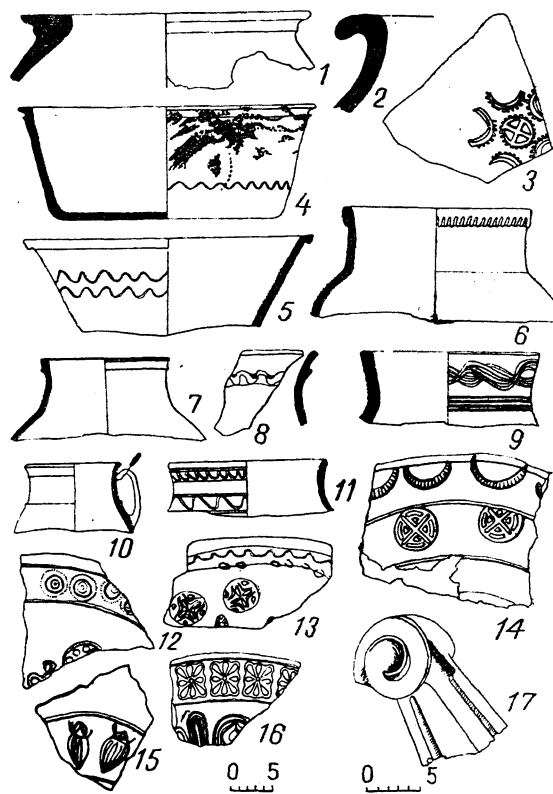

Рис. 59. Керамика восьмого строительного горизонта (12 — яма 1; 11, 13 — яма 3 пола 11).

⁸⁵ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда. Ташкент, 1967, стр. 127.

⁸⁶ Г. А. Брыкина. К истории земледельческого населения юго-западных предгорий Ферганы в VI—XII вв. КСИА, вып. 122, 1970, стр. 94—95.

⁸⁷ Е. И. Агеева. Общий обзор находок. В кн. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 201.

⁸⁸ Г. А. Брыкина. Указ. работа, стр. 94—95.

⁸⁹ Е. И. Агеева. Указ. работа, стр. 201.

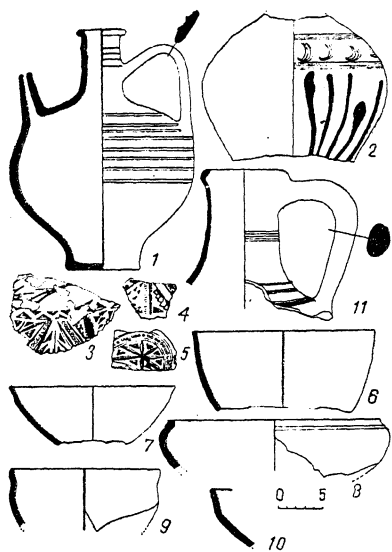

Рис. 60. Керамика восьмого строительного горизонта (2 — яма 6; 4 — яма 1 пола 11).

Получить представление о форме хумов в слое XIII—XIV вв. оказалось невозможным. Хумчи имеют округлое тулово с покатыми плечиками. Их невысокая цилиндрическая горловина (диаметр 20—22 см) завершается слегка утолщенной закраиной, отогнутой наружу (рис. 65, 1). Тагоры традиционной формы этого типа сосудов — трапециевидной, с массивными бортами и закраиной (диаметр 48—50 см) в виде площадки, отогнутой наружу под прямым или тупым углом (рис. 65, 8, 9, 12), иногда профилированной. Площадка венчика, как правило, отделана пояском волнистого прорезного орнамента (он встречается и на внешней стороне тулова). Внутренняя, иногда и внешняя, поверхности сосудов очень часто покрыты красным ангобом с радиальным полосчатым лощением.

Вся посуда изготовлена на круге, по частям, из глины с небольшой примесью дресвы.

Кувшины (рис. 65, 4—6). Есть сосуды с узкой цилиндрической горловиной диаметром 6—7 см и профилированной закраиной (бывает и отогнутая наружу под прямым углом). Они облицованы светлым ангобом. Один фрагмент краснолощенный. Особо отметим фрагмент водоносного кувшина с росписью черной краской.

У кувшина шаровидное тулово, заканчивающееся высокой цилиндрической горловиной с прямой закраиной. Массивная коленчатая ручка с очень выпуклым гребнем прикреплена под закраиной и на плечиках. По этой части сосуда проходит пояска из наклонно положенных прямых линий, а сверху и снизу чередуются спиралевидные розетки и группа из пяти вертикальных волнистых линий. На гребне ручки расположены каплевидные точки, основание ее отмечено тремя вертикальными линиями (рис. 66, 1). Встречено несколько мелких фрагментов тонкостенных кувшинов с росписью черной и коричневой краской.

Найдены также фрагменты широкогорлых кувшинов (диаметр 15—16 см), закраина которых с широким подпрямоугольным утолщением и заметно отогнута наружу (рис. 65, 6).

Имеются фрагменты узкогорлых кувшинов с носиком-сливом. Этот тип сосудов уже известен из слоя XII — начала XIII в.

Чашы сегментовидной формы. У них прямые борта, сильно зауженные ко дну, внутренняя поверхность покрыта красным ангобом, нанесенным широкими мазками (рис. 65, 7).

Обнаружен сосуд, напоминающий чашу (рис. 65, 10). У него массивное шаровидное тулово с округлым дном (толщина стенок 1,1 см) и слегка выделенная прямая горловина (диаметр 13 см). На внутренней поверхности сосуда в плоскости дна до обжига нанесены четыре параллельные глубокие насечки длиной 3 см. Возможно, это чаша-мерка.

Горшкообразные сосуды (рис. 65, 2, 3). Выявлены крупные с массивными стенками широкогорлые сосуды диаметром до 17 см. У них довольно высокая суживающаяся к устью горловина с прямой уплощенной закраиной. Судя по фрагментам, горшки имеют выпуклый корпус, в верхней части тулова расположена плоская петлеобразная ручка. На сосудах зафиксирован прорезной орнамент. В тесте заметны примеси мелкого песка. Черепок в изломе темно-серый.

Есть также горшки с выделенной горловиной (диаметр 18 см) и закраиной, треугольной в сечении. Горловина посажена на узкие, но довольно крутые плечики. Сосуды этого типа тонкостенные, очень тщательной выделки на круге. Тесто их почти без примесей.

Ж а р о в н я (диаметр 28 см) ручной лепки с массивными бортами, поставленными под тупым углом ко дну (рис. 65, 11).

Весьма разнообразна по составу поливная посуда XIII—XIV вв. (рис. 67—68), давшая около 35% всей керамики слоя. Черепок в изломе обычно красноватого цвета. Внутренняя поверхность сосудов частично, а внешняя, как правило, ангобирована и покрыта прозрачной свинцовой поливой. Орнамент, если имеется, то в виде росписей или подглазурной гравировки.

Встречены полусферические по форме п и а л ы, ч а ш и на полукольцевом поддоне с выступом на середине. Размер чаш: диаметр устья 19—20 см, диаметр дна 7—7,5 см, высота 8—10 см. Найдены также фрагменты б л ю д с низкими бортами и закраиной, отогнутой наружу, а также небольшие г о р ш к о о б р а з н ы е с о с у д ы с широким приземистым туловом.

Выделены следующие группы керамики.

1. Керамика с желтой поливой и подглазурной росписью по светлому ангобу. Она наиболее многочисленна (рис. 68, 11—15). В росписях сочетаются зеленый и коричневый цвета: темно-коричневый и светло-коричневый; красный, зеленый и темно-коричневый. Желтая полива яркая и прозрачная.

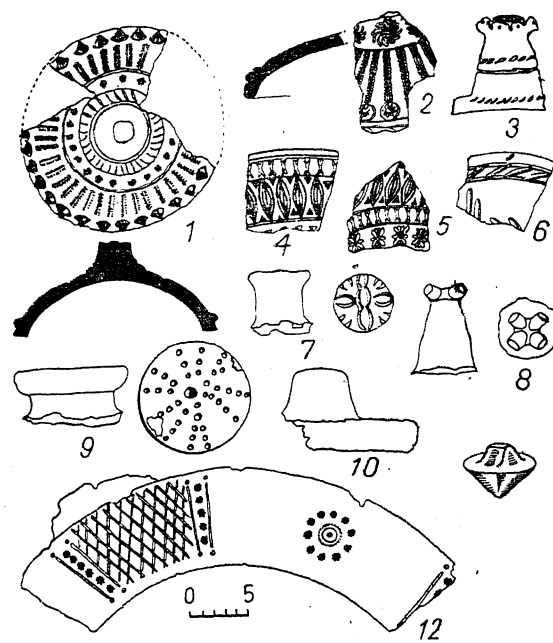

Рис. 61. Керамика восьмого строительного горизонта (1, 3 — яма 1 пола 11).

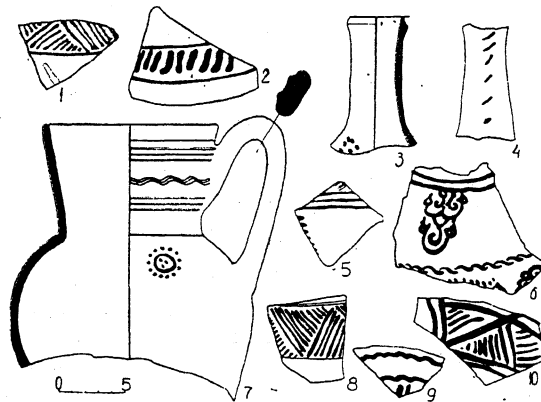

Рис. 62. Расписная керамика восьмого строительного горизонта.

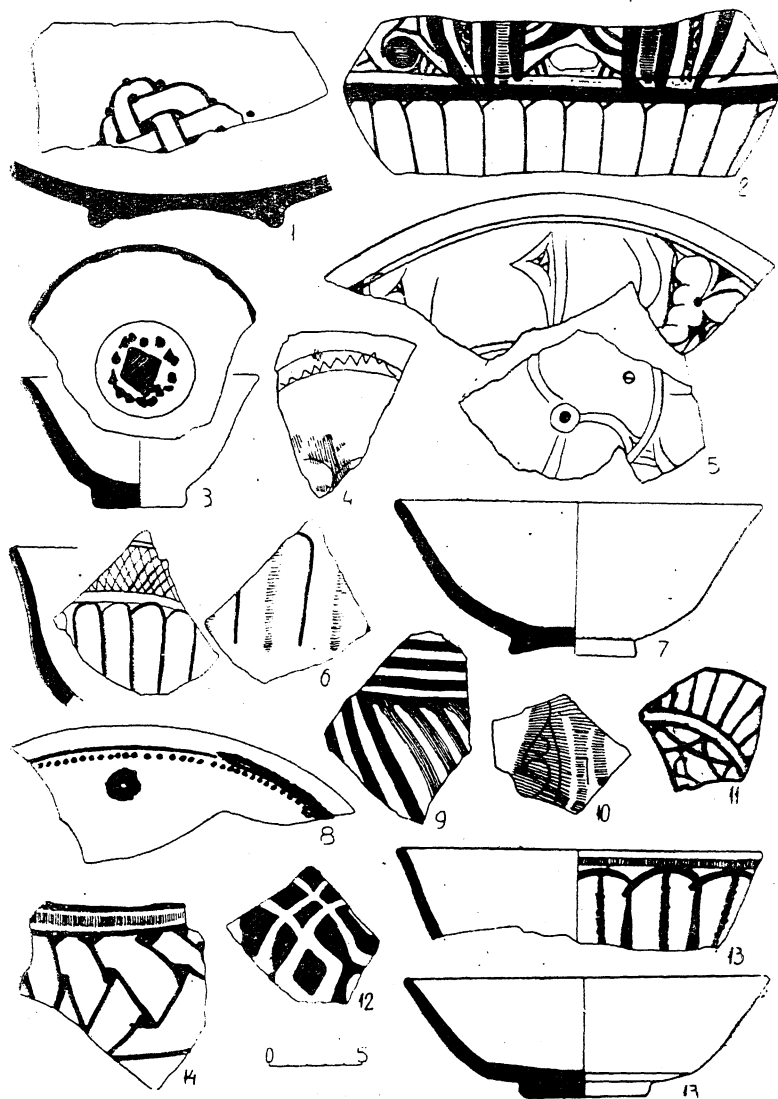

Рис. 63. Поливная керамика восьмого строительного горизонта (2 — из ямы 6).

Имеющиеся образцы содержат линейно-геометрические мотивы, подчиненные меридиональному членению внутренней плоскости сосудов. Роспись в донной части напоминает лучи осевой сетки, у одного из фрагментов две перпендикулярные оси нанесены красной краской, у остальных лучи выполнены зеленым и темно-коричневым цветом. Меридиональное членение плоскости сосудов дополнено мелкими фигурами в виде треугольников, ромбов, заполненных точками, штрихами.

Наряду с керамикой с четкими росписями под желтой глазурью встречаются сосуды (главным образом маленькие горшочки) с размытыми контурами рисунка, сделанного зеленой и коричневой (иногда красноватой) красками (рис. 68, 2).

Есть неорнаментированные фрагменты с желтой поливой по светлomu ангобу.

2. Керамика с яркой зеленой поливой различных оттенков по светлomu ангобу. Полива нанесена на внутреннюю и частично внешнюю поверхности. Орнамент отсутствует, но есть фрагменты с подглазурной гравировкой. На внешней стороне сосудов со светло-зеленой поливой бывает орнамент в виде арочек, выполненных коричневой краской (рис. 68, 4).

Один из фрагментов тонкостенной пиалы внутри с темно-зеленой поливой и подглазурной линейной гравировкой.

Внешняя поверхность до середины тулова отделана светло-зеленой поливой с коричневым арочным орнаментом. Закраина выделена широкой линией темно-зеленого цвета и двумя тонкими коричневыми линиями (рис. 68, 6).

3. Керамика, одна сторона которой покрыта зеленой поливой, другая — желтой. На внешней поверхности имеется роспись в виде арочек, внутренняя поверхность, по-видимому, без орнамента. На одном из фрагментов под желтой поливой на закраине с внутренней стороны темно-коричневой краской нанесены короткие вертикальные линии (рис. 67, 6; рис. 68, 1).

Большая группа керамики покрыта свинцовой поливой по красновато-коричневому ангобу, которым облита внутренняя и частично (до середины тулова) внешняя поверхность. Сочетание окрашенных или бесцветных глазурей с красновато-коричневым ангобом создает темный фон различных оттенков, на котором очень красочно выделяется роспись под цвет поливы.

Несколько групп красноангобированной керамики различается по цвету поливы.

4. Керамика с прозрачной желтой поливой и монохромной росписью по густому красновато-коричневому ангобу (рис. 67, 1, 5, 7, 8). Роспись нанесена светлыми красками, иногда невысоким рельефом. Ее образцы типа «вихревой розетки» и геометризованных фигур зафиксированы на дне сосудов. Встречаются неорнаментированные фрагменты. Отмечены и полихромные росписи под желтой поливой на красноватом фоне. Роспись выполнена коричневой, темно-коричневой и зеленой красками (рис. 67, 4).

5. Керамика с зеленой поливой по красновато-коричневому ангобу, аналогичная предыдущей группе. На одном из фрагментов донца чаши обнаружена сетка из прямых пересекающихся линий (рис. 67, 9, 10).

6. Керамика с бесцветной поливой по красному ангобу (рис. 67, 11, 15). В этой группе моно- и полихромные росписи линейно-геометрического характера. На одном из фрагментов небольшого горшочка в верхней части тулова имеется поясok S-образных фигур, нанесенных белой краской и разделенных сдвоенными вертикальными линиями зеленого цвета.

7. Керамика с прозрачной розовой поливой и росписью белой краской по красновато-коричневому ангобу. На одном из фрагментов на сдвоенные перпендикулярные оси наложен четырехугольник с вогнутыми сторонами, внутри него — четыре мелких завитка (рис. 67, 12, 14).

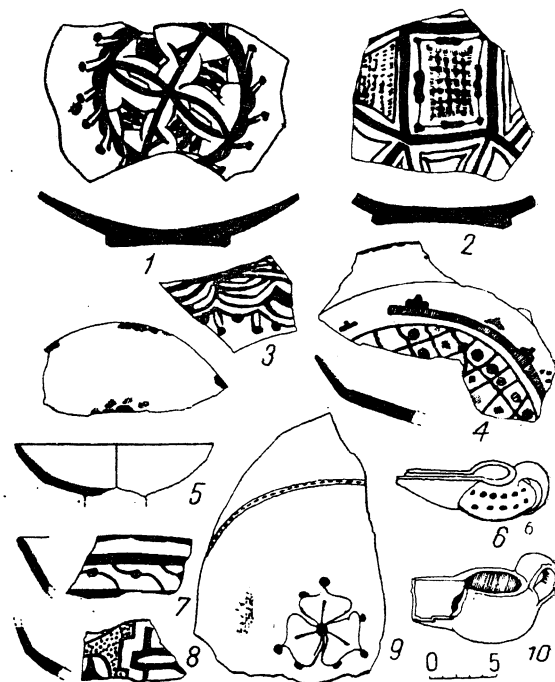

Рис. 64. Поливная посуда восьмого строительного горизонта.

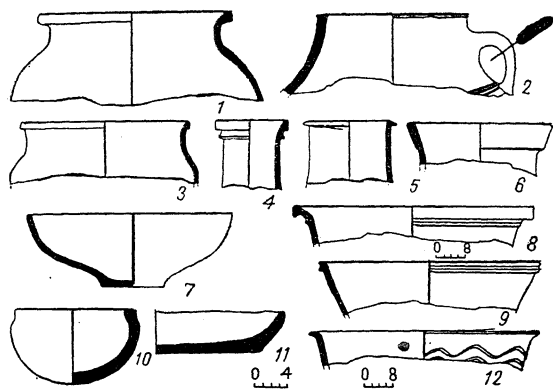

Рис. 65. Керамика
седьмого строительного
горизонта.

Благодаря сочетанию цветов ангоба и поливы создается очень темный вишне-
вый фон. Роспись отсутствует.

10. Немногочисленная группа изделий представлена керамикой с зе-
леноватой или желтоватой поливой и гравировкой по светлому ангобу в виде
тонких геометрических линий или спиралей (рис. 68, 4). На внешней по-
верхности роспись в виде арочек коричневого цвета и широких вертикаль-
ных линий красновато-коричневого оттенка.

11. Изделия с гравировкой под голубой глазурью.

12. Несколько фрагментов чаш с голубой поливой, видимо, неорнамен-
тированных. Лишь два фрагмента с голубой поливой по светлому ангобу
с росписью (рис. 68, 3, 5). На одном из них роспись черной краской в виде
стилизованной «вихревой» розетки — округлая группа точек с короткими
расходящимися лучами. На другом фрагменте роспись выполнена лиловато-
коричневой краской (рис. 68, 5). На внешней поверхности чаши имелся
арочный орнамент.

13. Очень небольшая группа керамики покрыта поливой болотного цве-
та, под которой нанесены двухцветные (коричневые и зеленые) росписи ли-
нейно-геометрического характера (рис. 68, 7).

14. Керамика с пятнистой зеленой росписью под поливой цвета светлой
охры (рис. 68, 8). Роспись выполнена марганцем.

15. Сосуды с подглазурной мраморовидной росписью (рис. 68, 10). Они
покрыты бесцветной поливой, роспись в виде расплывчатых зигзагообраз-
ных линий зеленого цвета с вкраплениями пятен болотного цвета. Основные
линии росписи подчеркнуты глубокой гравировкой.

16. Изделия с двусторонней марганцевой и голубой поливой, по свет-
лому ангобу. Не орнаментированы.

Коллекция ортарской поливной керамики седьмого строительного го-
ризонта имеет аналогии с материалами XIII—XIV вв. из Баба-Аты, в ча-

Розоватая полива отмечена и по светлой ан-
гобной подгрунтовке. Это фрагмент боковинки
пиалы. На закраине с внутренней стороны сдела-
на подглазурная полихромная роспись в виде то-
чек коричневого цвета, под ними — веточка с
листьями (зеленая краска) в прямоугольном
картуше голубого цвета. На внешней поверхно-
сти имеется арочный орнамент, выполненный ко-
ричневой краской (рис. 68, 9).

8. Керамика с голубой поливой по красновато-
коричневому ангобу. Встречены в основном
мелкие фрагменты, на одном из них небольшие
точки, сгруппированные в круг (рис. 67, 13).

9. Керамика с поливой, окрашенной в цвет
марганца по красновато-коричневому ангобу.

стности, с группой красноангобированной керамики под окрашенными поливами (4 и 5 группы) и под желтой поливой с полихромными росписями (1 группа)⁹⁰. Подобная посуда встречена в слоях XIII—XIV вв. других городищ северных склонов Каратау (Сузак, Кумкент)⁹¹. Она известна в комплексах красноглиняной поливной керамики золотоордынских городищ Нижнего Поволжья и Северного Кавказа (в том числе 3 группа)⁹². Посуда с подглазурной гравировкой и зеленой поливой (группа 2) также была широко распространена в монгольское время в Средней Азии, в Таласской и Чуйской долинах, в Хорезме⁹³. Мраморовидные поливы в среднеазиатской керамике бытуют вплоть до XIV в.⁹⁴, черные и лилово-коричневые росписи под голубой поливой (12 группа) характерны и для керамики Средней Азии раннетимуридского времени⁹⁵.

Рис. 66. Расписная керамика седьмого строительного горизонта.

Керамика XV—XVI вв. получена из слоя второго — шестого строительных горизонтов (полы 2—7).

Х у м ч и (рис. 69, 5, 7; рис. 70, 3, 4, 7; рис. 72, 3). Они с овальным туловом и невысокой прямой или слегка расширяющейся горловиной (диаметр до 21 см). Закраина у них округлая или треугольная в сечении, иногда с выступающим ободком. Сосуды этого типа зачастую орнаментированы широкими поясами глубоких вертикальных врезных насечек. Закраина и основание горловины нередко профилированы глубокими врезными каннелюрами.

От х у м о в сохранились лишь толстостенные боковины с поясами вертикальных или косых глубоких насечек.

Т а г о р ы (рис. 73, 6) имеют трапециевидное тулово с широкой в виде площадки закраиной (диаметр 40 см), отогнутой наружу и орнаментированной, как правило, пояском волнистых линий. Обе поверхности сосудов традиционно покрыты красным ангобом с лощением.

⁹⁰ Е. И. Агеева. Общий обзор находок. В кн.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 201—203, рис. 63.

⁹¹ Л. Б. Ерзакович. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 78—81; его же. О южно-казахстанском компоненте в материальной культуре городов Золотой Орды. В сб. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 60—68.

⁹² Н. М. Булатов. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах. «Вестник МГУ», 1969, № 2, стр. 46—59.

⁹³ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Труды ХАЭЭ, т. IV, М., 1959, стр. 319, рис. 31.

⁹⁴ Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV века. Труды САГУ, вып. XI, 1950, стр. 96.

⁹⁵ Там же, стр. 95—96.

Рис. 67. Поливная красноангобированная керамика.

Наиболее многочисленны в керамике слоя горшкообразные сосуды (рис. 69, 1, 4; рис. 70, 1, 2, 8; рис. 72, 1, 2, 4; рис. 73, 1). Их можно разделить на несколько групп. Первую составляют крупные широкогорлые сосуды диаметром до 24 см. У них слегка выпуклое тулово, на плечики, выраженные очень слабо, поставлена невысокая цилиндрическая горловина. Закрайны самые разнообразные: прямые, иногда с поясками налпных валиков или каннелюр; округлые, слегка отогнутые наружу; треугольные в сечении; в виде неширокой площадки, отогнутой наружу под прямым углом. Как правило, в верхней части тулова сосудов находятся две небольшие петлеобразные ручки, плоские в сечении. На посуде отмечен прорезной орнамент в виде волнообразных поясков или прямых линий.

Во вторую группу входят небольшие горшкообразные сосуды (диаметр горловины 11—13 см). Они двух типов: с шаровидным туловом и невысокой горловиной-раструбом с валиком на закраине и с прямой, слабо выра-

Найдено несколько фрагментов мелких сосудов типа тагоры (рис. 71, 4, 5) меньшего диаметра (26 и 18 см по закраине и дну, высота 8—10 см). Внутренняя поверхность иногда обработана красноватым ангобом.

Кувшины (рис. 69, 6, 10; рис. 70, 9; рис. 71, 1, 3, 6, 7) стандартной формы — овално-удлиненное тулово с цилиндрической горловиной высотой до 8 см, диаметром 7—9 см. Закраина прямая или с небольшим утолщением, отогнута наружу. Встречаются цилиндрические горловины с закраиной раструбом. Плоские петлеобразные ручки укреплены под закраиной и в верхней части тулова. Выявлены крупные сосуды с крутыми плечиками и узкой цилиндрической горловиной диаметром 4 см. Чуть выше середины тулова расположена плоская в сечении ручка, крепившаяся в верхней части под закраиной.

Довольно много больших плоских в сечении коленчатых ручек крупных водоносных кувшинов.

Редки находки столовых сосудов типа чаш и тарелок (рис. 69, 8; рис. 71, 2). Одна из чаш со стенками, плавно расходящимися от дна, на массивном кольцевом поддоне с врезным пояском. Обнаружено также несколько фрагментов тарелок диаметром 20—23 см с полого отогнутым бортиком и заостренной закраиной.

женной горловиной и маленькими петлеобразными ручками под закраиной. Все сосуды сделаны на круге с небольшими примесями песка в тесте. Черепок в изломе красноватый.

Следует отметить также несколько фрагментов котлов гончарной выделки из плотного теста с небольшими примесями песка (рис. 69, 9). У них массивное округлое тулово, заканчивающееся низкой горловиной с налипным валиком под закраиной диаметром до 25 см.

Охарактеризуем котлообразный сосуд, по форме напоминающий современный чугунный казан (рис. 70, 5). Его широкое тулово с загнутым внутрь венчиком диаметром 19 см ко дну сильно сужается.

Найденные крышки (рис. 69, 2, 3; рис. 71, 9) двух типов. Одни массивные, плоские в сечении, с довольно высокой грибообразной ручкой. Шляпка ручки, как правило, украшена гребенчатыми зигзагообразными линиями, расходящимися из центра, или глубокими насечками, расположенными по кругу. У некоторых крышек подобные насечки имеются у основания ручки. Иногда встречается налипный валик по ободку шляпки с пальцевыми защипами.

Другие крышки сегментовидные, с низкой цилиндрической ручкой.

Поливная керамика XV—XVI вв. изготовлена из глины без заметных примесей, тесто хорошего промеса и обжига, который дает цвет черепка от серого до красноватого. По-прежнему отсутствуют изделия из кашина. Керамика облицована поташными и свинцовыми глазурями поверх светлой ангобной подгрунтовки. Сосуды внутри и снаружи покрыты поливой почти до поддона.

Встречаются бесцветные поливы (иногда грязноватых оттенков) и окрашенные в голубой (различной интенсивности) цвет, более редки поливы кремового цвета, слегка зеленоватого, бирюзового (различных оттенков) и темно-зеленого.

Изделия с неокрашенной поливой орнаментированы двухцветной и одноцветной росписью.

Сосуды с двухцветной росписью (рис. 75, 1, 3, 4, 6, 9; рис. 76, 1, 3, 5, 6; рис. 77, 4, 9—11; рис. 78, 1, 3, 5, 9; рис. 79, 2; рис. 81, 3, 6) представлены в основном высокими чашами и небольшими пиаами на кольцевом поддоне. У них полусферическое тулово с сильно выпуклыми у дна стенка-

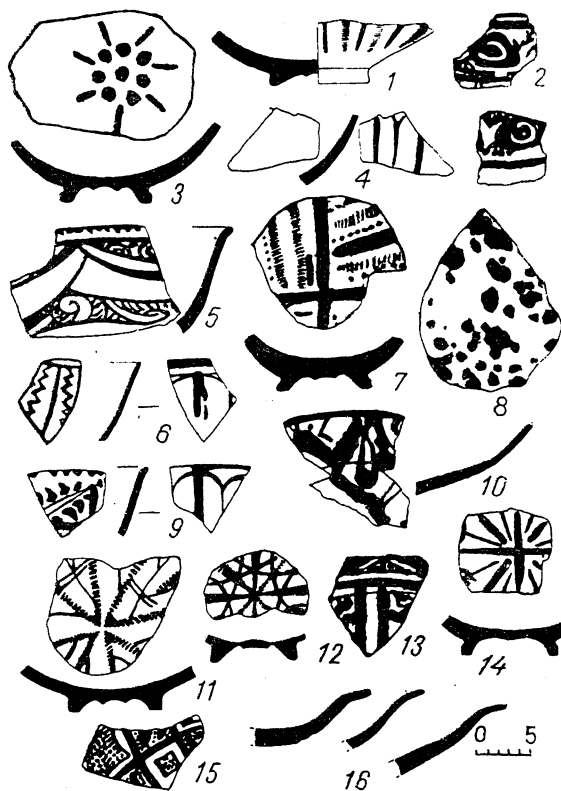

Рис. 68. Поливная керамика седьмого строительного горизонта.

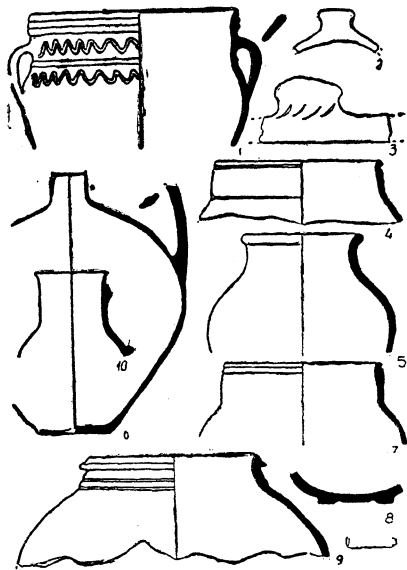

Рис. 69. Керамика
пола 2.

ми, закраина прямая или слегка отогнута наружу. Блюда толстостенные, на кольцевом поддоне, стенки спрямлены у дна, а закраина отогнута наружу. Отмечены также горшкообразные сосуды и крупные толстостенные изделия типа тагоры. Сосуды покрыты глазурью по светлому ангобу и орнаментированы росписью, в которой сочетаются марганец (различных оттенков, иногда до лилово-черного) и голубой; марганец и бирюзовый; кобальт и голубой или бирюзовый; кобальт и лилово-черный, темно-зеленый и голубоватый цвета.

Основной рисунок выполнен марганцем или кобальтом, бирюзовой и голубой красками нанесен лишь его контур. Этими же цветами проведены прямые или волнистые линии, не имеющие самостоятельного значения.

Расписывались, как правило, обе поверхности, но главное внимание уделялось какой-либо одной из них. Например, основной орнамент находится на внешней стороне у крупных высоких чаш большого диаметра (до 24 см при высоте 12—13 см). В композиции узор сконцентрирован в двух-трех плоскостях. У небольших чаш основной орнамент расположен в донной части, а по закраине проходит неширокий бордюр.

Опишем некоторые мотивы росписей, помещенные в круге дна, подчеркнутые одной или двумя кольцевыми линиями. Преобладает центральная, «статичная» композиция. В ее основе лежит круг, овал или спираль с расходящимися изогнутыми линиями или завитками, которые целиком заполняют пространство дна. Иногда от центрального круга идут четыре радиальные оси, плоскость между ними занята стилизованными цветами и листвой.

Иногда донная часть орнаментирована внутри до середины тулова. В этом случае от центра, очерченного кругом или овалом, отходят отдельные размещенные растительные фигуры.

Встречается и иная композиция в донной части — «отвесная», когда у орнамента есть «верх» и «низ»⁹⁶. В плоскости дна (иногда с добавлением вписанного шестигранника с изогнутыми сторонами) помещен один куст или цветок типа лилии, обрамленный мелкими завитками по окружности кольца.

Орнамент по закраине либо отсутствует (она подчеркнута лишь кольцевой полосой), либо нанесен неширокий пояс, заполненный штрихами или завитками.

Узоры на внешней поверхности расположены концентрическими пояса-

⁹⁶ Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV века. Труды САГУ, вып. XI, 1950, стр. 100.

ми, иногда до самого поддона, в различных композициях. Это чередующиеся стилизованные ветви с листьями, окруженные свободно разбросанными завитками; отдельно «елочные» ветки, находящиеся на плоскости фестончатого картуша; цепочка овалов, дополненных неправильными геометрическими фигурами сверху и снизу; маленькие арочки, заполненные «звездочками»; крупные овальные плоды с мелкими растительными завитками. Эти композиции иногда ограничиваются поясами геометрических фигур или плетений.

В коллекции имеется полностью сохранившаяся чаша, диаметр прямой закраины 23,5 см (рис. 79, 2). У нее высокое (14,5 см) полусферическое тулово на кольцевом поддоне диаметром 8,5 см. Внутренняя поверхность не орнаментирована. Полностью украшена лишь внешняя сторона. На закраине есть бордюр из наклонных волнистых линий на темном фоне, расположенных попарно в ромбических картушах. Он заключен в широкие линейные пояса бирюзового цвета. Под ним помещен орнамент, обрамленный спиралевидными поясками. Плоскость заполнена тремя цепочками мелких сплошных полуовалов на фоне крупных контурных овалов, растянутых также цепочкой.

Посуда с одноцветной росписью кобальтом, марганцем, голубой краской (рис. 74; рис. 75, 1, 7; рис. 76, 1, 5, 7, 10—12; рис. 77, 2, 4; рис. 78, 3, 5; рис. 79, 2, 6, 8, 11, 13; рис. 80, 4, 5) в основном той же формы и с такой же орнаментацией, как описанная группа посуды. Здесь также преобладают «статичная» и «отвесная» композиции орнамента, но встречается в круге дна свободно живописная композиция стилизованного растительного узора. Внешняя поверхность чаш бывает украшена поясами с заштриховкой, образующей ромбовидные ячейки.

Особо интересен фрагмент блюда с прозрачной поливой и росписью кобальтом, найденный на полу 7 (рис. 75, 1). С внешней стороны на заштрихованном фоне имеется широкий поясик из повторяющихся изогнутых стеблей. Примечательна роспись и внутри. Один из поясов содержит повторяющиеся одиночные рогообразные завитки, выполненные росписью «резервом»: фон закрашен кобальтом, а рисунок оставлен светлым. Опишем еще образцы росписи кобальтом.

У сосуда типа тагоры (рис. 76, 11) обе поверхности облицованы прозрачной глазурью по белой подгрунтовке. Внутренняя сторона вся расписана кобальтом. В композиции орнамента выделены дно и тулово. Концентрически помещенные росписи отделены друг от друга линейными полосами. В круге дна сделаны три концентрических пояса «раскрученной» спирали

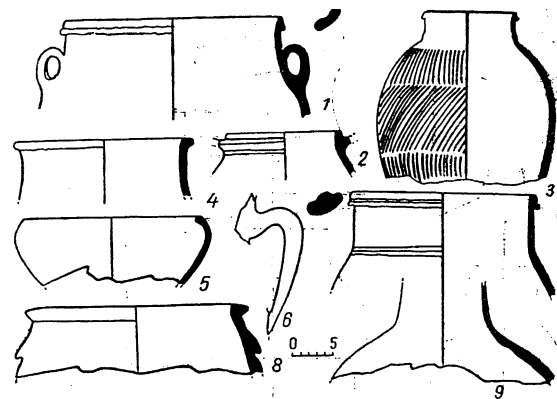

Рис. 70. Керамика
пола 3.

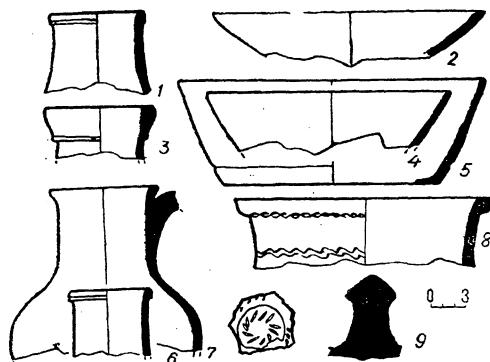

Рис. 71. Керамика
пола 4.

вокруг ячеистой многогранной розетки на темно-синем фоне. В основе розетки лежит мотив спирали в круге: Сильно перегруженная роспись дна (светлый фон едва виден сквозь кружево росписи) смягчается легким пояском перевернутых S-образных фигур в нижней части тулова. Завершает композицию широкий бордюр розеток, заполненных спиралью и окаймленных стилизованными прерывистыми растительными побегами. Пространство между розетками занято свободно разбросанными мелкими скобками и запятыми. Отогнутый край борта расцвечен точками.

Почти полностью восстанавливается великолепная роспись кобальтом на блюде большого диаметра на низком кольцевом поддоне (диаметр 11 см) с выс-

тупом (рис. 74). Оно изготовлено из глины с незначительными примесями мелкого песка. Его черепок очень плотный, коричневатый в изломе. Толщина стенок до 1,3 см у поддона, с утоньшением к закраине и в центре. Стенки у дна почти спрямлены. К сожалению, закраина блюда утрачена, но можно полагать, что она была традиционной для этого типа посуды: с отгибом борта наружу. Контурные орнамента выполнены кобальтом очень темного тона, фон его — более светлого оттенка.

Центральный мотив росписи занимает всю плоскость дна: четыре последовательно переплетенные многогранные «восьмерки» вписаны в круг. Свободные узлы плетения заполнены одиночными рогообразными завитками, мелкими у центра и увеличивающимися к периферии окружности. Пространство между углами «восьмерок» занято тем же элементом орнамента, но значительно вытянутым. Увеличение орнамента от центра к периферии, вытянутые «рога» вдоль круга создают впечатление вогнутости донной части, как бы находящейся в движении. Восприятие движения усиливает вихревая розетка, вписанная в восьмиугольник в центральной части дна, у которой два concentрических пояса спиц вращаются в противоположные стороны. Центральный мотив опоясан последовательно расположенными крупными многолепестковыми бутонами и листьями с загнутыми внутрь надорванными краями. По закраине борта, видимо, проходил еще пояс орнамента.

Гончарные изделия (рис. 75, 2, 5, 8, 9; рис. 76, 2, 8; рис. 77, 9; рис. 78, 2, 6—8; рис. 79, 4, 7, 10, 12; рис. 80, 1—3) с голубой, бирюзовой, кремовой и темно-зеленой поливой представлены чашами, пиалами, блюдами, тагарами, горшкообразными сосудами, т. е. формами, аналогичными описанным. Несколько фрагментов принадлежит, видимо, широкогорлым кувшинам, облитым поливой на внутренней поверхности. Довольно часты находки неорнаментированных сосудов с бирюзовой и темно-зеленой поливой. Голубая глазурь также встречается на сосудах без росписи, но чаще именно она

используется в сочетании с росписью черной краской и марганцем. Имеются изделия, покрытые слегка окрашенной в голубой или зеленоватый тон поливой с росписью кобальтом или марганцем. На нескольких фрагментах чаш была полива двух цветов: внутри бирюзовая (без росписи), снаружи слегка окрашенная в голубой с росписью марганцем.

Мотивы росписей под окрашенными поливами подобны обнаруженным в предшествующей группе керамики. Назовем лишь несколько образцов. У одного блюда в круге дна находится мотив восьмилепесткового цветка, окруженного пояском мелких гранатов и растительных завитков (рис. 78, 7). Другое блюдо украшено в центре четырехлепестковой розеткой с завитками между лепестками, по борту проходят два пояса сложных плетений растительного характера (рис. 79, 1). Оба блюда на высоком кольцевом поддоне с выступом, расписаны марганцем под голубой поливой. Имеется фрагмент тонкостенной чаши с полу-сферическим туловом и закраиной, слегка отогнутой наружу (рис. 78, 12). Внешняя поверхность орнаментирована пояском спиралевидных розеток, по закраине идет поясик волнистой линии с острыми углами. Внутренняя поверхность расцвечена мелкими пятнами, разбросанными произвольно.

Отметим также неоднократно встреченные в слое XV—XVI вв. керамические фигурки животных (барана?). Они покрыты темно-зеленой, грязновато-белой и голубой поливой, иногда расписаны кобальтом (рис. 83).

В целом коллекция поливной керамики имеет аналогии со среднеазиатской керамикой XV—XVI вв., известной по сборам в Южном Туркменистане⁹⁷, Самарканде⁹⁸, Ташкенте⁹⁹, Хорезме¹⁰⁰, Фергане¹⁰¹.

Керамика XVII—XVIII вв. получена из слоя первого строительного горизонта, пол 1.

Неполивная керамика не очень отличается от посу-

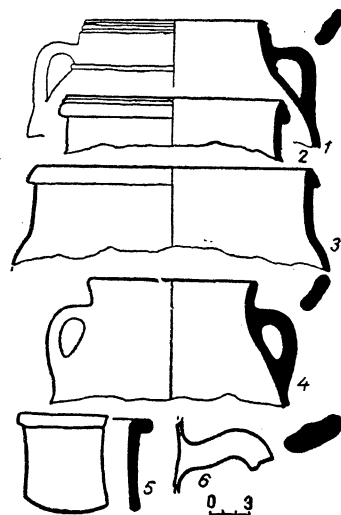

Рис. 72. Керамика пола 6.

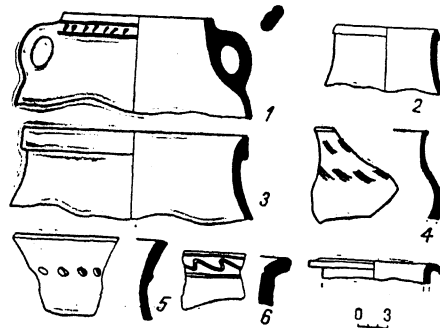

Рис. 73. Керамика пола 7.

⁹⁷ Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы в XV—XVI вв. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 400—417; С. Б. Лунина. Новые сборы тимуридской керамики в Южном Туркменистане, стр. 89—93.

⁹⁸ П. А. Сухарев. Два блюда XV в. из Самарканда. Труды ИИА АН УзССР, т. I, Ташкент, 1947, стр. 47—64; Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV века, стр. 91—120.

⁹⁹ Д. Вархотова. Художественная керамика XV—начала XVI века из Ташкента. «Общественные науки в Узбекистане», вып. 8—9, Ташкент, 1969, стр. 86—89.

¹⁰⁰ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Труды ХАЭЭ, т. IV, М., 1959, стр. 334—339.

¹⁰¹ И. Ахраров. Новые археологические материалы с городища Ахсикет (XIV—XVI вв.). «Общественные науки в Узбекистане», вып. 8—9, Ташкент, 1969, стр. 79—81.

Рис. 74. Блюдо с росписью кобальтом, пол 3.

Рис. 75. Поливная керамика пола 7.

ды предшествующей хронологической группы. В немногочисленной коллекции прослеживаются те же типы и формы сосудов, схожие приемы и мотивы их орнаментации. Вся продукция гончарной выделки, тесто плотное, с небольшими примесями песка и кварца. Черепок в изломе светло-коричневого цвета. Приведем некоторые типы сосудов.

Хумы в раскопе не обнаружены, но есть фрагменты, принадлежащие сосудам типа хумчи. Они толсто-стенные, с низкой горловиной и закраиной диаметром 22 см, слегка отогнутой наружу (рис. 84, 8).

Кувшинов очень мало. Найден один крупный фрагмент кувшина с низким шаровидным туловом, на которое посажена высокая, слегка суживающаяся горловина с закраиной раструбом (диаметр 9,5 см). Сосуд скупо орнаментирован врезными поясками в верхней части тулова и по горловине (рис. 84, 7).

Собрано также несколько фрагментов столовых сосудов. Это массивный дисковидный поддон блюда (рис. 84, 6) с врезным кольцом (диаметр 10,5 см) и обломок крупной глубокой чашы с закраиной в виде широкой площадки, слегка отогнутой наружу.

Горшкообразные изделия (рис. 84, 1, 3, 4, 9, 10, 12) представлены широкогорлыми и узкогорлыми сосудами. Для первой группы характерны довольно высокие цилиндрические горловины (диаметр 18—20 см) с прямыми или треугольными в сечении закраинами. Горловины посажены на неширокое тулово.

Один из горшкообразных сосудов отличается низкой горловиной с массивным округлым валиком на закраине. Частично сохранились две округлые в сечении ручки, крепившиеся верхним концом под закраиной. Посуда украшена прочерченным линейным и волнистым орнаментом и глубокими канелюрами.

Узкогорлые сосуды (диаметр 11—13 см) имеют овально-удлиненное тулово, заканчивающееся низкой горловиной со слегка утолщенной закраиной, отогнутой наружу. На одном из крупных фрагментов видны остатки маленькой ручки, крепившейся сразу под закраиной.

Обнаружены массивные грибовидные ручки дисковидных крышек (рис. 84, 2). Иногда на вершине ручки украшено прорезным орнаментом и замято по краям пальцами.

Коллекция поливной керамики XVII—XVIII вв. небольшая. В отличие от керамики предшествующего слоя она очень однообразна (рис. 81). По-прежнему полностью отсутствуют изделия из кашина. Керамика изго-

товлена из глины с небольшой примесью песка. Черепок в изломе от светло-коричневого до красноватого. Обе поверхности сосудов (внешняя, как правило, до середины тулова) облицованы по светлому ангобу поташной поливой непрозрачных, грязноватых оттенков. Полива легко отслаивается от черепка. Глазури в основном неокрашенные.

Чаш и мелкие, но большого диаметра (20 см), на массивном кольцевом или дисковидном поддоне с врезным желобком. Встречаются и сосуды на обычных дисковидных поддонах. Прямые или слегка выпуклые борта чаш заканчиваются закраиной в виде площадки, под тупым углом отогнутой наружу. Реже бывают чаши с прямой закраиной, лишь слегка отогнутой наружу. Они очень напоминают чаши XV—XVI вв., у них лишь тулово у поддона менее выпуклое.

Отмечен еще один тип крупных сосудов, видимо, чаш, с усеченно-конической формой тулова и валиком на закраине.

Блюда низкие и широкие, диаметром 25—27 см. Судя по фрагментам, для них характерна такая же закраина в виде площадки, как и для чаш, но более полого отогнутая наружу.

Орнаментом покрыта в основном внутренняя поверхность. Снаружи расписаны лишь чаши с прямой закраиной, слегка отогнутой наружу, и чаши с усеченно-коническим туловом.

Роспись, как правило, двухцветная: сочетание голубой краски и марганца (от светлого до темно-фиолетового, реже бирюзового и почти черного). Основной мотив орнамента выполнялся марганцем, голубой цвет использовался лишь для концентрической разбивки плоскости сосудов линейными поясками. Украшались главным образом закраина и дно, очерченное одним или двумя кругами.

Мотивы орнамента удивительно однообразны. Назовем несколько основных элементов, постоянно участвующих в росписях. Это волнистые линии, «раскрученная» спираль, пояски из «звездочек». Последние иногда группировались. Данные элементы орнамента встречаются в сочетании с расплывчатыми пятнами, одиночными завитками, «запятными». Закраина усеченно-конических чаш выделена пояском из точек.

В группе керамики XVII—XVIII вв. довольно много крупных толсто-

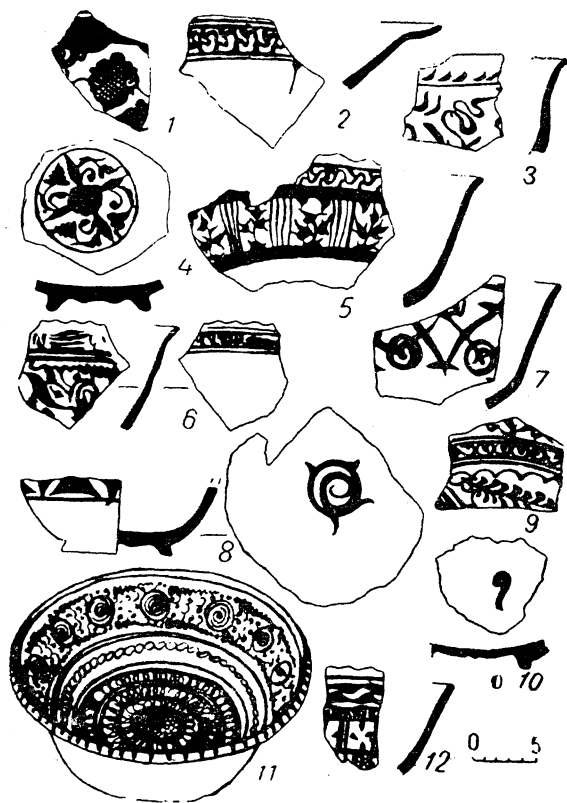

Рис. 76. Поливная посуда пола 3.

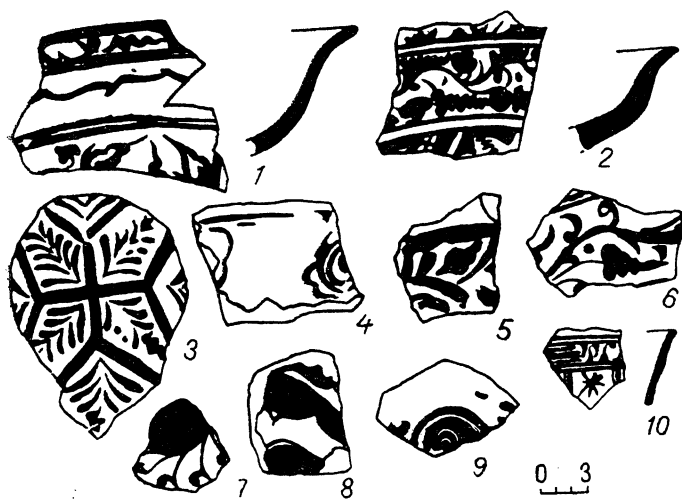

Рис. 77. Поливная керамика пола 2.

Рис. 78. Поливная керамика пола, 4.
119

стенных сосудов типа тагоры. Они также орнаментированы, но обычно одноцветной росписью — марганцем или черной краской. Мотивы орнамента те же: пояса «раскрученной» спирали и волнистые линии.

Орнаментом преимущественно покрывалась внутренняя поверхность сосудов. Мотивы орнамента довольно однообразны: это в основном волнистые линии, располагающиеся пояском в сочетании с расплывчатыми пятнами и линиями. Новым элементом в отделке керамики XVII—XVIII вв. является солярный знак с лучами. Орнамент в виде солярных знаков обычно располагается пояском на внутренней поверхности, которая разбивается горизонтальными линиями на две-три плоскости. Внешняя поверхность до середины тулова украшена концентрическими полосами или завитками.

Орнамент на посуде, покрытой бесцветной глазурью, чаще всего выполнялся двумя цветами: бирюзой и марганцем различных оттенков (от светлого до темно-фиолетового). Встречаются также сочетания бирюзовой раскраски с черной.

К данной группе посуды относится чаша (диаметр 25 см) на кольцевом поддоне. У нее полусферическое ту-

лово, а края борта отогнуты наружу. Внутренняя поверхность концентрическими кругами разбита на три горизонтальные плоскости, каждая из которых имела свой орнаментальный мотив. Из-за отслаивания поливы от черепка сохранился орнамент лишь средней плоскости и частично верхней в виде непрерывной цепочки округлых завитков. На средней плоскости расположена непрерывная строчка, подражающая арабской вязи, а по краю борта — поясик завитков. Орнамент выполнен на белом фоне голубой краской, три концентрических пояса (по краю борта, середине и контуру плоскости дна) — бирюзой с марганцевым контуром. Аналогичные чаши известны по подъемному материалу Саурана и Сузака на северных склонах Каратау.

Значительно меньше выявлено сосудов с поливой, окрашенной в голубой или грязновато-бирюзовый цвет (рис. 81, 8, 12, 15). Типы сосудов те же, что и в предыдущей группе. Часть обнаруженных фрагментов, видимо, кувшинов.

Роспись в керамике под окрашенными поливами, как правило, отсутствует. Найдено лишь несколько фрагментов чаш с голубой поливой и росписью марганцем.

Отметим чашу на невысоком дисковидном поддоне, полусферической формы с краем бортика, слегка отогнутым наружу. Внутренняя поверхность и часть внешней покрыты светло-голубой поливой. Внутренняя поверхность разбита горизонтальными концентрическими группами на две плоскости. Плоскость дна околонтурена тремя концентрическими кругами, выполненными марганцем темно-фиолетового оттенка, пространство между ними окрашено бирюзой. Чуть ниже края борта проходит концентрическая полоса бирюзового цвета, с двух сторон также околонтуренная марганцем. Средняя плоскость разбита на пять секторов, в каждом из них имеется основной орнаментальный

Рис. 79. Поливная посуда пола 5.

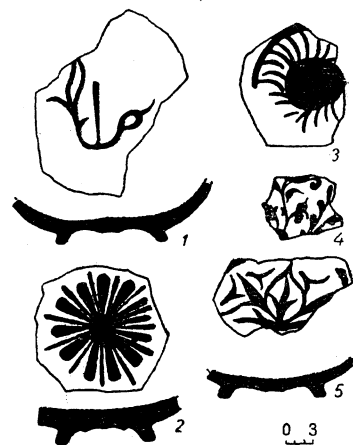

Рис. 80. Поливная посуда пола 6.

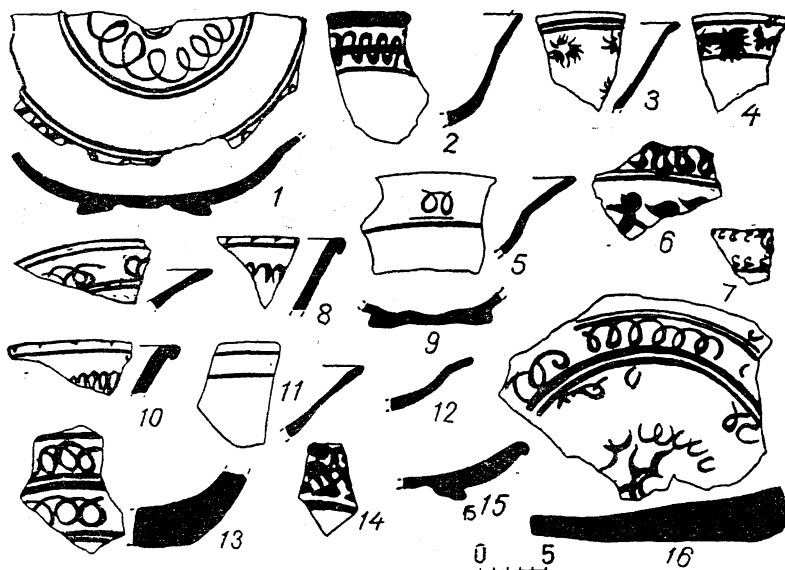

Рис. 81. Поливная посуда первого строительного горизонта.

Рис. 82. Поливная керамика пола 4.
121

мотив — круглые медальоны (очевидно, их было пять), заполненные солярными знаками с лучами. Орнамент выполнен марганцем. На внешней поверхности по краю борта проходит поясок пересекающихся полуovalов, нанесенных также марганцем.

В коллекции поливной керамики Отрара XVII—XVIII вв. имеется два фрагмента чаш, покрытых по черепку желтовато-коричневой глазурью, придающей фону оттенок дерева. Внутренняя поверхность расписана орнаментом в виде крупных завитков, выполненных черной краской. Последняя группа поливной посуды не характерна для позднесредневекового

Отрара, и, по-видимому, она привозная.

Для поливной керамики XVII—XVIII вв. характерны следующие черты: по форме чаши становятся более широкими и мелкими, с сильно отогнутыми наружу бортами и закраиной в виде площадки.

Кольцевой поддон встречается редко, чаще дисковидный с врезным желобком.

Орнамент выполнен преимущественно двумя красками — марганцем и бирюзой, причем основную нагрузку несет марганец, бирюзой расцвечивается поверхность сосуда или концентрические круги, делящие плоскость на две-три части. Кобальт в росписях встречается очень редко.

В керамике XVII—XVIII вв. заметно стремление к концентрическому расположению орнамента на плоскости сосуда. Она утрачивает изящество свободной живописной композиции растительного орнамента XV—XVI вв., в ней конкретные образы растительного мира превращаются в волнистые линии, расцвеченные расплывчатыми пятнами. Краски поливы приобретают сероватый оттенок, как бы обесцвечиваются.

В целом керамика XVII—XVIII вв. значительно уступает

по качеству керамике XV—XVI вв. Она груба и массивна, однообразен и небрежен ее орнамент. На многих сосудах характер росписи не удалось определить из-за отслаивания поливы от черепка.

Аналогии отарской керамике XVII—XVIII вв. имеются в материалах Сузак (северные склоны Каратау)¹⁰², Сыгнака и Саурана¹⁰³, в подъемном материале Икана, Туркестана, Сайрама и других присырдарьинских городов¹⁰⁴, а также в небольшой коллекции поливной керамики XVII—XVIII вв. из Тараза¹⁰⁵.

Пока нет публикаций материала по Средней Азии интересующего нас времени, но подобная керамика известна по музейным коллекциям Бухары, Самарканда, Ташкента (представлена главным образом сборами С. Н. Юрнева), а также отмечена в подъемном материале городищ Южной Киргизии: Акмана, Кассана и других¹⁰⁶.

¹⁰² Л. Б. Е р з а к о в и ч. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 81.

¹⁰³ К. А. А к и ш е в, К. М. Б а й п а к о в, Л. Б. Е р з а к о в и ч. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 41—42, табл. X.

¹⁰⁴ Фонды Чимкентского областного музея.

¹⁰⁵ Л. Б. Е р з а к о в и ч. Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья в Таласской долине. В кн.: «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, стр. 106, рис. 3.

¹⁰⁶ Экспозиция Исторического музея г. Фрунзе.

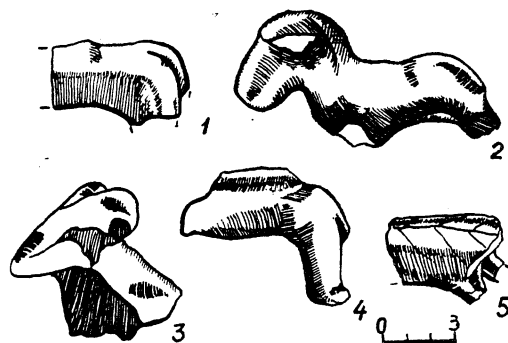

Рис. 83. Поливные фигурки животных.

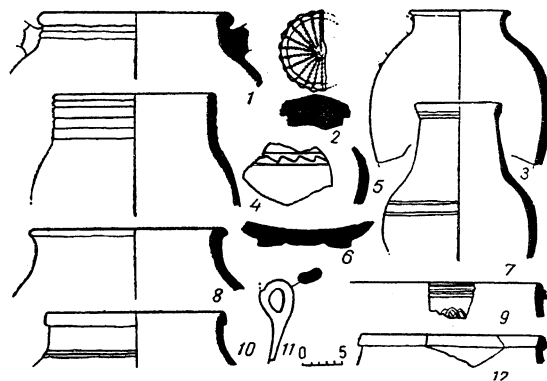

Рис. 84. Керамика пола 1.

ТОПОГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ОТРАРСКОГО
ОАЗИСА И ЕГО КАРАТАУСКОЙ ПЕРИФЕРИИ

ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ АРЫСИ

Комплекс раннеземледельческих памятников расположен на левом берегу Арыси, неподалеку от впадения ее в Сырдарью, вдоль старых высохших протоков, в урочище Кок-Мардан. Здесь обнаружено и обследовано 14 объектов. Три из них образуют первую группу. Они представляют собой остатки раннесредневековых городов, в топографии которых отчетливо прослеживаются цитадель, шахристан и рабад. Это городища Пшук-Мардан, Ахай-тобе и Шыкты (Алтын-тобе)¹.

Вторую, наиболее многочисленную группу составляют так называемые «тобе с площадкой», у которых различаются главный бугор — «тобе» и примыкающий к нему участок — «площадка» со следами прежней застройки. Площадь таких памятников не превышает 0,8—1,5 га. Наиболее типичны для данной группы Кос-тобе северное и южное, Тостоган-тобе, Олюк-тобе 2, Сейтман-тобе и другие.

И, наконец, к третьей группе памятников относятся также «тобе с площадкой», но площадью менее 0,5 га. Это Шоль-тобе, Караул-тобе, Олюк-тобе 1.

Раскопки были проведены на городище Кос-тобе (южное). Они дали керамику, положенную в основу датировки и других памятников описываемого комплекса.

Памятник представляет собой округлый в плане бугор, уплощенный сверху. Его высота 5 м, диаметр в основании по линии С—Ю 70 м, а наверху площадки 20 м. Бугор вытянут в направлении СВ—ЮЗ и внешне напоминает, если смотреть с крутой северо-восточной стороны, бархан (рис. 85, 86). Такой вид и у других памятников оазиса данного времени, что можно объяснить направлением господствующих здесь северо-восточных ветров.

К бугру примыкает площадка со следами застройки, заметной на ряде участков. Удалось проследить остатки сооружений, состоящих из прямо-

¹ Топография городища Кок-Мардан, центрального в этом комплексе, описана в работе Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевича. См.: «Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана». Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 85—86.

Рис. 85. Кос-тобе северное и южное (аэрофото с высоты 1000 м).

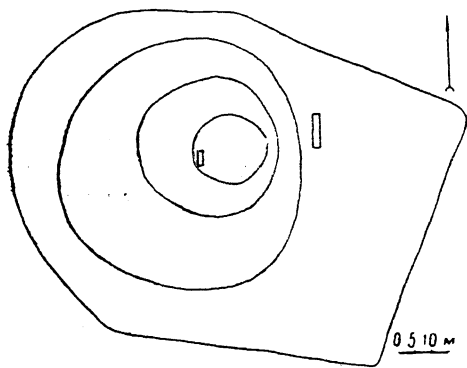

Рис. 86. План Кос-то-бе южнос.

угольных и квадратных помещений площадью от 6 до 15 кв. м, и дворики между ними. Площадка окружает бугор со всех сторон. Она имеет большую протяженность на юго-востоке, где приобретает прямоугольную форму (50×80 м). Высота площадки в наиболее высокой, прилегающей к бугру части — 1,5—2 м и 50 см у края.

На вершине бугра, в его западной части заложен шурф (2×5 м). Он прорезал бугор на глубину 4 м до материка (рис. 87).

Сверху был слой рыхлой, распыленной земли толщиной 10 см, насыщенной керамикой, затем шел слой рыхлой земли желтого цвета, перемешанной с глиной из размытых и развеянных стен построек верхнего строительного горизонта. Конструкции, расположенные на

уровне самого верхнего пола, выявленного на глубине 20 см, зафиксировать не удалось. Однако с верхним полом связан своеобразный комплекс керамики, резко отличный от посуды полов верхнего и нижнего строительных горизонтов.

На глубине 30 см в северной части шурфа расчищен внутренний угол массивных стен из сырцового кирпича (38×15×17 и 14×18×19 см), уложенного поперек на глиняном растворе. Стена покрыта слоем глины толщиной 3 см. Судя по наслоениям, стены обмазывались неоднократно. Сохранившаяся высота стен 60—70 см. Участок такой же стены обнаружен и в южной части шурфа. На глубине 40—50 см прослеживается пол, расчищенный по всей площади шурфа. Он плотный, темно-серого цвета, на нем имеется слой рыхлой золы, перемешанной с остатками истлевшей, видимо камышовой, кровли. Основание стен сложено из обломков сырцового кирпича. На уровне фундамента зафиксирован еще один пол. Он был первоначальным в постройках верхнего строительного горизонта. На полу в углу находился очаг, от него сохранилось зольное пятно и куски прокаленной красного цвета глины. Ниже пола отмечен стерильный слой плотной зеленой глины толщиной 5—8 см, свидетельствующий о временном прекращении здесь жизни.

Конструкции нижнего строительного горизонта представлены стеной длиной около 2 м и высотой 0,7 м. В разрезе стенок шурфа видны завалы сырцового кирпича, оплывших стен помещений и заполнения, состоящие из рыхлой земли серого цвета. В результате углубления шурфа было выяснено, что стены конструкции покоятся на платформе, сложенной из сырцовых кирпичей указанных размеров и строительного мусора. Шурф в северной части углублен до 4 м, до материка — желтого лёсса. Следовательно, платформа имеет толщину 1,8—2 м.

Раскоп 2 (5×6 м) в восточной части площадки бугра доведен до 30—35 см, до уровня первого пола верхнего строительного горизонта.

Здесь расширена стена из сырцового кирпича указанных размеров, вытянутая в направлении В—З на 6 м. На полу находился зольник. Слой толщиной 20—25 см перемешан с многочисленными обломками глиняной посуды. Целых форм не найдено, так как сюда выбрасывалась обычно сломанная посуда.

Раскоп 3 (4×10 м) заложен на площадке (рис. 88). Глубина его до материка 2—2,2 м. Как и на главном бугре, в стратиграфии площадки отмечено два строительных горизонта, разделенных прослойкой стерильной зеленой глины. В ней зафиксированы остатки перекрытия в виде слоя серого цвета с белыми вкраплениями и золой.

В верхнем строительном горизонте отмечен один пол на глубине 20 см. В нижнем прослежены уровни трех полов, на них расширены очаги и устья хозяйственных ям.

Очаги двух типов. Всего обнаружено 3 очага на полах 2 и 3 нижнего строительного горизонта. У очагов первого типа глинобитные стенки высотой 20 см образуют незамкнутый с одной стороны прямоугольник (45×45 см). В центре его сделано округлое углубление диаметром 40 см и глубиной 20 см. Лунка заполнена золой серого цвета.

Второй тип очагов имеет вид круглой ямки диаметром 40 см и глубиной 20 см. Стенки ее обмазаны глиной. Поддувало в виде ямки (диаметр 7 см и глубина 20 см) соединяется с лункой. Лунка заполнена золой и угольками.

Стены помещений нижнего и верхнего строительных горизонтов глинобитные. Ширина их 40—50 см, высота 30—50 см.

В помещении нижнего строительного горизонта на уровне пола 2 расширен хозяйственный комплекс из очага, ямы (диаметр 40 см, глубина 30 см) и хума с обломанным венчиком.

Тулово хума вытянутое, на нем потеки краски. Хум стоял на четырех глиняных штыхрях-подставках. Диаметр их 5 см, длина 15 см.

При раскопах Кос-тобе собрана коллекция керамики, которая достаточно хорошо увязывается с двумя строительными горизонтами и уровнями полов.

Керамика нижних слоев шурфа 1 и раскопа 3 немногочисленна. Это в основном обломки хумов и хумчей, горшки, кувшины.

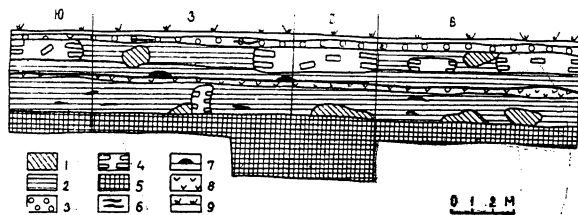

Рис. 87. Кос-тобе южное. Развертка шурфа на тобе. 1 — коричневый гумус; 2 — рыхлый лёсс с вкраплениями золы; 3 — надувной лёсс; 4 — стены; 5 — материк; 6 — золистые слои; 7 — очаги; 8 — натечная глина зеленого цвета; 9 — дерновый слой.

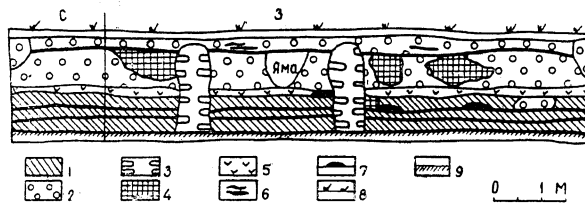

Рис. 88. Развертка шурфа на «площадке»: 1 — рыхлый лёсс; 2 — надувной лёсс; 3 — оплывшая стена; 4 — плотный завал; 5 — натечная глина зеленого цвета; 6 — золистые слои; 7 — очаг; 8 — дерновый слой; 9 — материк.

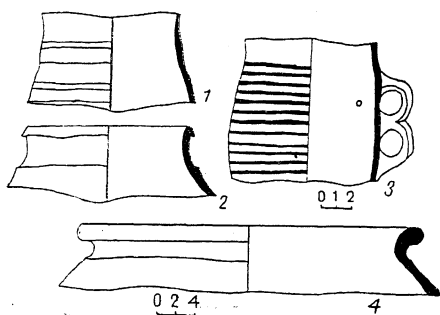

Рис. 89. Керамика нижнего слоя Кос-тобе.

Больше всего керамики дал верхний строительный горизонт. Наконец, третий комплекс происходит в основном из шурфа 1 и раскопа 2 и связан с самым верхним полом.

Керамики нижнего слоя Кос-тобе немного.

Хумы с вытянутым туловом, раздуты в плечиках. Венчик слегка отогнут наружу, подпрямоугольной или прямоугольной формы, с желобком посередине. Тесто плотное, с примесью песка, обжиг слоистый. Снаружи на тулове видны следы заглаживания. Сосуды вылеплены от руки (рис. 89, 4).

Хумы с венчиками, аналогичными кос-тобинским, известны прежде всего в материалах Актобе 2 (Чардара), где они точно датируются первыми веками нашей эры².

Некоторое сходство можно заметить при сравнении кос-тобинских хумов и хумов из нижнего слоя Минг-Урюка³. Близкие аналогии прослеживаются и в керамике Хорезма⁴.

Кувшины имеют вытянутое бочонковидное тулово. Верхняя часть с рифлением или покрыта концентрическими линиями, проведенными, по всей вероятности, палочкой с закругленным концом (рис. 89, 1). Желобчатая петлеобразная ручка соединяет плечики. Верхний конец ее крепится чуть ниже венчика, на уровне обязательного рельефного пояса, треугольного в сечении.

Высота тулова 20—25 см, диаметр венчика 6—8 см, диаметр дна 10—12 см. Кувшины вылеплены от руки из теста светло-коричневого цвета с примесями мелкого песка.

Снаружи поверхность их замыта, и они имеют серый, темно-серый или желтоватый цвет. Кроме рифления и прочерченных сконцентрированных полос на большинстве сосудов снаружи заметны следы раскраски в виде темных полос и пятен.

Аналогии подобного рода кувшинам есть на поселении Актобе 2 (Чардара). Этого типа посуда там составляет более 60% всех кувшинов⁵. Близкие параллели с местной посудой обнаруживает также керамика поселения Караул-тобе на средней Арыси⁶.

² Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Поселение Актобе 2 (I — начало IV в. н. э.). В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 43, рис. 17, 9.

³ Ю. В. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте. Труды Ташкентского государственного ун-та, вып. 172, 1960, стр. 135, табл. IV.

⁴ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. Труды ХАЭЭ, т. IV, М., 1959, стр. 125, 148.

⁵ Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Указ. работа, стр. 53, рис. 22.

⁶ Н. П. Подушкин. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана. «Известия АН КазССР, серия обществ.», 1968, вып. 5, табл. II, 17, 22.

Из нижнего слоя происходят также кувшины с двойными ручками. Сосуды сделаны на круге, из теста с примесью гипса; обжиг розовый. Поверхность их каннелирована и покрыта вишневым ангобом. Ручка прикреплена ниже середины тулова (рис. 89, 3).

Впервые на юге Казахстана кувшины с такими ручками найдены при раскопках поселения Караултобе, датируемого первыми веками нашей эры⁷. На этом поселении двойные ручки отмечены и на кухонной керамике⁸.

Если искать более широкие аналогии, то следует указать на сосуды с двойными ручками, встреченные на Северном Кавказе в VII—IX вв.⁹, в Прикубанье и Придонье в погребениях VIII—IX вв.¹⁰

Описанный комплекс керамики, хотя и незначительный в количественном отношении, дает возможность исходя из аналогий с керамикой соседних памятников и прежде всего с хорошо датированным комплексом из Актобе 2 (Чардара) отнести нижний слой Кос-тобе к первым векам нашей эры.

Для керамики верхнего строительного горизонта характерны следующие типы посуды.

Хумы. Это наиболее многочисленная группа керамики, она составляет 30% всей посуды.

Хумы лепились от руки из широких полос. Тесто хорошего промеса, в качестве отошителя применялся мелкий песок и шамот. Отличительным признаком хумов верхнего слоя Кос-тобе, как и нижнего, являются отпечатки ткани на днищах.

У хумов удлиненные пропорции тулова. Венчики прямоугольные или квадратные в сечении, чаще с широкой вмятиной посередине (рис. 90). Снаружи хумы покрыты розовым, коричневым или палевого цвета ангобом и расписаны минеральной краской — черной или красной. Элементы росписи однообразны: потеки, прямые вертикальные линии, реже сетка.

На тулово некоторых хумов нанесены знаки-метки.

Хумы подобных пропорций и с таким же венчиком распространены достаточно широко в долине Сырдарьи — на городище Шаушукум-тобе, они датируются III—VIII вв.¹¹.

⁷ Там же, стр. 74, табл. II, 3, 5.

⁸ Там же, табл. I, 9.

⁹ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, № 106, 1962, рис. 15, 3; рис. 24, 6; рис. 27, 5.

¹⁰ К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I, Л., 1941, табл. XV, рис. 2—3.

¹¹ Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка. В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 96, табл. III. См. также в этой работе кар-

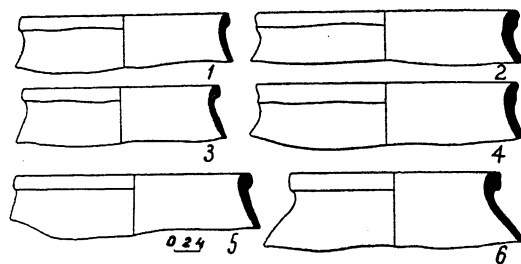

Рис. 90. Хумы городища Кос-тобе.

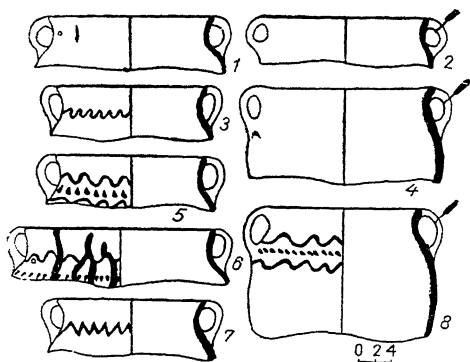

Рис. 91. Горшки городища Кос-тобе.

Горшки изготавливались от руки, из хорошо промешанного теста с примесью желтого речного песка. Вытянутое тулово к горлу сужено, венчик отогнут наружу, в разрезе имеет каплевидную форму. Две широкие плоские ручки соединяют плечики и венчик. Размер горшков: диаметр горла 35—45 см, высота 40—65 см и меньше. Снаружи они покрыты белым, палевым или розовым ангобом. Обычно белый ангоб встречается в сочетании с налипными шишечками, а розовый — в сочетании с волнистым орнаментом. Волнистая линия проходит по плечикам или горлу. Отмечены волнистые линии в сочетании с вмятинами, иногда горло украшает елочный орнамент. Кроме того, на горшках заметны следы потеков краски — черной и красной (рис. 91).

В качестве близких параллелей следует указать на горшки Шаушукум-тобе, где они встречаются в нижнем и верхнем слоях¹², и джетысарской культуры (верхний слой)¹³. Подобная форма горшков бытует на Сырдарье еще с первых веков нашей эры¹⁴. Новым в этой форме в последующее время является орнаментация волнистой полосой и елочкой.

Кухонная керамика представлена следующими видами.

Котлы. Они вылеплены от руки, из рыхлого теста с примесью дресвы и шамота. Целых форм нет, имеются фрагменты венчиков, стенок и доннышек. Венчики треугольные в сечении, горло отделено от тулова уступом. Котлы с массивным поддоном диаметром до 10 см (рис. 92, 1). Форма их близка глиняным котлам из раскопок Джетысаров¹⁵. Аналогичные котлы есть в Шаушукум-тобе¹⁶.

Горшки, как и котлы, вылеплены от руки из рыхлого с примесью шамота теста. Различается несколько типов горшков. Первый имеет раздутое тулово с покатыми плечиками и цилиндрическое широкое горло со слегка отогнутым наружу венчиком, плоским сверху. Поверхность сосудов покрыта светлым ангобом. На плечики некоторых из них нанесен орнамент в виде насечек. Эта серия составляет 15% всех горшков.

ту распространения керамики, аналогичной шаушукумской, составленную на основе сбора подъемного материала (стр. 114, рис. 13).

¹² Там же, стр. 96, табл. III, IV, IX.

¹³ Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Поселение Актобе 2 (I — начало IV в. н. э.), рис. 18, 1, 2.

¹⁴ Там же, стр. 45.

¹⁵ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии джетысарской культуры. Сб.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 55—57, рис. 7, 37—39. Эти глиняные котлы, как справедливо отмечает исследователь, подобны металлическим так называемого гуинского типа.

¹⁶ Е. И. Агеева. Указ. работа, стр. 100, табл. IV.

Горшки второго типа такой же формы, но с более сильно отогнутым венчиком. Две вертикальные ручки соединяют край венчика и плечики. Горшки данной группы изготовлены из теста лучшего качества, чем первой. Снаружи они покрыты светлым ангобом. Под венчиком у них расположены налпные шишечки и процарапан орнамент (рис. 92, 7).

Налпной орнамент в виде шишечек был распространен длительное время. Ему приписывают антропоморфное значение¹⁷.

Среди столовой посуды преобладают кувшины, затем кружки и миски.

К у в ш и н ы. Они разного размера, но близких форм. Первый тип имеет тулово с покатыми, «обвислыми» плечиками, короткую шейку с валиком, отогнутый наружу венчик с плоским бережком. Уплощенная желобчатая ручка на уровне валика соединяет горло и плечики (рис. 93, 2, 4—9). Обычная высота столовых кувшинов 22—28 см, диаметр венчика 10 см, диаметр дна 12—14 см. Большинство из них вылеплено от руки, лишь 20% — на гончарном круге. Кувшины изготовлены из плотного с примесью песка теста. Обжиг розовый и серый.

Снаружи они покрыты желтым или серым ангобом и полосками черной краски. В одном случае на горле и плечиках был орнамент в виде трех волнистых линий, расположенных вертикально на плечиках (рис. 93, 3).

Кувшины второго типа меньше размером: высота до 20 см и диаметр горла 6—8 см. Они сделаны на гончарном круге, тесто розовое. Внешняя поверхность сосудов покрыта мелким рифлением.

В о д о н о с ы е к у в ш и н ы имеют округлое тулово с рифлением, широкое горло диаметром до 15 см, округлый в сечении или каплевидной формы венчик, желобчатую ручку, соединяющую горло и плечики. Рельефный валик на горле выделен слабо, иногда его вообще не бывает. На венчике одного из них были три зарубки, возможно, метки емкости. Снаружи кувшины покрыты розовым или кремевым ангобом. На стенках их иногда процарапаны знаки (рис. 94, 5). Особняком стоят два водоносных сероглиняных кувшина с зеленоватым ангобом и росписью в виде косой клетки. Под ручкой находится знак в виде креста.

Характерными элементами столовых и водоносных кувшинов являются валик на горле и желобчатая ручка. Эти признаки имела керамика Южного Казахстана уже в первые века нашей эры¹⁸. Кувшин с валиком на горле найден в кургане 9 могильника Жаман-Тогай на Сырдарье, датированном

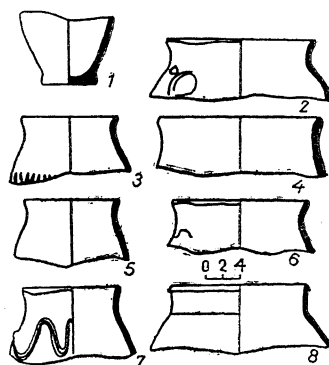

Рис. 92. Котлы и мелкие горшки городища Кос-тобе.

¹⁷ Г. В. Григорьев. Архаические черты в производстве керамики горных таджиков. «Известия ГАИМК», т. X, вып. 10, 1931, стр. 67; А. М. Левина. Указ. работа, стр. 72. У нее составлена сводка о распространении орнамента в виде шишечек и налп.

¹⁸ Н. П. Подушкин. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана. «Известия АН КазССР, серия обществ.», 1968, вып. 5, табл. II, 2, 4.

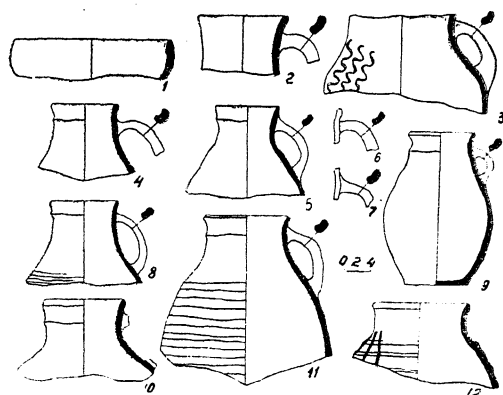

Рис. 93. Кувшины и миска городища Кос-тобе.

ление». Это когда рифление имитируется нанесением по тулову сосуда глубоких горизонтальных линий.

Рифление горла кувшинов отмечено в джетыясарской культуре начиная с первых веков нашей эры²³. Однако рифление тулова — особенность памятников Отрарского оазиса, и правы те исследователи, которые считают ее отличительной чертой керамики данного района²⁴. Именно отсюда, а не из Хорезма²⁵ подобного типа кувшины проникли в Илийскую долину, в усуньские погребения I—III вв. н. э.

К р у ж к и. В верхнем слое Кос-тобе обнаружен один тип кружек. Это крышкообразной формы сосуда с выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком с закругленным бережком. Петлеобразная плоская ручка прилепена к середине тулова. Высота кружек 17 см, диаметр венчика 8 см, диаметр дна 6 см. Они изготовлены из хорошо промешанного теста с примесью речного песка и сверху покрыты палевым ангобом. По всему тулову проведены спиралью неровные линии (рис. 94, 1).

¹⁹ А. Г. Максимова. Курганные могильники. В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 182, табл. I, 3.

²⁰ И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 75—77, рис. 16, 2, 4.

²¹ Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка. В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 101.

²² Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте. Труды Ташкентского гос. ун-та, вып. 172, 1960, стр. 139.

²³ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии джетыясарской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 80.

²⁴ Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. Автореферат канд. дисс. М., 1967, стр. 16.

²⁵ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1965, стр. 224, табл. VI, 15.

рубежом нашей эры¹⁹. Аналогичные кувшины известны из катакомбных захоронений I—V вв. н. э., раскопанных в Таласской долине (могильники Джоон-тобе, Тош-Башат)²⁰.

Такие сосуды продолжают бытовать и в последующее время. Кувшины, подобные кос-тобинским, найденные на Торткуль-тобе (среднее течение Арыси), относятся к V—VIII вв. Сосуды с желобчатыми ручками встречены в среднем слое Шаушукум-тобе²¹.

Большое сходство в оформлении ручек и пропорциях кувшинов из Кос-тобе можно увидеть при сопоставлении их с аналогичными формами из Ташкентского оазиса²².

Одним из обязательных признаков описанной группы керамики является рифление или «псевдорифление».

Аналогии кружкам не встречены. Близкие по форме сосуды есть на средней Архисы, на городище Караул-тобе²⁶.

Мисочки. Они имеют вид неглубокой чаши со стенками, слегка суженными к краю венчика. Снаружи покрыты красным ангобом и лощением (рис. 93, 1). Много красноангобированных с лощением мисочек встречено в верхнем слое «Большого дома»²⁷.

Прочая керамика представлена несколькими формами.

Чашы с отверстием в дне (творожницы). Они сделаны ручной лепкой из плотного с примесью песка теста. Стенки их (высота 5—6 см) плавно отходят от плоского массивного дна, слегка утолщаясь к венчику с плоским бережком. В дне имеется четыре или пять отверстий диаметром до 1 см. Снаружи чаши покрыты белым ангобом (рис. 94, 3). В одном случае в качестве «творожницы» использована донная часть разбитого кувшина, в днище его просверлено пять отверстий.

Комплекс керамики, связанный с самым верхним полом, по сравнению с керамикой верхнего строительного горизонта, невелик. Он представлен хумами, кувшинами, кружками, чашами, мисками.

Хумы в этот период несколько изменяются: более округлыми становятся пропорции и реже в качестве внешнего покрытия используется коричневый ангоб. Его почти полностью вытесняет бледно-розовый и розовый. Венчики остаются теми же, прямоугольными и квадратными в сечении.

На обломке боковины одного из хумов сохранился «солнцеобразный» оттиск. Такого рода оттиски встречены в Семиречье²⁸ и Чаче²⁹ на керамике VII—VIII вв. Позднее такой орнамент получил распространение в Чуйской, Таласской и Илийской долинах³⁰.

²⁶ Н. П. Подушкин. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана, табл. II, 7, 14, 19.

²⁷ Наиболее близкие по форме кос-тобинским мисочки 13 и 15. См.: Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии джетысарской культуры, рис. 11.

²⁸ В. И. Распопова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. Труды ХАЭЭ, т. IV, 1960, стр. 146, рис. 2, 8. Исследователь называет их «штампом в виде колеса со спицами».

²⁹ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (Раскопки 1940 г.). «Материалы по археологии Узбекистана», т. I, Ташкент, 1948, стр. 117—118.

³⁰ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня

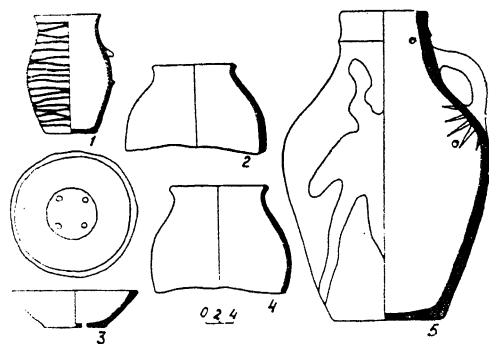

Рис. 94. Кружка, кувшин, творожница и мелкие горшки городища Кос-тобе.

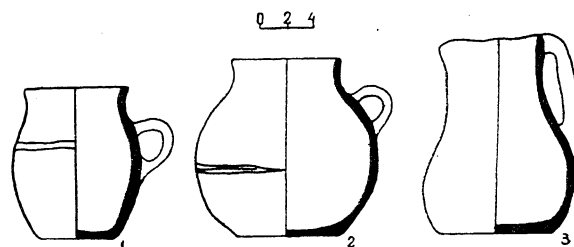

Рис. 95. Столовый кувшин и кружки городища Кос-тобе.

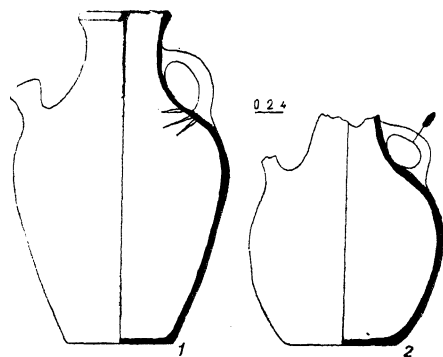

Рис. 96. Водоносные кувшины
городища Кос-тобе.

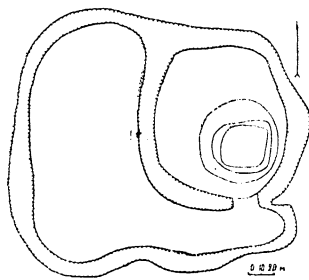

Рис. 97. Городище
Пшук-Мардан. План.

Столовые кувшины представлены несколькими типами. К первому относятся кувшины с округлым туловом и высокой широкой шейкой, длина которой почти равна тулову. Высота кувшина 14 см. Ручка соединяет венчик и плечики. Слив на венчике выделен (рис. 95, 3). Кувшин вылеплен от руки из плотного теста с примесью песка. Обжиг желтый. Сверху он покрыт зеленовато-белым ангобом. Наружная поверхность его подправлена ножом, причем следы срезов хорошо заметны. Правка тулова сосудов ножом зафиксирована на посуде гончаров средневекового Кулана (Семиречье)³¹.

Водоносные кувшины двух типов.

Первый тип характеризуется вытянутым яйцевидным туловом, короткой шейкой и резко отогнутым наружу венчиком. Высота кувшина 45 см, диаметр венчика 12 см, диаметр дна 24 см. Короткая дугообразная ручка соединяет горло и плечики. Под ручкой нанесен знак

в виде незамкнутого треугольника. Напротив ручки помещен носик с выделенным сливом. Сосуд изготовлен на круге из плотного теста; он розового обжига, снаружи покрыт белым ангобом (рис. 96, 1).

Второй тип кувшинов имеет округлое тулово, короткую шейку и носик без слива. Утолщенная ручка соединяет горло и плечики. Высота кувшина 42 см, диаметр горла 8 см, дна — 16 см, тулова — 30 см. Сосуд вылеплен от руки из теста с примесью шамота, принявшего при обжиге серый цвет, и покрыт ангобом темно-красного цвета (рис. 96, 2).

Аналогии обоим типам водоносных кувшинов достаточно четки и точно датированы. Кувшины с носиком-сливом, сделанные на круге, встречены в материалах Борижарского могильника³².

Водоносные кувшины второго типа также широко представлены в керамике из Борижарского могильника. Тожество полное и в пропорциях кувшинов, и в характере покрытия поверхности темно-красным ангобом. Как известно, Борижарский могильник датируется VI—VIII вв.³³

и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 10—12, рис. 70; М. А. Бубнова. Средневековое поселение Ак-тобе 1 у с. Орловки. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, рис. 11; К. М. Байпаков. Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 78.

³¹ К. М. Байпаков. Раскопки средневековой мастерской в Семиречье. «Вестник АН КазССР», 1969, № 7, стр. 91.

³² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I, 1956, стр. 55—56, рис. 28; Б. Нурмуханбетов. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, табл. III.

³³ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г., стр. 53.

К р у ж к и двух типов.

К первому типу относятся кружки, сделанные на гончарном круге. Тулово у них раздутое, круглое, резко сужается к короткой шейке. Венчик отогнут наружу. Ручка прилеплена к середине корпуса. Снаружи кружка покрыта белым ангобом, по плечикам прочерчены две concentрические линии (рис. 95, 3).

Второго типа кружки вылеплены от руки и покрыты снаружи густым красным ангобом и лощением. У них достаточно высокая по отношению к тулову горловина, но в целом форма грушевидная. Ручка прилеплена к тулову так, что ее отверстие напоминает кольцо (рис. 95, 1).

Оба типа кружек обнаруживают близкие параллели в материалах VII—VIII вв. Кружки с белым ангобным покрытием есть в керамике Пенджикента³⁴.

Кроме Кос-тобе идентичные красноощенные кружки найдены на Пшакши-тобе³⁵, в слое III, датируемом VI—VIII вв. Аналогичные кружки дал верхний слой городища Джуван-тобе на Арыси и Борижарский могильник³⁶. Красноощенные кружки встречены в Таразе, в тюрко-согдийском слое³⁷.

Наряду с керамикой при раскопках городища выявлены ладьевидной формы зернотерка, каменные ядра, терочники, точильные камни, т. е. орудия, широко распространенные на раннеземледельческих памятниках. Из украшений можно назвать раковину «каури» с дырочкой на спинке, лежавшую в кружке.

Как можно заключить из описания керамики Кос-тобе (южного), ее классификации и типологии, вся она на протяжении существования памятника сохраняла преемственность и в развитии основных ведущих типов посуды, и в элементах орнаментики, и в технике изготовления.

Датировка керамики в основном устанавливается исходя из хронологии аналогичных комплексов, полученных при раскопках Джетыясаров и памятников Ташкентского оазиса. Однако более конкретно датируемый вещественный материал в раскопках отсутствует. Это затрудняет датировку раз-

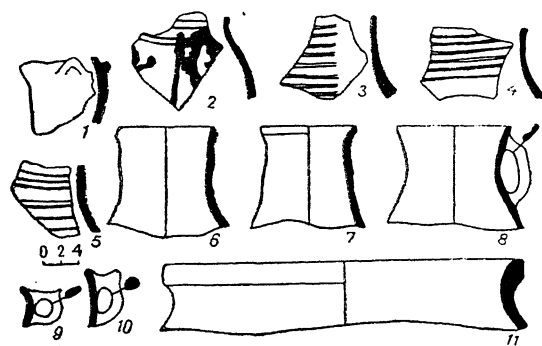

Рис. 98. Керамика I—VI вв. городища Пшук-Мардан.

³⁴ И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.). МИА, № 124, 1964, стр. 20, рис. 21.

³⁵ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 35, рис. 9.

³⁶ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции в 1953 г., рис. 24, 28.

³⁷ «Таласская долина». Труды Семиреченской археологической экспедиции. Алма-Ата, 1950, стр. 191.

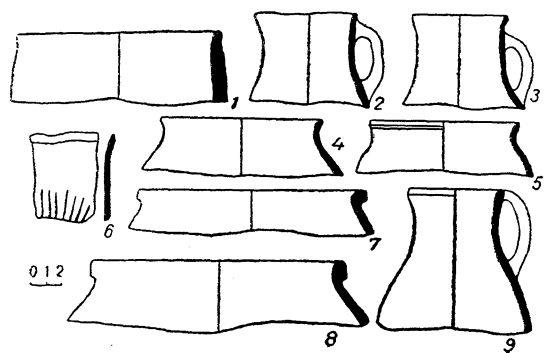

Рис. 99. Керамика VII—VIII вв. городища Пшук-Мардан.

личных слоев Кос-тобе. Тем не менее можно предложить следующие хронологические этапы: I—IV вв. для нижнего строительного горизонта, IV—VI вв. для верхнего слоя и VII—VIII вв. для самого верхнего пола верхнего строительного горизонта.

Для керамики первых веков характерны сосуды с двумя ручками и кувшины с бочонковидным туловом, для керамики IV—VI вв. — кувшины с валиком и желобчатыми ручками, хумы с прямоугольным венчиком и ложбинкой на нем, сосуды с рифлением. В керамике VII—VIII вв. появились новые формы. Сложение нового стиля в Средней Азии приходится на VII—VIII вв. На Кос-тобе это

кувшины с носиками, у которых выделен слив, красноощенные кружки, подражающие металлическим образцам³⁸. Новым был и орнамент на сосудах в виде солнцевидных оттисков.

Пшук-Мардан представляет собой остатки раннесредневекового города (рис. 97). Цитадель находится в восточной части развалин. Это подпрямоугольный бугор размером в основании 40×40 м и высотой 10 м. Шахристан примыкает к цитадели с запада. Это округлый в плане бугор. Диаметр его 150 м. Рабад охватывает шахристан подковой с запада и юга. Он в виде возвышенной площадки, сплошь занятой постройками, планировку которых можно проследить на отдельных участках. Со всех сторон городище окружено рвом шириной 15—20 м и глубиной до 2 м. Шахристан и цитадель в свою очередь отделены рвом от рабада. Въезд в шахристан проходил по перемычке, зафиксированной в южной части рва, который соединялся протокой с руслом Арыси.

Если цитадель и шахристан имели оборонительные стены с башнями, оплывшие контуры которых прослеживаются по периметру бугров, то рабад был защищен только рвом и, видимо, расположенной за ним заболоченной низиной. В настоящее время подобная картина наблюдается, когда древний ров заполняется водой из находящегося рядом канала, выведенного из Арыси.

На территории городища собран многочисленный подъемный материал: обломки керамики, фрагменты каменных зернотерок, песты, терочники, каменные ядра. Поливной керамики нет. В коллекции посуды встречаются фрагменты, которые можно отнести к первым векам нашей эры. Это горшкообразные сосуды, сделанные от руки, с двумя наклепными маленькими ручками и с дырочками в них для подвешивания (рис. 98, 1). Прямые аналогии

³⁸ Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. Сб. «Культура и искусство народов Востока», вып. 6, Л., 1964, стр. 182.

им дает материал Ак-тобе на северных склонах Каратау³⁹. Большая часть керамики Пшук-Мардана представлена посудой, тождественной посуде верхнего слоя Кос-тобе. Это хумы с подпрямоугольным или квадратным венчиком и ложбиной на нем, кухонные горшки с двумя ручками и корчаги для хранения и переноски жидкостей, кувшины с валиком и желобчатой ручкой (рис. 98, 6, 8, 11). Интересны ручки кружек. Одна из них оформлена в виде стилизованной фигурки барана, другая — кольцевая с площадкой наверху. Первая покрыта коричневым, вторая — красным ангобом (рис. 98, 9, 10). Аналогии кружкам встречены в среднем горизонте Шаушукум-тобе⁴⁰. Такого типа кружек там довольно много.

Незначительную группу (4%) в керамике Пшук-Мардана составляют сероглиняные кувшины с рифленным горлом. Снаружи они украшены серым либо палевым ангобом и потеками черной маслянистой краски (рис. 98, 2—5). Такая керамика обнаружена и на других памятниках оазиса. Есть она в Шаушукум-тобе и, судя по карте, приведенной Е. И. Агеевой, широко распространена на юге Казахстана⁴¹. Однако, если учесть, что в памятниках джетысарской культуры среди керамики сероглиняных кувшинов с серым ангобом и лошением оказалось около 25%, то, видимо, появление их на средней Сырдарье надо связывать главным образом с влиянием именно джетысарской культуры. Оно, как полагают, становится заметным не ранее IV в. н. э.⁴²

И, наконец, к третьей группе в подъемном материале Пшук-Мардана отнесена керамика, аналогичная керамике верхнего пола Кос-тобе (рис. 99). Это водоносные кувшины с треугольными венчиками. Снаружи они покрыты светлым ангобом. Валики у кувшинов отсутствуют, ручки в сечении овальные. Выявлен новый тип кувшинов со сливом, его овальная ручка соединяет венчик и плечики (рис. 98, 2). Эти кувшины имеют параллели в ке-

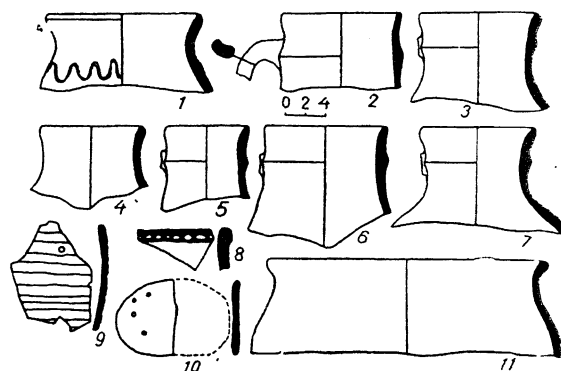

Рис. 100. Керамика городища Ахай-тобе.

³⁹ Т. Н. Сенигова. Поселение Ак-тобе. В кн.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 75, рис. 2. Мы согласны с Л. М. Левиной, которая датирует памятник в пределах первой половины I в. н. э. См.: Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. Автореферат канд. дисс. М., 1967, стр. 14, 16.

⁴⁰ Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка. В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, табл. V.

⁴¹ Там же, стр. 118—119, рис. 13.

⁴² Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии джетысарской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 62.

рамике Борижарского могильника ⁴³, в материалах верхнего слоя городища Минг-Урюк ⁴⁴.

Таким образом, подъемный материал, собранный на Пшук-Мардане, позволяет отнести возникновение городища к первым векам нашей эры, а замирание жизни в нем — к VIII в. Судя по топографии, обилию керамики и керамических шлаков, Пшук-Мардан в VII—VIII вв. сформировался в раннесредневековый город.

Городище Ахай-тобе. Цитадель городища расположена в центре развалин и представляет собой круглый бугор с площадкой наверху. Диаметр ее 25 м. Шахристан в виде овального бугра примыкает к цитадели с южной стороны. Его наибольший диаметр 80 м. Высота цитадели 8 м, шахристана 4—5 м. Рабад окружает цитадель и шахристан. В плане он имеет вид подпрямоугольной площадки. Длина ее северной и южной сторон равна 150—160 м, западной и восточной — около 200 м. На поверхности развалин собрана коллекция керамики, несколько обломков ладьевидных зернотерок, аморфные фрагменты железных изделий. Керамика в основной массе соответствует керамике верхнего слоя Кос-тобе. Хумы с прямоугольным венчиком и желобком покрыты палевым либо оранжевым ангобом и полосками краски. Кувшины имеют характерный валик на шейке и желобчатые ручки (рис. 100, 2, 3, 6, 7).

Представляет интерес обломок овальной крышки. Она вылеплена от ручки из плотного с примесью песка теста. В ней сделаны сквозные дырки (рис. 100, 10).

На Ахай-тобе встречена керамика, изготовленная на круге из плотного теста. Снаружи, как правило, кувшины, чаши и другие изделия отделаны светлым ангобом.

Сопоставление керамики Ахай-тобе с посудой Кос-тобе (южного) и Пшук-Мардана позволяет заключить, что данный памятник существовал с первых веков нашей эры по VII—VIII вв.

Городище Шыкты (Алтын)-тобе. Цитадель в виде подквадратного в плане бугра высотой 10 м, размером в основании 20×30 м, имеет наверху круглую площадку диаметром 15 м. С юго-западной стороны цитадели находится более низкий бугор — шахристан. Его размер в основании 50×60 м. Со всех сторон он окружен рабадом, который имеет вид плоской площадки высотой 1—2 м и размером 90×180 м. Въезд на территорию городища расположен с юго-западной стороны.

В настоящее время городище используется под кладбище. В насыпях могил и на поверхности развалин собрано значительное количество облом-

⁴³ Б. Нурмуханбетов. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника. В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, табл. III.

⁴⁴ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте. Труды Ташкентского гос. ун-та, вып. 172, 1960, стр. 139, табл. 5, 9.

ков керамики. В основном она однотипна и аналогична сосудам верхнего слоя Кос-тобе (южного). Преобладают кувшины. Они составляют до 25% всей посуды. Кувшины имеют покатые, обвислые плечики, валик на горле и желобчатую ручку, верхняя часть которой крепится к валику, нижняя — к плечикам. Найдены также двуручные горшки и хумы с прямоугольным венчиком. Наряду с керамикой, характерной для IV—VI вв., встречена посуда VII—VIII вв. Это столовые кувшины, сделанные на круге, покрытые сверху светлым ангобом. Ручки, овальные в сечении, соединяют венчик и плечики. Обнаружены также фрагменты сосудов типа тагоры с вертикальными стенками и плоским сверху венчиком, украшенным поверху волнистым орнаментом.

Тостоган-тобе. Памятник представляет собой центральный бугор с прилегающей к нему площадкой. Бугор в плане овальный, у основания диаметром 35 м. Сверху он сильно уплощен, диаметр площадки наверху 25 м. Высота бугра 5,5 м. Площадка в виде треугольника, длинное основание которого равно 280 м, а две боковые стороны — 150 и 190 м. Высота площадки от 1 до 2,5 м. На ее поверхности отмечены остатки прежних сооружений (рис. 101).

Керамика, собранная на поверхности памятника, характеризуется типами посуды, аналогичными для верхнего слоя Кос-тобе (южного). Анализ ее позволяет определить время жизни на Тостогане IV—VI вв. н. э.

Олюк-тобе I — крайний южный памятник комплекса. Это бугор с примыкающей к нему овальной в плане площадкой. Бугор в основании диаметром 60 м, наверху диаметром 40 м. Диаметр площадки 100 м. Керамика датируется IV—VI вв.

Олюк-тобе II имеет в плане вид сильно вытянутого по линии С—Ю овала. В его южной части расположен центральный бугор диаметром 25 м и площадка, диаметр которой равен 60 м. Керамика относится к IV—VI вв.

Аксеит-тобе также в форме овала, вытянутого по линии С—Ю, с вогнутой западной стороной. Тобе высотой 5,5 м с площадкой наверху, диаметром 18 м. Диаметр бугра в основании 40 м, протяженность площадки 90 м. Керамика датируется IV—VI вв.

Кос-тобе (северное). Центральный бугор в плане почти круглой формы (диаметр 20 м). К нему примыкает треугольная в плане площадка со стороной 80 м (рис. 102). Керамика, обнаруженная здесь, представлена хумами с прямоугольным венчиком и ложбинкой на нем, кувшинами с валиком и желобчатой ручкой. Она аналогична керамике Кос-тобе (южного). Как и Кос-тобе (южное), описываемый памятник доживает до VII—VIII вв.

Сейтман-тобе. Центральный бугор его имеет вид круглого бугра высотой 3 м, диаметром в основании 50 м. Вершина бугра плоская, диаметр площадки наверху 20 м. Керамика городища подобна керамике Кос-тобе (южное) и датирует названный памятник первыми веками нашей эры — VII—VIII вв.

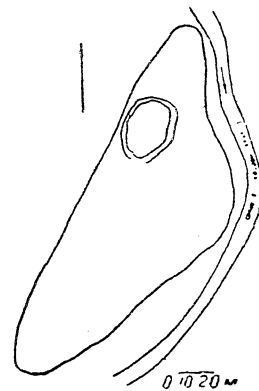
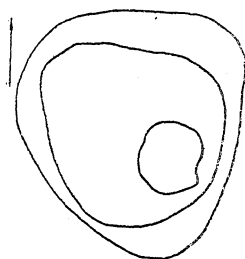

Рис. 101. Городище Тостоган-тобе. План.

0 5 10 15 м

Рис. 102. Городище Кос-тобе (северное). План.

Дур-тобе представляет собой тобе с площадкой. Тобе имеет подчетырехугольные в плане очертания. Стороны в основании равны 50 м, размер площадки наверху 25×25 м. Площадка, примыкающая к бугру, вытянута в северо-восточном направлении. Длина ее по оси 160 м. Керамика относится к IV—VI вв.

Шоль-тобе — вытянутый по линии С—Ю овал. Центральный бугор наверху в виде площадки диаметром 15 м. Примыкающая к бугру площадка вытянута в длину на 90 м. Керамика датируется IV—VI вв.

Караул-тобе — овальный бугор диаметром в основании 40 м. Диаметр площадки на вершине бугра 22 м. Керамика датируется I—IV вв.

Безымянные тобе I и II представляют собой бугры, овальные в плане. Первый имеет диаметр 45, второй в основании — 55 м. Керамика аналогична керамике Кос-тобе (южное).

ПАМЯТНИКИ ПРАВОГО БЕРЕГА СЫРДАРЬИ⁴⁵

На правом берегу Сырдарьи обследована группа памятников, включающая раннеземледельческие поселения, усадьбы и замки первых веков нашей эры, средневековые городища и сельские усадьбы XII—XIII вв.

Раскопки были проведены на Ботай-тобе — памятнике, расположенном в 1,5 км юго-западнее городища Алтын-тобе.

Ботай-тобе — это овальный в плане бугор высотой 4,2 м. Длинной осью он вытянут по линии С—Ю с незначительными отклонениями. Длина бугра в основании 50 м, ширина 30 м. Размер площадки наверху 30×15 м. Наиболее крутая сторона бугра северная. К югу бугор понижается. К нему примыкает площадка, также округлая в плане. Длина ее 140 м, ширина 110—120 м. На площадке по периметру прослеживаются холмики — остатки прежних сооружений (рис. 103). Заложенный раскоп прошел через весь бугор сверху. Общая площадь его около 480 кв. м (26×18,5 м).

В ходе исследований вскрыт комплекс жилых помещений. Зафиксировано два строительных горизонта: нижний и верхний. Помещения верхнего строительного горизонта раскопаны до уровня пола. Полы помещений нижнего строительного горизонта зачищены лишь в помещении 7 на площади 24 кв. м.

⁴⁵ Характеристика топографии городищ Куйрук-тобе, Алтын-тобе, Куюк-Мардан, Джалпак-тобе, Пшакши-тобе дана в работе: Е. И. Агеева, Г. И. Пачевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана (Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 26—35, 42—60, 83—89). Обследование этих памятников Отрарской археологической экспедицией позволяет внести некоторые изменения в хронологические рамки их жизни. Так, городище Куйрук-тобе, датируемое VI—XII вв., доживает до XIV в., а городище Джалпак-тобе, верхняя граница жизни которого определена X в., продолжало существовать до начала XIII в.

Планировка строительных конструкций нижнего горизонта выявлена благодаря вторичному использованию стен помещений. В следующий период они надстраивались, но возводились и новые стены, закладывались и прорубались дверные проемы. В итоге этих капитальных перестроек сложился жилой комплекс верхнего строительного горизонта.

Комплекс построек нижнего строительного горизонта представлен несколькими помещениями (рис. 104).

Помещение 7, раскопанное до уровня пола нижнего горизонта, предположительно 36 кв. м (9×4 м). Южная стена его размыта, а сохранившиеся участки сползли вниз по склону бугра, на котором возводились постройки.

Стены помещения 7, а также и других сложены из прямоугольного сырцового кирпича (37×27×8 и 34×22×8 см), положенного рядами «ложком» и «тычком» на глиняном растворе. Толщина стен 1 м с колебаниями от 90 до 115 см. Сохранившаяся высота стен 170 см.

Для нижнего горизонта помещения отмечено два пола: первый на глубине 65—70 см, второй на глубине 160—170 см. Полы обмазаны глиной. Сверху различался припольный слой, состоящий из плотной золы с вкраплениями угольков. Ближе к северной стене, на расстоянии 2 м, расчищен квадратный глинобитный выступ размером 80×80 см и высотой 20 см. По всей вероятности, это основание деревянной подпорки кровли. Что касается перекрытия помещения 7 и других, то они скорее всего были плоскими или двускатными и представляли собой слой камыша, обмазанный сверху глиной. Только таким образом можно объяснить наличие в заполнении помещений и завалах стен куски глины с отпечатками камыша.

Помещение 1 квадратное в плане, размером 5,5×5,5 м. Вход в помещение, а через него, видимо, и в другие находился на южной стороне.

Помещения 2 и 3 расположены на одной оси с первым. Помещение 2 размером 5,5×4 м. Ширина помещения 3 также 5,5 м, но установить его длину не удалось из-за полной разрушенности внешней северной стены.

Следующий ряд помещений 4, 5 и 6 пристроен с восточной стороны. С первым, вторым и третьим у них общая стена. Четвертое по площади равно первому, пятое — второму, шестое — третьему. Вход в помещение 4 находился в юго-восточном углу. Ширина его 1,5 м. При расчистке прохода под полом, относящимся к верхнему строительному периоду, найден венчик хума. Как выяснилось, хум стоял на первоначальном полу, рядом с входом. Он вылеплен от руки. Тулово его длиной 90 см, имеет вытянутые пропорции и посередине, в месте соединения пластин (хум лепился техникой сборки из отдельных пластин), сужено. Создается впечатление, будто хум стянут жгутом. Венчик у него отогнут наружу, в сечении похож на запятовую.

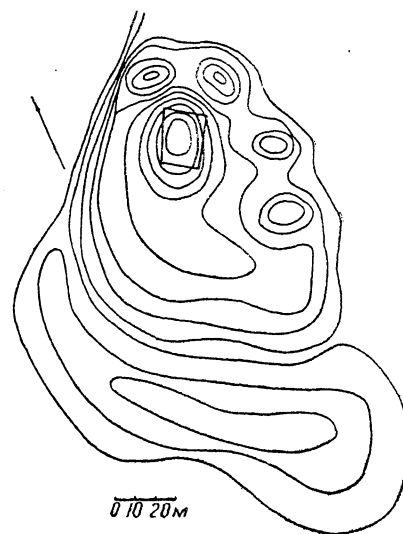

Рис. 103. Городище Ботай-тобе. План.

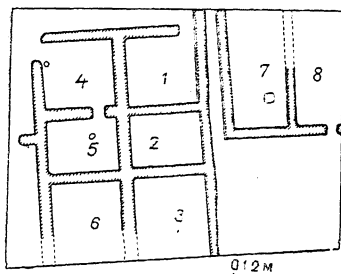

Рис. 104. План нижнего строительного горизонта (Ботай-тобе).

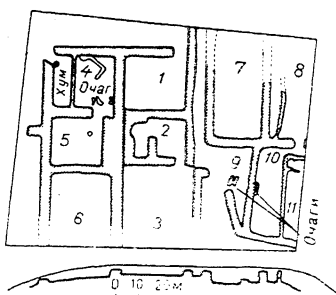

Рис. 105. План верхнего строительного горизонта (Ботай-тобе).

Снаружи сосуд покрыт розоватым ангобом, дополнительно начиная с плечиков по тулову нанесены потеки краски темного цвета.

Помещения 4 и 5 соединены дверным проемом шириной 1 м. Еще одно помещение 8 примыкает к помещению 7 с западной стороны. Его размер определить не удалось.

В помещениях верхнего строительного горизонта на глубине 30—35 см отмечен один пол. Раскоп доведен до этого уровня. Сохранившаяся высота стен 30 см. Они возведены на остатках стен нижнего строительного горизонта. Изменился размер сырцового кирпича (37×23×9 см). Толщина стен 1 м, перегородок — 30—35 см. Перемены в планировке незначительны (рис. 105).

Как и прежде, узкий коридор (ширина 1—1,2 м) делит весь комплекс построек на две части: восточную и западную.

Помещение 1 теперь уменьшилось (5,5×4,6 м), что произошло за счет пристройки южной стены, которая сдвинута внутрь на 90 см. Площадь помещения 2 также сократилась до 3,5×4,5 м. Кроме того, ее надвое разделила перегородка, не доходящая на 1,2 м до южной стены. Из помещения 2 идет проход в помещение 3. Ширина его 6 м, длину определить не удалось.

Помещение 4 также разделено стенкой толщиной 50 см на две части. В результате образовалось две комнаты размером 4,3×3,5 и 4,3×1,5 м. Как и раньше, помещения 4 и 5 соединены проходом. Площадь помещения 5 равна 4×4,5 м. Ширина помещения 6 около 6 м, длина не установлена. В восточной части помещения 7 сохраняет ту же площадь. К нему с северной стороны пристроены помещения 9, 10 и 11 (рис. 106). Вход в помещение 9 ведет из коридора, в помещение 10 — из помещения 8 и с западной стороны комплекса.

В помещениях 9 и 10 на полах расчищены очаги. Очаг в помещении 9 сложен из обломков сырцового кирпича. Он имеет две параллельные стенки и перегородку между ними. В передней части находилась топка, в задней, за перегородкой, ставился котел либо горшок, и поэтому стены очага имеют здесь округлую лунку диаметром 50 см. Очаг в помещении 10 пристроен к стене. Он в плане подковообразной формы, с основанием 85 см (рис. 107). Перекрытия помещений верхнего строительного горизонта также плоские. На полах обнаружены куски глины с отпечатками камыша.

При расчистке помещений верхнего и нижнего строительных горизонтов найдены немногочисленные изделия из металла. Это железное несомкнутое кольцо из пластинки шириной 1 см, железные ножичек и штырь. Длина лезвия ножа 8 см. Ножи подобного типа «с толстым обушком» встречены в захоронениях Шаушукумского могильника⁴⁶ и характерны для катакомб-

⁴⁶ А. Г. Максимова. Курганные могильники. В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 224, табл. XXI, 2, 3.

ных захоронений первой половины I тысячелетия нашей эры⁴⁷. Среди находок отмечено медное кольцо из свернутой в полтора оборота медной пластинки.

Выявлены изделия из камня — обломки ладьевидных зернотерок, точильные камни. Интересна глиняная уплощенная бусина с дырочкой для подвешивания.

Керамические сосуды, собранные при раскопках Ботайтобе и связанные с верхним и нижним строительными горизонтами, хронологически нерасчетлимы. Это два идентичных комплекса, и никаких изменений ни в наборе типов посуды, ни в технике изготовления, ни в орнаментике не замечено.

Кухонная посуда представлена котлами, подставками под них, горшковидными сосудами, сковородами-жаровнями, крышками. Вся она ручной лепки, изготовлена из грубого теста с примесью дресвы и шамота. Снаружи закопчена, под копотью видна розовая или желтоватая поверхность черепка.

К о т л ы. Обломков их мало. Это боковины округлых сосудов, по ним восстановить полную форму невозможно.

Г о р ш к о в и д н ы е с о с у д ы подразделяются на два типа. Их отличает лишь форма венчика, так как тулово постоянно одинаковых пропорций. Оно вытянуто и раздуто в плечиках, с хорошо выделенной шейкой. Ручки налепные, петлевидные и ручки-выступы в виде вертикально прилепленной пластины с закругленным краем длиной 2 см. У горшков первого типа венчик плавно отогнут наружу. Иногда по краю его нанесены насечки. На одном из горшков на шейке имелся налепной валик, рассеченный вертикальными вдавлениями на отрезки (рис. 108, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 12, 15).

⁴⁷ Б. А. Литвинский. Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г. Археологические работы в Таджикистане, вып. IV. Труды ИИАЭ АН ТаджССР, т. ХСІ. Душанбе, 1959, стр. 70; М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г. Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1, 1951, стр. 57; Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960, стр. 104, рис. 59, 14—19.

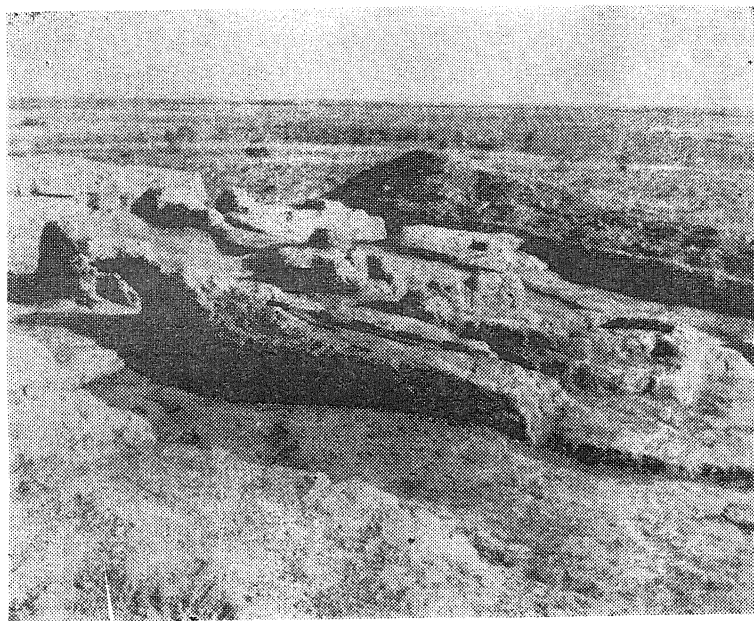

Рис. 106. Помещения 9, 10, 11 (Ботайтобе).

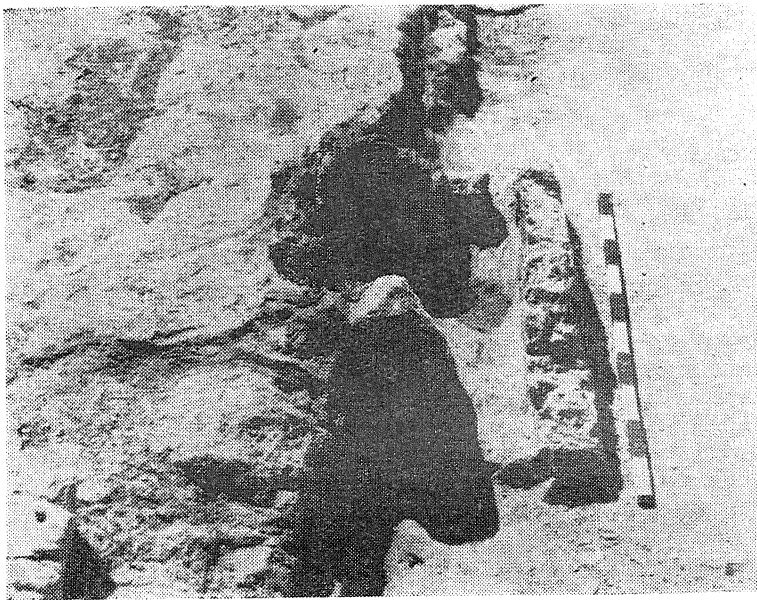

Рис. 107. Очаг помещения 10 (Бстай-тобе).

чик. Высота стен от 5 до 7 см, диаметр 24—32 см (рис. 108, 1, 5, 8, 11, 14). Сковороды сохраняют свою форму длительное время. Они встречены на Актобе 2, датированном I — началом IV в.⁵⁰, на Шаушукум-тобе в нижнем и среднем горизонтах⁵¹, на Каунчи-тепе⁵².

Крышки. Диаметр их колеблется от 12 до 16 см, толщина — 2—2,5 см. В центре или на краю расположены петлеобразные ручки. По краю у некоторых крышек сделаны круглые вдавления, у других на поверхности — глубокие ямки (рис. 109, 1, 4, 6). Ближайшие аналогии подобного рода крышкам обнаружены в материалах городищ Ак-тобе 1 и Шаушукума⁵³, в памятниках, раскопанных Г. В. Григорьевым в Ташкентском оази-

Горшки второго типа с почти вертикальным утолщенным венчиком, отделенным от шейки уступом. По венчику проходит пояс из вертикальных насечек. Горшки аналогичной формы с такими же венчиками есть на Шаушукум-тобе, в нижнем и среднем слоях⁴⁸.

Подставки под котлы и горшки представлены обломками. Это массивные с двумя выступами изделия, покрытые ямочными вдавлениями (рис. 108, 13). Такие подставки распространены в керамике I тысячелетия нашей эры на Сырдарье⁴⁹.

Сковороды-жаровни имеют вертикальные или отходящие под тупым углом от dna стенки и загнутый внутрь вен-

⁴⁸ Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка. В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 97—100, табл. II, IV.

⁴⁹ Там же, стр. 97, табл. I, IV.

⁵⁰ Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Поселение Ак-тобе 2 (I — начало IV в. н. э.). В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 39—42, рис. 15, 13, 14, 64, 65.

⁵¹ Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка, стр. 97, табл. III.

⁵² Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе (Раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940, рис. 26.

⁵³ Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка, стр. 97, табл. II; М. С. Мершиев. Городище Ак-тобе 1 (IV — начало XIII в.). В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, рис. 22 (21, 22).

се⁵⁴. Крышки с орнаментом, нанесенным концом камышинки, известны из курганных захоронений джетыясарской культуры⁵⁵.

Посуда для хранения жидкостей и сыпучих продуктов представлена серией хумов и хумчей.

Хумы изготовлены от руки, из теста хорошего промеса с примесью песка и извести. Снаружи покрыты красным ангобом. Иногда поверх его имеется роспись красной или светло-коричневой красками. На днищах хума были отпечатки ткани.

Пропорции хумов следующие: вытянутое яйцевидное тулово, диаметр дна равен диаметру венчика. Диаметр венчиков от 20 до 42 см. Они разнообразного сечения. Преобладают венчики подпрямоугольные, с желобком посередине, есть и овальные (рис. 110).

Если сравнивать хумы из раскопок Ботай-тобе с хумами раннеземледельческих памятников Сырдарьи и юга Казахстана, то нетрудно заметить близкое сходство в пропорциях, орнаментации полосами и потеками краски, а с хумами Шаушукум-тобе и Кос-тобе (южное)⁵⁶ — в формах венчиков. В то же время наличие отпечатков ткани на днищах свидетельствует о преемственности техники изготовления хумов Отрарского оазиса начиная с первых веков нашей эры, как это уже отмечалось для районов Ташкентского оазиса⁵⁷.

Столовую посуду составляют кувшины и кружки. Они сделаны от руки и на гончарном круге. Различаются сосуды, покрытые красным ангобом и лощением, с белым и темно-коричневым, почти черным ангобом.

Кувшины. К первой группе относятся кувшины с белым ангобом. Они лепились от руки и на круге из глины, принявшей при обжиге желтый или розоватый цвет. Форма кувшинов грушевидная, диаметр дна вдвое больше диаметра венчика. Стенки книзу сильно утолщены, что придает сосуду устойчивость. Венчик округлый, слегка отогнут наружу. Овальная в сечении ручка соединяет венчик и плечики. На одном из кувшинов под ручкой расположен серповидный налп (рис. 111, 16).

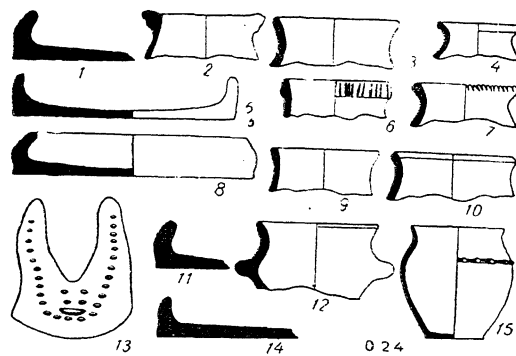

Рис. 108. Горшки, жаровни, подставки (Ботай-тобе).

⁵⁴ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе, рис. 23; его же. Келесская степь в археологическом отношении. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1948, вып. 1, табл. I.

⁵⁵ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыясарской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, рис. 25, 31—32.

⁵⁶ Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка, стр. 96, 104, 119, табл. III.

⁵⁷ Например, хумы с отпечатками ткани из Ак-тобе 2 и Шаушукум-тобе. Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Поселение Ак-тобе 2 (I — начало IV в. н. э.), стр. 42; Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе, стр. 104.

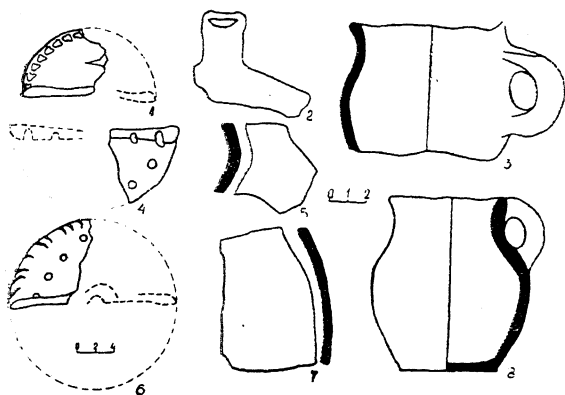

Рис. 109. Крышки и кружки (Ботай-тобе).

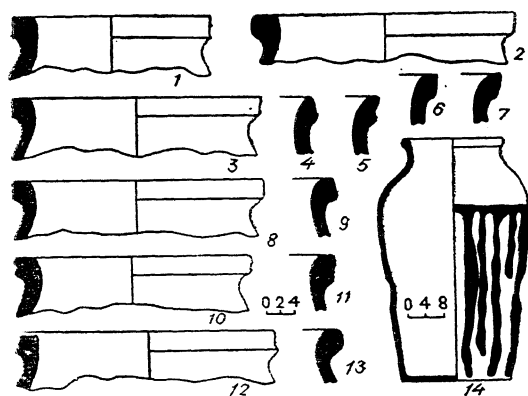

Рис. 110. Хумы
(Ботай-тобе)

Красноангобированные кувшины делятся на два типа.

У кувшинов первого типа тулово банковидной формы, шейка не выделена. Овальная в сечении петлеобразная ручка соединяет венчик и плечики. Кувшины изготовлены от руки из хорошо промешанного теста с примесью мелкого песка. Обжиг розовый. Снаружи по верху ангоба сделано лощение (рис. 111, 1, 2).

Кувшины второго типа большего размера, с высоким горлом и раздутым туловом. Ручка соединяет плечики и венчик.

Кувшины с темно-коричневым ангобом имели широкое и высокое горло с мелким рифлением. Высота тулова 15—17 см, диаметр горла 8 см. Уплощенная в сечении ручка соединяла плечики и венчик. На вершине ручки наклепана шишечка, а спинка ее покрыта зарубками (рис. 111, 4, 8).

Аналогии кувшинам из Ботай-тобе прослеживаются прежде всего в керамике Шаушукум-тобе. Там есть ручки с зарубками (средний горизонт) и с наклепной шишечкой (верхний горизонт), красноангобированная керамика и керамика с буро-коричнево-черным ангобом⁵⁸.

Кружки. Найдено несколько обломков красноангобированных кружек. Для них характерен отогнутый наружу венчик, приземистое тулово и петлевидная, треугольная в сечении ручка с площадкой наверху. Ручка прилеплена в середине тулова. Сверху кружка покрыта лощением (рис. 109, 3).

В комплексе керамики есть целый экземпляр кружечки с темно-коричневым ангобом. Она изготовлена из теста хорошего промеса без видимых примесей. Высота ее 9 см, диаметр венчика 6 см. Форма кружки грушевидная с выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Ручка, овальная в сечении, соединяет венчик и плечики (рис. 109, 8).

Кружки первого и второго типов находят аналогии в керамике среднего горизонта Шаушукум-тобе⁵⁹.

⁵⁸ Е. И. Агеева. Керамика городища Шаушукум-тобе и ее датировка, стр. 100—104, табл. V—VI, VIII.

⁵⁹ Там же, стр. 101—104, табл. V.

Для транспортировки жидкостей использовались водоносные кувшины и двуручные горшки.

Водоносные кувшины, как и остальные виды посуды, делятся на белоангобированные, красноангобированные и с темным ангобным покрытием.

Различаются два типа кувшинов — со сливом и без него. Имеются фрагменты венчиков, обломки боковин и донцев кувшинов со сливом. У них венчик отогнут наружу, слив выделен сжатием венчика (в ряде случаев сохранились отпечатки пальцев). Диаметр горла 12—15 см.

Кувшины со сливом покрыты снаружи красным и белым ангобом. Характерным признаком является мелкое рифление горла. Иногда на плечиках есть налепные шишечки. У одного из сосудов внутри горла для крышки сделана ложбинка.

Кувшины без сливов — обычно сосуды с темным ангобом. Их тесто содержит примесь песка. Горло до плечиков прорифлено (рис. 111, 23).

Водоносные кувшины с рифленным горлом находят себе параллели в материалах Шаушукум-тобе⁶⁰ и особенно в керамике джетыясарской культуры («Большой дом», верхний горизонт). Здесь много (до 14%) кувшинов с рифленным горлом, со сливом и внутренними уступчиками для крышек⁶¹.

Характеризуя керамику Ботай-тобе, необходимо остановиться еще на одной группе, интересной в связи с вопросами хронологии памятника.

Данная группа многочисленна (19%). Она связана с нижним полом нижнего строительного горизонта. Это горшок с двумя ручками, изготовленный от руки из теста с примесью песка. Снаружи он покрыт белым ангобом. На обломке тулова одного из таких горшков прочерчен знак (рис. 112, 1).

Водоносный кувшин также ручной лепки и с палевым ангобом. По его тулову нанесены концентрические линии и прочерчен знак в виде овала. Имеется еще фрагмент тулова столового кувшина, сделанного на гончарном круге. На нем часто вдавлены концентрические линии, что напоминает рифление. Ручка у кувшина желобчатая, на горле расположен валик.

Керамика этого типа аналогична посуде верхнего слоя Кос-тобе, датированного IV—VI вв. Таким образом, нижняя граница жизни на Ботай-тобе определена.

В то же время отсутствие керамики, характерной для VII—VIII вв., позволяет ограничить верхнюю дату Ботай-тобе VII в.

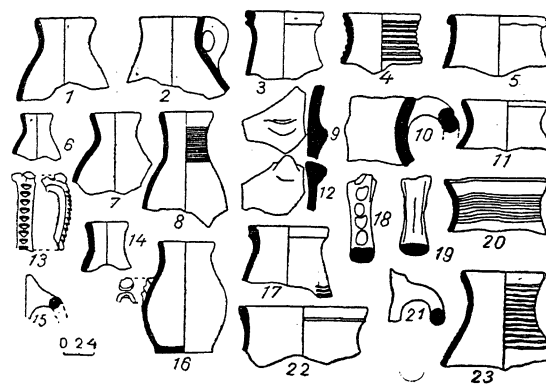

Рис. 111. Кувшины (Ботай-тобе).

⁶⁰ Там же, стр. 104—105.

⁶¹ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии джетыясарской культуры, стр. 80—81, рис. 4.

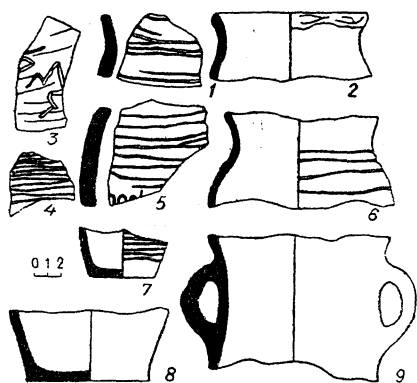

Рис. 112. Керамика нижнего слоя городища Ботай-тобе.

Большинство приведенных аналогий (средний горизонт Шаушукум-тобе, верхний горизонт «Большого дома») дает возможность датировать Ботай-тобе VI—VII вв.

Наиболее ранние из обследованных на правобережье Сырдарьи памятников относятся к I—II—VIII вв. Как и в урочище Кок-Мардан, все памятники этого времени расположены вдоль высохших протоков Арыси и Сырдарьи, некогда наполненных водой. Выявленный подъемный керамический материал аналогичен керамике, полученной при раскопках Кос-тобе (южное) и собранной на Ахай-тобе и Пшук-Мардане. Охарактеризуем исследованные памятники.

Наиболее компактная их группа (пять) расположена к югу от Когама, вблизи городищ Пшакши-тобе. Она называется Бес Ак-тобе, некоторые из памятников имеют имена.

Тоз (Кыз)-тобе — самый крупный в группе. В плане он представляет собой округлый бугор диаметром 70 м и высотой 3,5 м. К нему с западной и северной сторон примыкает площадка подковообразной формы. Ширина ее в западной части 40 м, в северной 25 м, при высоте 3 м (рис. 113).

На поверхности собраны хумы с прямоугольным в сечении венчиком, водоносные кувшины с рифленым туловом, столовые кувшины с желобчатыми ручками и валиком на горле. Встречены красноангобирыванные с лощением обломки кружек. Посуда находит прямые параллели в керамике верхнего слоя Кос-тобе (южное), включая материал, связанный с первым сверху полом. Это позволяет датировать описываемый памятник I—II—VI вв.

Калам-тобе состоит из двух бугров. Один из них в виде вытянутого в плане прямоугольника. Наиболее высокая часть бугра юго-западная. Холм в основании равен 40×20 м, а площадка на высокой части бугра — 20×10 м. Наибольшая высота его 4,3 м.

Восточнее прямоугольного бугра на 30 м находится округлое в плане тобе диаметром 10 м и высотой 2,4 м. Собранная керамика невыразительна. Однако обломки днищ с отпечатками ткани, фрагменты хумов с палевым ангобом, черепки с красным лощением свидетельствуют о времени жизни Калам-тобе в первые века нашей эры.

Жарты-тобе — это бугор, разрезанный каналом, выведенным из Арыси возле Пшакши-тобе в сторону Куйрук-тобе. Оставшаяся часть бугра имеет вид полуовала, основание которого равно 40 м. Сам же бугор высотой 6,5 м. Керамики на поверхности Жарты-тобе мало. Отсутствие черепков сосудов с поливой позволяет датировать памятник временем не позже VIII в.

Бесинши-тобе — овальный в плане бугор диаметром 80 м. Его наиболее высокая часть южная, она достигает 5 м (рис. 114).

Въезд расположен в западной части. Он как бы делит бугор на две половины — северо-западную, высокую и юго-восточную, низкую. Здесь собраны обломки водоносных кувшинов с рифлением, фрагменты горшков

с двумя ручками, венчики хумов, прямоугольные в сечении и с вмятой полосой снаружи. Аналогии керамики дает материал верхнего слоя Кос-тобе (южное). Однако в коллекции Бесинши-тобе отсутствуют типы посуды, характерные для VII—VIII вв.

Безымянное тобе также имеет вид овального бугра, вытянутого длинной осью по линии С—Ю. Длина его 50 м, ширина 35 м, высота 4 м. Керамика невыразительна. Но ее общий облик, наличие обломков днищ хумов с отпечатками ткани позволяет отнести тобе к кругу раннеземледельческих памятников.

Восточнее с. Когам, на протоке Джаман-Коль, находится *Базарбай-тобе*. Это подквадратный в плане бугор (65×40 м), вытянутый по линии В—З. Наиболее возвышенная его часть восточная, она достигает 4 м. Сверху бугор имеет плоскую площадку (35×35 м). Более низкая часть бугра в виде площадки размером 25×20 м. Въезд устроен с северной стороны. В топографии городища он определяется по пологой впадине шириной по верху 5 м.

Материал, собранный на поверхности городища, аналогичен керамике Кос-тобе (южное). Датировка Базарбай-тобе укладывается в период I—II—VIII вв.

Несколько памятников типа «тобе с площадкой» отмечено на северной окраине с. Шаульдер и севернее станции Тимур. Крупнейший из них — *Шоль-тобе*.

Шоль-тобе представляет собой бугор в виде вытянутого в плане овала, ориентированного длинной стороной по линии ЮЗ—СВ. Площадь бугра в основании 120×70 м, площадки наверху 70×30 м, высота 5,5 м. То-бе окружает площадка, основная территория ее находится северо-восточнее бугра.

Керамику *Шоль-тобе* составили хумы с подпрямоугольными венчиками и вмятинами на них, горшки с двумя ручками, кувшины с желобчатыми ручками и валиком.

Посуда идентична керамике Кос-тобе (южное). Вероятнее всего, *Шоль-тобе* и Кос-тобе (южное) синхронны.

Ак-тобе Тимурское. В топографии тобе различается главный бугор высотой 3,5 м, прямоугольный в плане, размером 50×30 м и площадка, прилегающая к бугру с северо-западной стороны. Лепная керамика характерна для верхнего слоя Кос-тобе (южное) и Пшук-Мардана. Думается, что памятник существовал в IV—VIII вв.

Кши-тобе состоит из прямоугольного в плане бугра высотой 3 м, размером 40×40 м и площадки, расположенной с юго-восточной стороны. Она вытянута в длину на 60 м. В наборе керамики встречены обломки краснолощенных кружек, идентичных кос-тобинским, хумы с подпрямоугольным венчиком, кувшины с желобчатыми ручками. Датировается Кши-тобе IV—VIII вв.

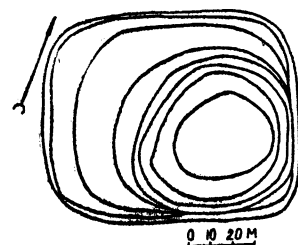

Рис. 113. Городище Тоз-тобе. План.

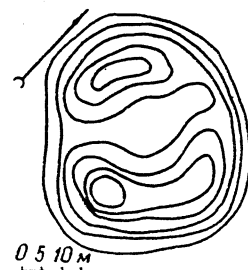

Рис. 114. Городище Бесинши-тобе. План.

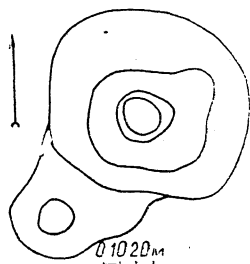

Рис. 115. Городище Ак-тобе Куюкское II. План.

Еще одна группа раннеземледельческих памятников расположена на территории к северу от городища Куюк-Мардан до станции От-Рабат.

Ак-тобе Куюкское II. Это бугор, овальный в плане, высотой 4 м. Его наиболее высокая часть имеет вид холма диаметром 30 м. Остальная часть более низкая. Диаметр всего бугра равен 120 м. С юго-западной стороны к бугру примыкает площадка высотой до 2 м (рис. 115).

На поверхности Ак-тобе собраны обломки днищ хумов с отпечатками ткани, двуручных горшков, кувшины с желобчатыми ручками. Венчики хумов и горшков характерны для нижнего слоя Кос-тобе (южное). Кроме керамики найдены две ладьевидные зернотерки и каменные ядра. Предварительно памятник датируется I—IV вв.

Городище Ак-тобе Куюкское III является остатками раннесредневекового города с цитаделью, шахристаном и рабадом. Цитадель — это круглый бугор диаметром 50 м. Стенки ее крутые, диаметр площадки наверху 35 м. Она находится в западной части шахристана, который имеет вид овального бугра, более низкого по сравнению с остатками цитадели. Если высота цитадели 5 м, то шахристана — 3—3,5 м.

Въезд на территорию городища прослеживается в южной части. К востоку от шахристана расположен рабад в виде круглой площадки, возвышающейся на 1,5 м. Диаметр бугра равен 120 м. Городище было окружено ровом. От него сохранилась ложбина шириной 10—15 м. Подъемный материал Актобе III идентичен материалу Пшук-Мардана, Ахай-тобе и Кос-тобе (южное). Хумы с теми же формами венчиков, кувшины с рельефным горлом, горшки с волнистым орнаментом, кувшины с желобчатыми ручками, краснолощенные кружки и т. д. (рис. 116). Это позволяет датировать городище I—II—VII—VIII вв.

Раннеземледельческие памятники, расположенные севернее и северо-западнее, представлены тобе с площадью до 1 га и городищем Маслахат-тобе.

Городище Маслахат-тобе. Это трапециевидный бугор с крутыми стенками и площадкой наверху. Высота бугра 4,5 м. Размер по основанию 130 × 80 м, размер площадки 100 × 60 м. Длинной стороной бугор вытянут по линии СЗ—ЮВ. Юго-восточнее размещен рабад в виде подковообразной площадки шириной 100 м и длиной 200 м (рис. 117). Керамика городища аналогична керамике Кос-тобе (южное), Пшук-Мардана. Городище датируется I—II—VII—VIII вв.

Шошак-тобе — в плане круглый бугор диаметром 80 м. С южной стороны к нему примыкает площадка шириной 15—20 м, охватывающая его подковой. Керамика Шошак-тобе аналогична керамике верхнего слоя Кос-тобе (южное). Датировка городища укладывается в период IV—VIII вв.⁶²

⁶² Л. М. Левина датирует Шошак-тобе VI — началом VIII в. См.: Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. Автореферат канд. дисс. М., 1967, стр. 16.

Кок-тобе Отрабатское I — это бугор высотой 3 м и диаметром 60 м. Его окружает площадка. Ее наибольшая ширина в южной части равна 40 м. Керамика (рис. 118) аналогична керамике верхнего слоя *Кос-тобе* (южное).

Кок-тобе Отрабатское II представляет собой овальный в плане бугор, вытянутый по линии С—Ю на 40 м. Керамика невыразительная.

Следующую, впервые обследованную группу памятников образуют памятники, датируемые временем позднее VIII в:

Жаман-тобе — в плане овальный бугор высотой 5 м, диаметром 60 м, с плоской вершиной. Вокруг него площадка, также круглая, высотой 2,5 м и диаметром 160 м (рис. 119).

На поверхности городища собрана керамика. Наиболее характерным типом ее являются хумы с длинными венчиками и вмятинами на них (рис. 120). Хумы с венчиками аналогичной формы обычны для Отрара VIII—X вв., где они встречаются вместе с керамикой, украшенной резным орнаментом.

Безымянное тепе расположено в 0,5 км западнее с. Когам. Это бугор диаметром 50 м с примыкающей к нему площадкой, окруженной со всех сторон оплывшим валом. Часть территории городища запахана. На нем найдено несколько фрагментов поливной керамики. Полива прозрачная, положенная на черепок с белым ангобом. Такая керамика характерна для Отрара X—XII вв.

Городище Ак-тобе Куюкское I состоит из цитадели, шахристана и рабада. Цитадель находится в центре шахристана. Это бугор подквадратных очертаний, высотой 5,5 м. В основании имеет размер 80×30 м. Шахристан в виде более низкого круглого бугра (диаметр около 200 м) обнесен по краю стенами. Внутри его ведут два въезда, с западной и северной сторон. Рабад примыкает к шахристану с юга и имеет вид плоских холмов различной высоты и площади, сконцентрированных у высохшего русла древнего канала, подводившего к городищу воду.

Собранная керамика многочисленна и довольно разнообразна по типу. К неполивной керамике отнесены кухонные горшки, хумы и хумчи, водоносные кувшины, крышки, дастарханы и очажки.

Горшки изготовлены из рыхлого с примесью шамота теста. Венчик прямой либо утолщенный путем заворачивания края горла до соединения с внешней стенкой. По венчику проходит ряд косых вдавлений (рис. 121, 14).

У горшков две петлевидные ручки, соединяющие плечики и горло чуть ниже венчика.

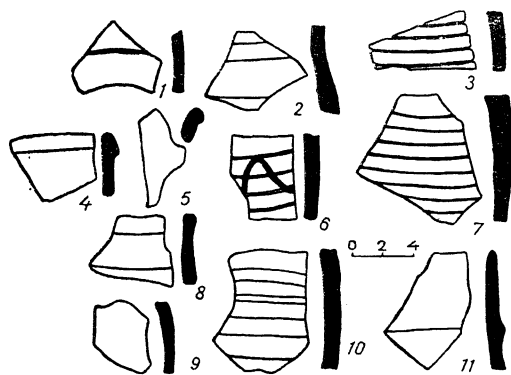

Рис. 116. Керамика городища Ак-тобе Куюкского III.

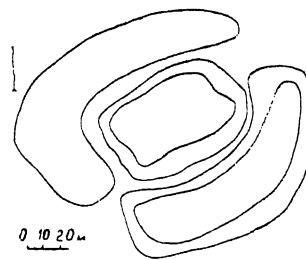

Рис. 117. Городище Маслахат-тобе. План.

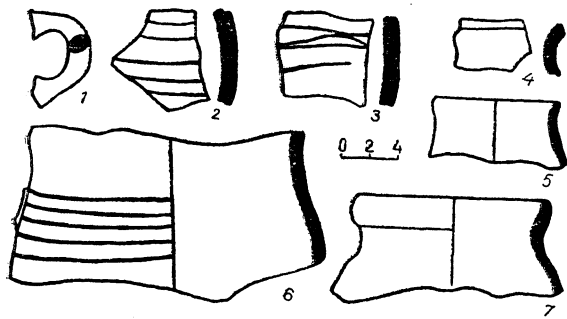

Рис. 118. Керамика городища
Кок-тобе Отрабатского 1.

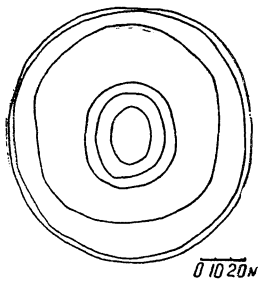

Рис. 119. Городище
Жаман-тобе. План.

Хумы — наиболее многочисленная группа сосудов. Их несколько типов, они различаются по форме венчика. Есть хумы с венчиком, отогнутым наружу под прямым углом, венчиком в виде запятой, венчиком, прямоугольным в сечении, с гофрированным налепом под ним. Снаружи хумы покрыты белым ангобом. Найден один обломок стенки хума с прочерченной по диагонали елочкой (рис. 121, 13, 15—17).

Водоносные кувшины представлены одним типом больших сосудов, высотой до 35 см, с широким горлом и коленчатой ручкой, овальной в сечении, с ребром-выступом посередине. Стенки кувшинов покрыты росписью коричневой краской по розовому фону. Обычно это

пояса из расположенных вертикально изогнутых линий. На ручках кувшинов имеются потеки коричневой краски.

Крышки плоские либо выпуклые, изготовлены из плотной глины и снаружи покрыты белым или розовым ангобом. Размер крышек различен. Их поверхность украшена налепными гофрированными шишечками, рядами протампованных ромбов, кружками с дырочкой в центре, полуovalами (рис. 121, 7).

Дастарханы, как и крышки, отделаны налепным, штампованным и прорезным орнаментом.

От очажков сохранились крупные обломки. У них внешние стены и площадка украшены резным, штампованным и прочерченным орнаментом (рис. 121, 8).

Поливная керамика представлена чашами, пиалами, кесе на плоском дисковидном поддоне. На ней имеется прозрачная полива, положенная поверх белого ангоба, покрывающего розовый черепок. Роспись выполнена красной, светло-коричневой и темно-коричневой красками. Как правило, это традиционная вихревая розетка.

Другую группу составляет керамика с росписью зеленой и желтой красками в сочетании с подглазурной гравировкой.

И, наконец, к третьей группе поливной керамики относятся изделия с серовато-белой шероховатой на ощупь поливой и подглазурными росписями темно-коричневой и грязно-зеленой красками. Элементы росписи — геометризованные растительные мотивы, стилизованные буквы арабского алфавита (рис. 121, 1, 5, 6, 9).

Керамика Ак-тобе I находит прямые параллели в комплексах средневековых городищ юга Казахстана, Семиречья, Средней Азии, датированных VIII—X и XI—XIII вв.

Крышки, дастарханы и очажки, украшенные резным и штампованным орнаментом, широко распространены в слоях VIII—XII вв. Отрара и городища Куйрук-тобе, Алтын-тобе и Куюк-Мардана⁶³.

Сельские усадьбы XIII—XIV вв. Они занимают территорию шириной до 0,5 км вдоль канала между Куйрук-тобе и Алтын-тобе. Усадьбы имеют стандартную планировку и состоят из бугра — остатков жилых и хозяйственных строений и примыкающего дворика. Размер бугров и двориков разный.

На поверхности бугров собрано много керамики. Поливная керамика представлена чашами типа п и а л а и к е с е на кольцевом поддоне или «переходном» поддоне с выступом в центре. Для поливной керамики этого времени характерны преобладание красно- и белоангобированной посуды, покрытой прозрачной или окрашенной в зеленый и желтый цвет глазурью, а также расписанные арочками на внешней стороне чаши. Обычно коричневые арочки встречаются в сочетании с зеленой или желтой поливой, а красная полива — с росписью в желтых и зеленых тонах. Элементы росписи: «вихревая» розетка, растительные побеги, меридиональные полосы, разнообразный геометрический орнамент (рис. 122, 1, 3, 5—11).

Незначительную группу составляет керамика с голубой поливой или серебристо-голубой, имитирующей люстровую керамику высокоразвитых в ремесленном отношении керамических центров Средней Азии и Ближнего Востока.

Поливная керамика описанного типа

⁶³ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 178—185, рис. 99—100; К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1966, стр. 26, табл. IV.

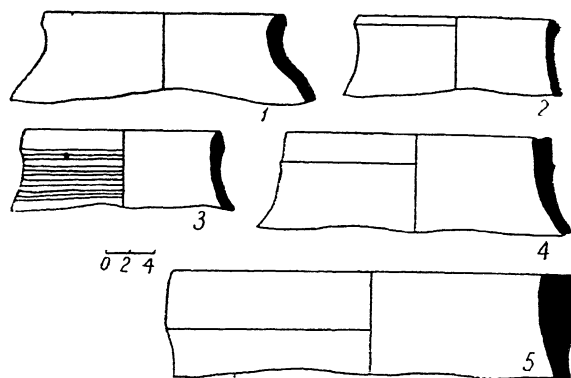

Рис. 120. Керамика городища Жаман-тобе.

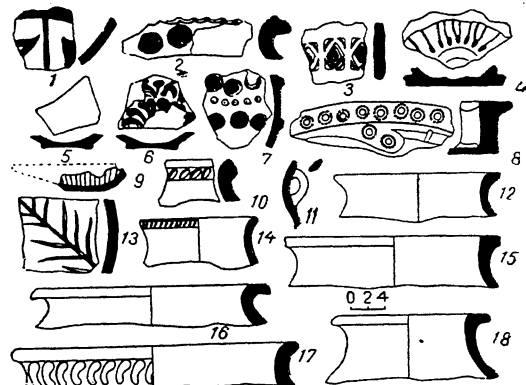

Рис. 121. Керамика городища Ак-тобе Куюкское 1.

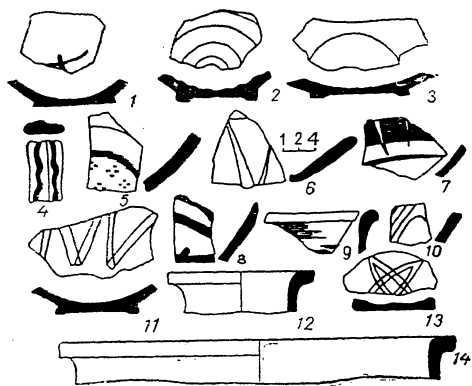

Рис. 122. Керамика суседеб.

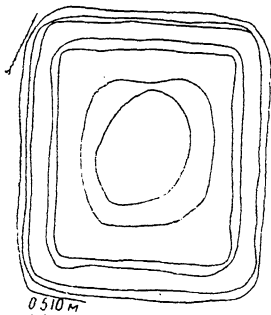

Рис. 123. Городище
Абыз-тобе. План.

характерна для Отрара XIII—XIV вв.⁶⁴, а также для городищ Южного Казахстана — Сузака, Баба-Аты, Саурана, Сыгнака⁶⁵.

Из неполивной керамики зафиксированы следующие виды: тагоры — сосуды с вертикальными стенками и отогнутым под прямым углом венчиком, кувшины с характерными коленчатыми ручками, поверхность которых украшена росписью в виде коричневых струйчатых линий (рис. 122, 4).

ПАМЯТНИКИ ЛЕВОГО БЕРЕГА СЫРДАРЬИ

Наиболее ранними памятниками левобережья Сырдарьи являются Абыз-тобе, Кара-тобе, Келин-тобе I и II, Ак-тобе у Кандоса.

Абыз-тобе находится в пойме Сырдарьи. Это прямоугольный в плане бугор, вытянутый по линии СЗ—ЮВ, размером 105×30 м и высотой 5 м. Вершина бугра плоская, подквадратная в плане. Въезд в городище расположен в южной части, где бугор несколько понижается (рис. 123). Керамика Абыз-тобе вылеплена от руки. Хумы изготовлены из теста с примесью песка. Они имеют подпрямоугольный в сечении венчик. На тулове видны следы формовки. Сверху сосуды покрыты оранжевым ангобом. На стенках процарапаны знаки. Найдены также кувшины с желобчатыми ручками. Материал, к сожалению, незначителен. Можно говорить о его некотором сходстве с керамикой Кос-тобе⁶⁶.

Келин-тобе расположен в 25 км на север от Абыз-тобе, в 6—7 км от Сырдарьи, на открытой местности, поэтому холм городища виден издали. Келин-тобе — правильный, прямоугольный в сечении бугор с плоской вершиной, ориентированный сторонами по странам света.

Размер сторон городища: западной и восточной — 100 м, северной и южной — 75 м. Абсолютная высота 10 м. Вход с восточной стороны (рис. 124).

Встречены фрагменты кухонных горшков с отогнутым наружу венчиком и насечками по его краю. Обнаружена серия венчиков хумов. Для них характерна прямоугольная в сечении форма с ложбинкой посередине. Сверху хумы покрыты ангобом, белым и темно-коричневым. На стенки некоторых из них нанесена роспись розовой и желтоватой красками. Найдены так-

⁶⁴ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Отрар по итогам работ 1969 г. «Вестник АН КазССР», 1970, № 6, стр. 62—64.

⁶⁵ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана, стр. 33—39, табл. VII.

⁶⁶ Л. М. Левина относит Абыз-тобе на основании анализа подъемного материала к первым векам нашей эры. См.: Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. М., 1971, стр. 214.

же обломки кувшинов, покрытых красным ангобом и лощением, а также фрагменты чернолощенных кувшинов (рис. 125).

Аналогичная керамика отмечена на Ботай-тобе, что позволяет предположительно отнести Келин-тобе к тому же времени.

К несколько более раннему периоду относится *Келин-тобе II*, находящееся в 3 км северо-западнее. Это овальный в плане бугор высотой 5 м. Длина его по линии З—В 60 м, по линии С—Ю 30 м. На вершине площадка размером 15×20 м. Бугор окружает также площадка.

Керамики на поверхности мало. Однако топография городища, близкая раннеземледельческим памятникам левобережья Арыси, свидетельствует о хронологической близости Келин-тобе II с ними.

Кара-тобе расположен в 6,5—7 км ниже с. Кандос, у излучины Сырдарьи, в местности, густо заросшей кустарником. Около городища находится казахское кладбище XIX—XX вв. Кара-тобе — это двухъярусный бугор трапециевидной формы, ориентированный углами по странам света. Размер сторон: северо-восточной — 60 м, северо-западной — 90 м, юго-восточной — 95 м, юго-западной — 75 м; верхнего бугра соответственно: 45, 80, 75 и 40 м. Абсолютная высота городища 8 м.

Здесь найдены хумчи, сделанные на гончарном круге, с треугольным в сечении венчиком. Сверху они покрыты светлым ангобом и потеками красной краски. Из кухонной керамики обнаружены горшки, изготовленные из рыхлого теста с примесью шамота. Интересен обломок кувшина, сделанного на круге. У него плоский сверху венчик. Утолщенная ручка соединяет шейку и плечики. Есть фрагменты водоносных кувшинов с рифлением (рис. 126). Керамика Кара-тобе находит прямые параллели в верхнем слое Кос-тобе и датируется VII—VIII вв.

Ак-тобе — в топографическом отношении тобе с площадкой. Размер тобе 10×20 м, размер площадки 49×40 м.

Следующая группа городищ левого берега относится к X—XIII вв. Она представлена городищами четырехугольной в плане формы. Такие городища зафиксированы и на правобережье Сырдарьи. Как отмечалось, по топографии они напоминают города Илийской долины, Иссык-Кульской котловины и Тянь-Шаня, в которых преобладали кочевнические традиции⁶⁷.

⁶⁷ К. М. Байпаков. Раннесредневековые города и поселения Семиречья. «Известия АН КазССР, серия обществ.», 1966, № 2, стр. 77, 80, 84; К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана, стр. 19—20, рис. 8.

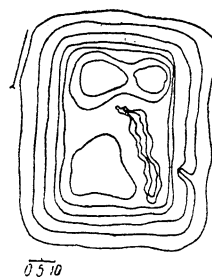

Рис. 124. Городище Келин-тобе. План.

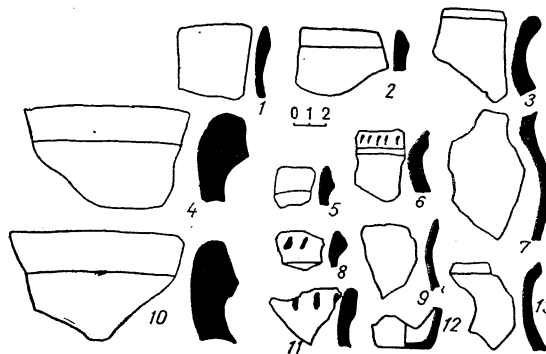

Рис. 125. Керамика городища Келин-тобе.

Рис. 126. Керамика городища Кара-тобе.

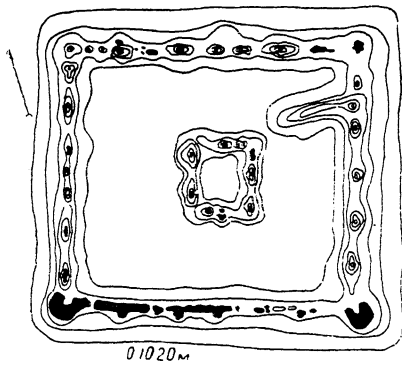

Рис. 127. Городище Кумиян. План.

большим стенам, сохранились валы высотой до 1,2 м. На валах в двух местах имеются возвышения до 1,7 м. Площадь цитадели и всей крепости свободна от остатков сколько-нибудь значительных построек, но, судя по сильно оплывшим возвышениям, около крепостных стен и в северо-западном углу цитадели небольшие строения все же были и, по-видимому, в значительном количестве (рис. 127).

Из неполивной керамики здесь собраны кухонные горшки с налепными манжетами под венчиком, водоносные кувшины с коленчатыми ручками. На некоторых из них есть роспись красной, черной красками (рис. 128).

Посуда городища хорошо датируется фрагментами поливной керамики — обломками чаш. У них дисковидный поддон. Полива в большинстве

Кумиян находится в 30 км на ЗЮЗ от Келин-тобе, в 3—4 км от левого берега сухого русла Сырдарьи, вплотную к городищу подступают барханы Кзылкумов. Кумиян — это развалины крепости типа «торткуль» прямоугольной формы, со стенами, обращенными на СВ и ЮЗ. Площадь городища 210×180 м, высота остатков крепостных стен около 5—6 м. Стены разрушились и с трех сторон (северо-западной, северо-восточной и юго-восточной) ныне имеют вид высоких (2,5 м) валов, на которых хорошо видны последовательно расположенные бугорки — остатки башен. На каждой из сторон было по пять башен и по одной — на углах крепости. Вход в городище более или менее четко выражен в юго-восточной стене, около северо-восточной башни. Такое несколько необычное расположение входа вызвано тем, что угловая башня выполняла дополнительную функцию — защиту городских ворот. Местами сохранились небольшие участки крепостных стен, особенно в хорошем состоянии юго-западная стена, а также северо-западная и юго-западная угловые башни. Зафиксированная высота стен 5—5,5 м, толщина 3—3,5 м. Башни расположены по всей длине стен через 35 м, по-видимому, они служили и контрфорсами. Все угловые и пристенные башни квадратной формы. На стенах с внутренней стороны хорошо просматриваются остатки стрелковой галереи в виде площадки шириной 1,5 м и протяженностью в длину стены. Снаружи вдоль стен городища проходит ров шириной 8 м, глубиной 1,5—2 м.

Внутри стен в средней части города отмечены остатки цитадели в виде квадратного «торткуля» размером 45×45 м. От стен цитадели, расположенных параллельно

своем прозрачная, нанесенная поверх белого ангоба. Росписи в виде потеков и пятен зеленого и коричнево-го цвета.

Другую группу составляет керамика, покрытая серовато-белой шероховатой на ощупь поливой в сочетании с росписью растительно-геометрического характера. Краски росписи — коричневая, желтая, зеленая. Этого рода керамика на Отраре связана с 11 полом и датируется концом XII — началом XIII в.

Городище Каршыгальк представляет собой прямоугольный в плане участок, окруженный валом высотой 2 м, ориентированный углами по сторонам света. Размер сторон 120 и 130 м. На углах городища имеются круглые башни, еще по три на трех сторонах, кроме северо-западной, на ней две башни. Вход в виде проема шириной 8—10 м расположен у северного угла. Вокруг стены ров шириной 10 м и глубиной 0,5 м. Поверхность городища ровная, несколько снижена к середине и приподнята к стенам. У середины северо-восточной стены внутри находится плоский, сверху овальный бугор длиной 40 м. В 80 м от юго-западной стены и в 100 м от северо-западной проходит еще один вал, окружающий территорию, занятую остатками бывлой застройки. На валу через каждые 50 м устроены башни (рис. 129).

Здесь обнаружены целые кухонные горшки и фрагменты кувшинов, дастарханов, тагоры. Кухонный горшок, изготовленный на гончарном круге, имеет широкое горло диаметром 30 см и слегка отогнутый наружу венчик. Горло вертикальное, в месте перехода горла в округлое тулово сделан уступчик. Под венчиком снаружи был наклепной манжет с вертикальными вмятинами. Судя по многочисленным фрагментам горшков, все они стандартные и отличаются лишь размером.

Кувшины также сделаны на круге из плотного теста, принявшего при обжиге розоватый цвет. Водоносные кувшины, как всегда, высокогорлые сосуды с раздутым туловом и коленчатой, овальной в сечении ручкой. Интересен фрагмент ручки кувшина, на нижней части которой прочерчен крестовидный знак.

Дастарханы, среди которых есть один почти целый экземпляр, — это диски, опирающиеся на поддон-чашу. Дастарханы украшены резным, штампованным и наклепным орнаментом. Один из них имел диаметр 55 см. Он изготовлен на круге из теста с примесью шамота. Его поверхность отделана наклепным и штампованным орнаментом. В центре чаши был наклеп, изображающий бутон восьмилепесткового цветка. Внутри на стенках чаши

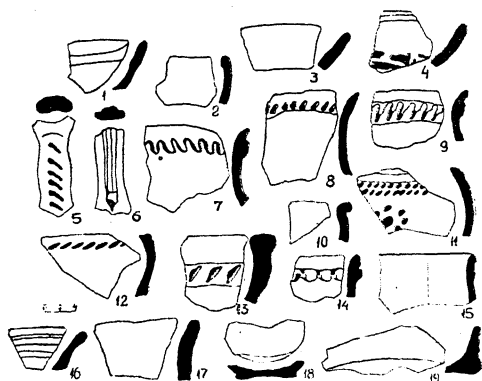

Рис. 128. Керамика городища Кумиян.

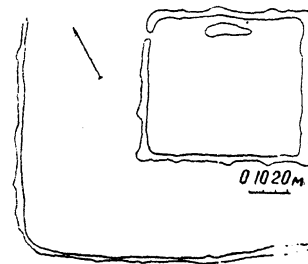

Рис. 129. Городище Каршыгальк. План.

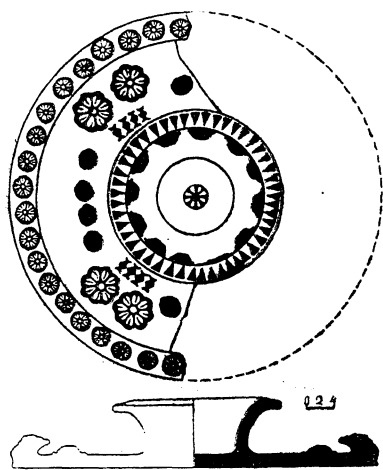

Рис. 130. Дастархан с городища Каршыгалык.

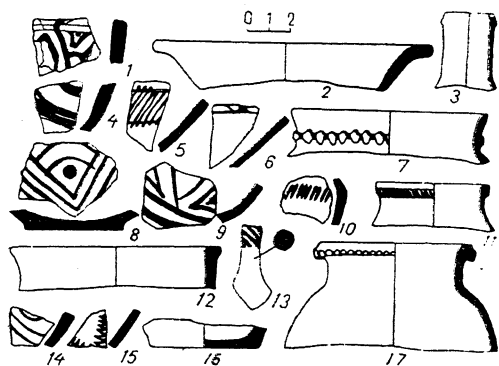

Рис. 131. Керамика с Торткуль Кандоса.

у края проходит фриз из налепов четырехдольных реберчатых шишечек. На плоскости венчика поддона-чаши нанесен ряд клиновидных треугольных вдавлений со спиральным орнаментом внутри. На диске отмечено четыре группы сочетаний из двух налипных восьмилепестковых цветов и штампованных ромбовидных фигур. Их разъединяет четыре реберчатых шишечки. И, наконец, по бордюру наклеены более мелкие, чем на самом диске, восьмилепестковые цветы (рис. 130).

От чаш-тагар сохранились венчики, отогнутые по отношению к стенкам под тупым или прямым углом. Обычно на их внутреннюю плоскость наносилась волнистая линия.

Имеются фрагменты чаш, покрытых прозрачной поливой, положенной поверх белого ангоба. Характерен обломок венчика чирага с зеленой поливой.

Аналогии керамики Каршигалыка четко датируют комплекс X—XII вв. Дастарханы такого же типа есть в Отраре в слоях X—XII вв.

Торткуль Кандос. Городище представляет собой в плане квадрат, окруженный стеной с башнями по углам. Его размер 30×30 м. Углами четырехугольник ориентирован по странам света. Въезд находится в западной стене. Вокруг вала снаружи отчетливо прослеживается ров шириной 7 м и глубиной 1 м.

С восточной и западной сторон центрального окруженного стеной участка расположены участки со следами прежней застройки. Они имеют подпрямоугольную в плане форму (120×100 м) и окружены рвом, который соединялся протоками со рвом, проходившим вдоль стен центральных развалин. На городище собрана керамика. Основные ее типы аналогичны описанным с Кумияна и Каршигалыка. Те же кухонные горшки с налипным манжетом, кувшины с потеками красной и черной краски, хумы. Поливную керамику можно разделить на группы.

Глазурь у посуды первой группы прозрачная, блестящая, положена поверх белого ангоба, а у второй — серая, шероховатая. Роспись выполнена коричневой, зеленой, красной и желтой красками (рис. 131). Такого рода керамика характерна для городищ юга Казахстана XII — начала XIII в.

Следующим по времени памятником, судя по основной массе подъемного материала, является городище Мейрам-тобе.

Мейрам-тобе — это комплекс различных военно-оборонительных и оросительных сооружений, занимающих площадь 6 кв. км. Среди них цен-

тральными являются квадратной формы развалины типа «торг-куля», ориентированные углами по странам света (рис. 132). Крепостные стены сохранились в виде сильно оплывших валов высотой до 1 м, лишь на юго-западной стороне имеются участки стены до 2 м. Остатки оборонительных башен прослеживаются плохо. Более или менее четко видны угловые восточная, западная и северная. Первая, судя по размеру (40×40 м) и высоте (7 м), была дожоном (жилой башней) или наблюдательной сторожевой башней. Последнее наиболее правдоподобно, если учесть, какую значительную территорию занимает средневековый город. Городище имеет два входа: один — в северо-восточной, другой — в юго-западной стене. Между валами очень много сглаженных возвышений — остатков невысоких наземных сырцовых строений, по-видимому, жилого и хозяйственного назначения.

Центральные развалины занимают площадь 200×210 м. Вокруг них на расстоянии 200 и 400 м проходят параллельные валы, как бы оконтуривающие глубокий ров, заключенный между ними.

На местности ров и валы образуют незамкнутый овал, вытянутый с востока на запад. Разрыв валов и рва с восточной стороны овального сооружения показывает, что здесь был вход. Ширина рва 6 м, глубина от уровня дневной поверхности 1 м, высота валов 1,5 м. Таким образом, глубина рва от высшей точки валов 2,5 м. На всей площади внутри овального сооружения имеются невысокие оплывшие бугорки и возвышения — развалины зданий. Размер сооружений: с востока на запад 750 м, с севера на юг 600 м.

Следующий ряд валов и ров отстоит от описанного на 400—500 м. В плане это сооружение овально-подпрямоугольной формы, вытянутой также с востока на запад. С западной стороны ров и валы вплотную подходят к внутреннему сооружению и соединяются с ним. Приблизительный размер его 3×2 м.

Окрестности Мейрам-тобе густо изрезаны сухими руслами больших и малых каналов и арыков. Местами хорошо сохранились остатки орошаемых участков, встречается большое количество крупных ирригационных сооружений, водораспределительных устройств с двумя—четырьмя направляющими шлюзами. Высота отвала на месте таких водораспределителей — от 1,5 до 4 м. Ирригационные сооружения и оросительная сеть вокруг Мейрам-тобе охватывают большую площадь.

В подъемном материале городища имеются образцы керамики, которые датируются первой половиной I тысячелетия нашей эры. Это ручка от кружки в виде стилизованной фигурки зверя. Его морда выполнена резьбой.

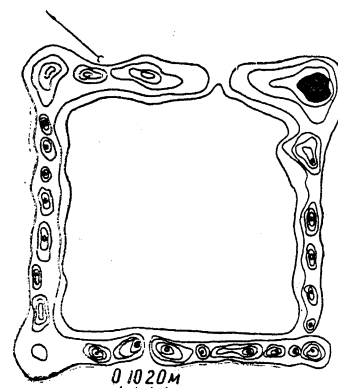

Рис. 132. Городище Мейрам-тобе, центральная часть. План.

Рис. 133. Керамика VIII—XII вв. городища Мейрам-тобе.

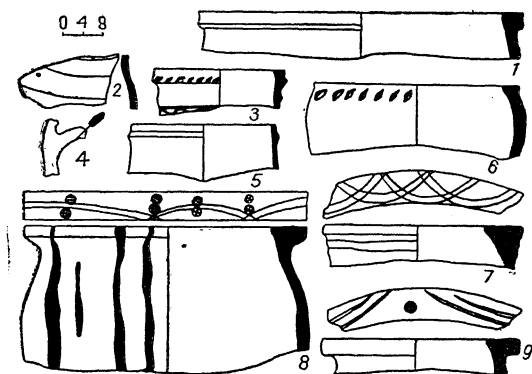

Рис. 134. Хумы X—XII вв. городища Мейрам-тобе.

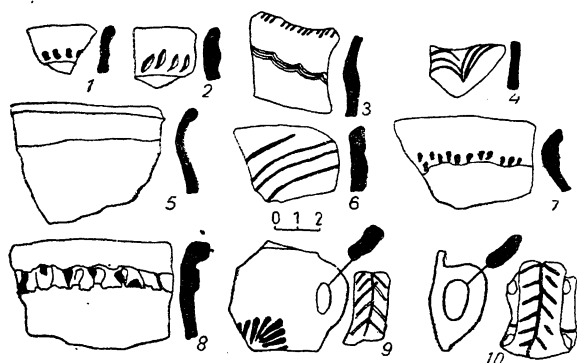

Рис. 135. Кухонная керамика XI—XII вв. Мейрам-тобе.

полукружиями в сочетании со штампованным орнаментом в виде «решетки в круге» (рис. 134).

Кухонная керамика представлена сероглиняными горшками с манжетовидным налепом под горлом и группой сосудов с вертикальными ручками, украшенными елочным орнаментом в сочетании с налепными шпечками в местах прикрепления ручек к тулову (рис. 135). Такая посуда

Кружка сделана из теста с примесью песка и покрыта снаружи темно-коричневым ангобом.

Аналогии зооморфным ручкам дают керамические комплексы Джеты-Асаров, где имеется целая серия ручек, стилизованных под изображение животных⁶⁸. Такие же кружки с зооморфными ручками отмечены в керамике «болотных городищ»⁶⁹.

К VIII—X вв. следует отнести группу крышек с резным и прочерченным орнаментом. Крышки сферические, грубой лепки. Орнамент состоит из полукружий, треугольников, прямых линий (рис. 133, 4). Две трети всей поливной керамики приходится на посуду, датируемую XI—началом XIII в., это фрагменты чаш различного размера, на дисковидном поддоне. Полива прозрачная, положенная поверх белого ангоба. Росписи выполнялись красной, коричневой, зеленой и желтой красками. Для указанного времени характерным орнаментом является вихревая розетка. Встречается также керамика, на которой роспись сочетается с гравировкой. Окрашенные поливы — зеленая и коричневая. Они, как правило, присутствуют вместе с выгравированным орнаментом.

Выявлена и неполивная керамика этого времени — дасарханы с богатым налепным и штампованным орнаментом, обломки узкогорлых водоносных кувшинов, расписанных минеральными красками, фрагменты хумов с широким, отогнутым наружу венчиком. Площадка венчика у хумов украшена волнистыми линиями,

⁶⁸ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыасарской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, рис. 17, 31—33.

⁶⁹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, рис. 116, 2.

обнаружена в большом количестве на городище Бестам, на южных склонах Каратау⁷⁰.

Группа керамики XIII—XIV вв. аналогична керамике из раскопок Отрара. Она покрыта цветными — зеленой или желтой глазурями, положенными поверх красного ангоба. Снаружи сосуды украшены расписным арочным орнаментом. Встречены чаши с зеленой поливой и подглазурной гравировкой.

Найдены также обломки кувшинов с росписью. Один из фрагментов отделан коричневой краской по белому ангобу, другой — с очень интересной росписью «в резерве». Его поверхность покрыта темно-коричневым ангобом, на фоне которого выскоблены пояски из непрерывных завитков.

Городищам левобережья, жизнь которых продолжалась вплоть до XVII—XVIII вв., присуща своеобразная топография. Они круглые в плане. Классическим примером памятников, топография которых складывалась в XV—XVI вв., является городище Котан.

Городище Котан — это идеально круглый в плане участок, окруженный оплывшей глинобитной стеной высотой 2—2,5 м. Диаметр городища 350 м. Оно имело два входа, которые находились в южной и северной сторонах, т. е. напротив друг друга. Центральная улица делит городище на две части. Внутри него много бугров — остатки прежних конструкций (рис. 136). Интересно, что памятник существовал недолго, так как мощность культурного слоя незначительна — 0,5 м. Датируется он на основании подъемного материала XV—XVI вв.

Вторым городищем, имеющим такую же почти круглую форму, следует назвать Бузук правобережный, описанный в специальной литературе⁷¹.

Городище Кыр-Узгент представляет собой многогранный в плане бугор, обнесенный стеной с круглыми башнями. Его наибольшая протяженность с севера на юг 250—300 м. Стена, окружающая городище, состоит из сомкнутых под тупым углом отрезков длиной 50—70 м. Места стыков стен, как правило, усилены башнями, их 15. Наиболее мощные башни устроены на восточном, западном и южном углах.

Толщина оплывшей стены 10—15 м, башни выступают наружу еще на 10 м. Они возвышаются на 0,5—1 м над общим уровнем стены. За стеной сохранились следы от рва в виде ложбины шириной 10 м и глубиной 2 м. Въезд на территорию городища сделан в восточной части. Его ширина 8—10 м. Центральная улица, которая начинается у входа, пересекает городище и доходит до водохранилища-хаза, расположенного в западном углу Узгента. Остатки кварталов и больших общественных сооружений группируются вдоль улицы и по периметру стен. Сейчас это плоские бугры различной

⁷⁰ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана, стр. 19, табл. II.

⁷¹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 126—127, рис. 66.

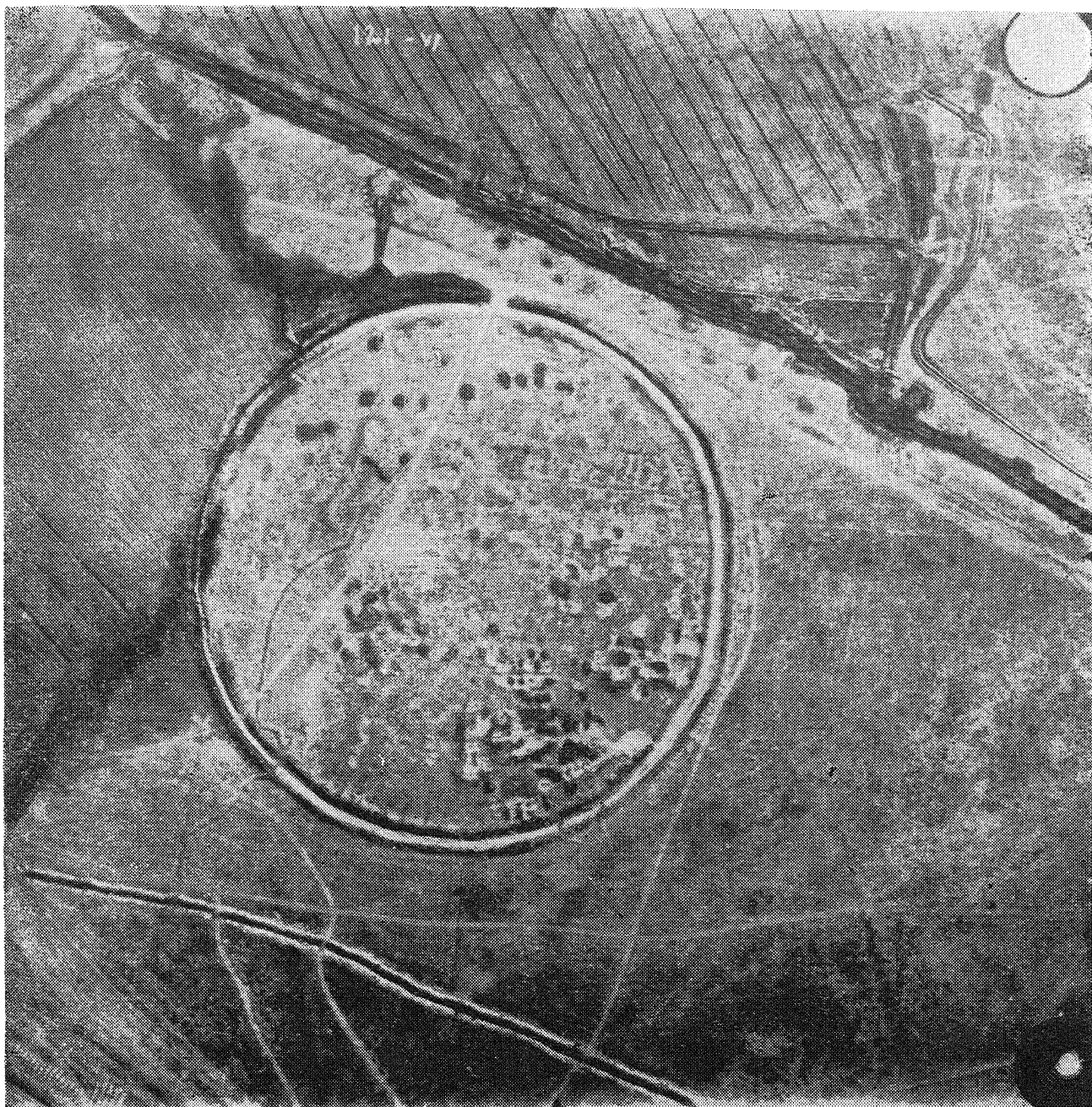

Рис. 136. Городище Котан (аэрофото с высоты 800 м).

конфигурации и размера. Впадины между ними — следы прошлой уличной системы.

Южная часть городища занята современным кладбищем. Вокруг центрального бугра Узгента насчитывается много бугров — остатки прежних застроек. Можно различить участки садов, следы ирригационной системы и водоемов, кладбищ, на одном из которых стоит полуразрушенный мавзолей Узген-Ата. Городище вытянуто в южном направлении. Здесь граница города отстоит на 500—700 м от южной стены центрального бугра, тогда как в западном направлении лишь на 250—300 м от центральных развалин (рис. 137).

Поверхность городища покрыта пухлой солончаковой коркой. Сверху в большом количестве встречаются фрагменты стеклянных изделий, бронзовые монеты, бусы, поделки, керамика (рис. 135, 136).

Аккорган расположен в 4 км на запад от левого берега Сырдарьи, в 8 км на север от Мейрам-тобе. Это большой двухъярусный бугор неправильной трапециевидной формы, ориентированный сторонами по странам света. К его северо-восточному углу примыкает овальный бугор, по-видимому, цитадель. Он вытянут с СВ на ЮЗ на 150 м, его ширина 110 м, высота над уровнем нижнего бугра 6 м. Сильно оплывший вал с сохранившимися кое-где остатками башен указывает, что цитадель укреплена крепостной стеной. Вход в нее был с юго-западной стороны, с западной оказался глубокий ров. Нижний бугор, по-видимому, развалины шахристана. Размер его сторон: восточной 210 м, западной 240 м, северной 240 м и южной 230 м. Вокруг шахристана проходит ров шириной 6—8 м, глубиной 2,5—3 м. Грунт городища рыхлый, насыщен органическими остатками, повсюду видны следы пожара. Часть шахристана используется как мусульманское кладбище.

Городище Кауган-Ата⁷² представляет собой округлый в плане плоский бугор высотой 8—10 м. Диаметр «центрального бугра» равен 160—170 м. По периметру городище окружено стеной, закругленной на юге и состоящей на севере из сомкнутых под тупым углом отрезков. В местах соединения располагались башни, превратившиеся в холмики, которые сейчас несколько выше уровня стены. Вокруг стены имеется ров шириной 10 м и глубиной до 2 м. Въезд на территорию городища был с юга. Его ширина 10 м. Улица, начинающаяся от въезда, делит городище на две почти равные части. В центре от главной улицы на запад отходит еще одна улица. В месте пересечения ее с главной улицей, видимо, находилась рыночная площадь, от которой сохранился круглый в плане плоский участок диаметром до 25 м. Внутри городища имеются бугры — остатки жилых кварталов. К централь-

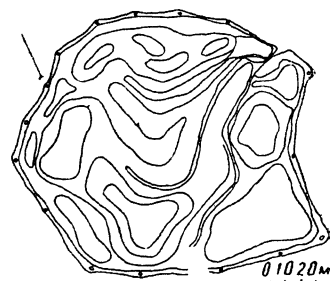

Рис. 137. Городище Кыр-Узгент. План.

⁷² Глазомерный план и описание городища Кауган-Ата, приведенные в работах А. Н. Бернштама («Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана». «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1949, вып. 2, рис. 13), Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевича («Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана», стр. 125—126, рис. 64), не соответствуют действительности.

Рис. 138. Поливная керамика городища Кыр-Узгента.

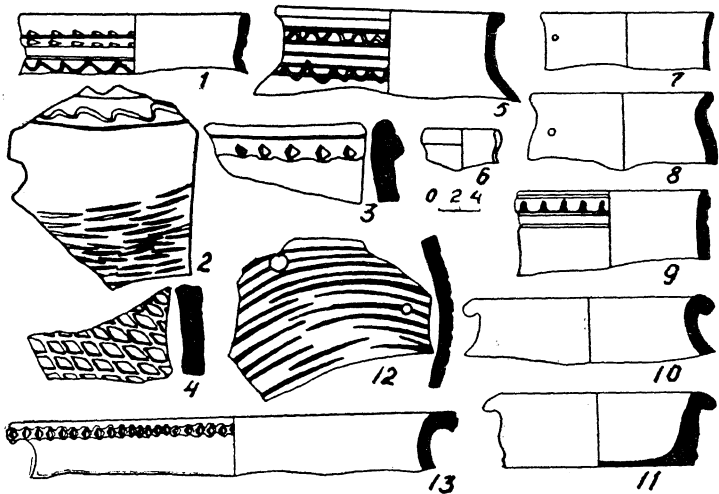

Рис. 139. Неполивная керамика городищ Кыр-Узгента и Бузука.

ному бугру подковой примыкает неукрепленный пригород. Его ширина, считая от рва городища, 50 м (рис. 140).

Керамика XVII — XVIII вв. состоит из неполивных и поливных изделий. Это хумы с насечками на тулове, горшкообразные сосуды, кувшины, сосуды с носиком.

К поливной керамике следует отнести неглубокие чаши на массивном кольцевом поддоне и толстостенные подносы. Полива бесцветная. Элементы орнамента несложные — спирали, ряды завитков, круглый тамгообразный знак с лучами «басма».

Для этого времени характерна посуда с голубой или бирюзового цвета поливой.

Посуда XVII—XVIII вв. изготовлена небрежно, огрублена фактура черепка, мутны тона росписи. Керамика Узгента, Кауган-Аты и Аккоргана этого периода такая же, как и в верхних слоях Отрара⁷³ и других городищ юга Казахстана⁷⁴.

⁷³ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Отрар по итогам работ 1969 г. «Вестник АН КазССР», 1970, № 6, стр. 61.

⁷⁴ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1966, стр. 41—42, табл. X.

Поливная керамика XVII—XVIII вв. представлена серией обломков чаш, пиаля, блюда, тагор (рис. 138, 141).

Глазури бесцветные и окрашенные в голубой, кремовый, зеленый цвета. Росписи нанесены голубой, темно-синей, черной, зеленой красками.

Керамика этого времени тождественна Отрарской⁷⁵. Аналогии ей дают коллекции Самарканда⁷⁶, Ташкента⁷⁷, Ферганы⁷⁸.

На Узгенте найдено несколько фрагментов поливной керамики XIII—XIV вв. Полива положена поверх красновато-коричневого ангоба, а роспись выполнена темно-зеленой краской. Характерным элементом керамики является роспись арочками по внешней поверхности сосудов. Посуда левобережных городищ также подобна Отрарской, но там она более разнообразна⁷⁹.

Неполивная керамика монгольского и послемонгольского времени трудно различима в общей массе, хотя, видимо, изделия с росписью минеральной краской доживают до XIII—XIV вв. тогда как для XV—XVI вв. они не характерны.

На Узгенте также собрана коллекция поливной керамики X—XII вв., среди которой выделяются чаши, покрытые поверх белого ангоба прозрачной глазурью. Роспись выполнена коричневыми, красными и зелеными красками. Элементы ее — вихревая розетка, растительные и геометрические мотивы. Встречается керамика, где роспись сочетается с подглазурной гравировкой. Эти же виды керамики были на Отраре⁸⁰.

ПАМЯТНИКИ НИЗОВЬЕВ БУГУНИ

Группа из трех памятников расположена в низовьях Бугуни, вблизи села Ак-тобе, в 20 км северо-восточнее Отрар-тобе.

Ак-тобе. Это овальный в плане бугор, длиной 70 м и высотой 8 м. К

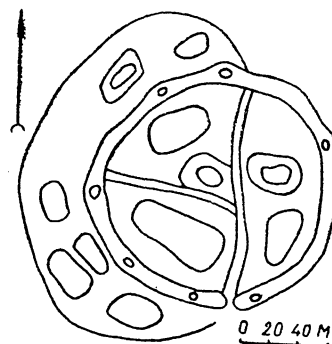

Рис. 140. Городище Кауган-Ата. План.

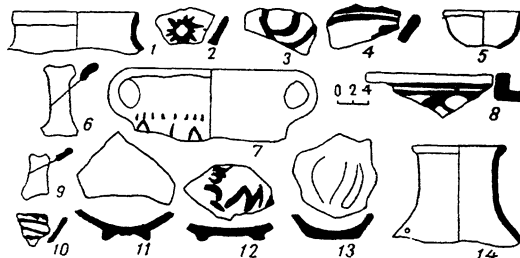

Рис. 141. Керамика левобережных городищ XVII—XVIII вв.

⁷⁵ Там же, стр. 61—62, рис. 2.

⁷⁶ Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV в. Труды САГУ, вып. XI, 1950, стр. 91—120.

⁷⁷ Д. Вархотова. Художественная керамика XV—начала XVI века из Ташкента. «Общественные науки в Узбекистане», вып. 8—9, 1969, стр. 86—89.

⁷⁸ И. Ахраров. Новые археологические материалы с городища Ахсикет XIV—XVI вв. «Общественные науки в Узбекистане», вып. 8—9, 1969, стр. 79—81.

⁷⁹ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Отрар по итогам работ 1969 г., стр. 79—81.

⁸⁰ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана, стр. 28, табл. V.

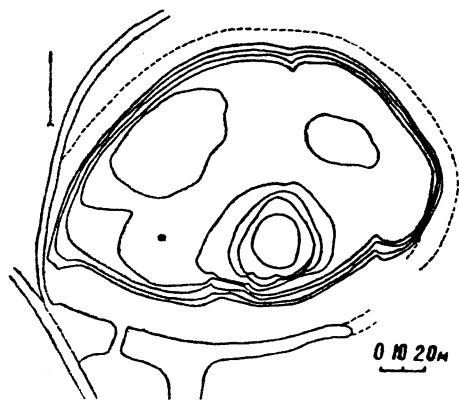

Рис. 142. Городище Бузук. План.

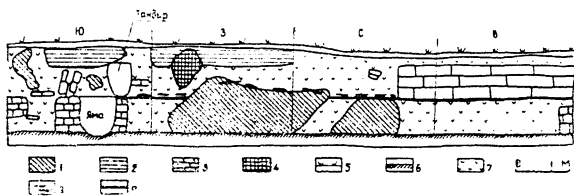

Рис. 143. Городище Бузук. Развертка шурфа: 1 — рыхлый лёсс; 2 — лёсс с вкраплениями золы; 3 — остатки стен; 4 — плотный завал; 5 — дерновый слой; 6 — материк; 7 — строительный мусор; 8 — угольно-золистые слои; 9 — уровень пола.

15 м. Второй въезд устроен на юго-восточном склоне бугра. Оба въезда соединяет сквозная улица, прослеживаемая на аэрофотоснимках. По периметру шахристан окружен стеной. Остатки стены, а также башен на ней в виде вала с ритмическим повторением всхолмлений заметны и сейчас. Вокруг стены снаружи проходит ров. Ширина его в северной части 12 м, в юго-восточной 10 м, глубина 1—1,5 м.

Центральный бугор окружает неукрепленный рабад. Это группа плоских бугров различной конфигурации и размера. Наибольшее их количество сосредоточено к югу от центрального бугра. Они располагаются вдоль русла высохшего канала.

Постройки рабада, судя по характеру бугров, были прямоугольными в плане жилыми массивами, разделенными сетью улиц и переулков.

Размер таких строений — 37×65 м, 60×90 м, 50×70 м. К юго-востоку от центрального бугра имеется водохранилище, ложе которого отчетливо видно на местности. Диаметр его около 100 м (рис. 142).

нему примыкает площадка также овальной формы, вытянутая с севера на юг. Длина ее 160 м, ширина 120 м.

Здесь собрана коллекция подъемной керамики, предварительно датированная первой половиной I тысячелетия нашей эры⁸¹.

Киш-тобе представляет собой округлый в плане бугор диаметром 45 м и высотой 5—6 м. Керамика, собранная на его поверхности, аналогична керамике верхнего слоя Кос-тобе (южное).

Городище Бузук-тобе является развалинами крупного средневекового города. Центральные развалины имеют вид бугра, овального в плане. Протяженность его по основанию с востока на запад 300 м, с юга на север 190 м. Бугор цитадели находился в южной части развалин. Его диаметр равен 90 м, диаметр площадки наверху 35 м. Высота бугра цитадели 13 м, общая высота шахристана лишь 7—8 м.

На плоской поверхности шахристана выделяются два бугра. Первый из них, прямоугольный в плане (размер 90×50 м и высота 9 м), находится в западной части, второй, овальный в плане (длина 60 м, ширина 40 м), — в северо-восточной части.

В топографии городища прослеживается два въезда. Центральный расположен в юго-западной части. Это ложбина шириной 10—

⁸¹ Там же, стр. 20, рис. 10.

Шурф (размер 4×4 м), ориентированный сторонами по странам света, был заложен на шахристане в 35 м к западу от подошвы цитадели, на склоне небольшого возвышения. Он доведен до глубины 2,5 м (рис. 143). В результате раскопок удалось выявить остатки конструкций, относящихся к трем одновременным полам. На первом сверху на глубине 0,6 м выявлены остатки различных строений из сырцового и жженого кирпича.

В юго-западной части раскопа сохранились остатки очага подпрямоугольной формы с закругленными углами. Он сооружен из сырцовых кирпичей и глины. Топочная часть сделана в битой глине, она овальной формы (размер 60×25 см, высота 10—15 см). На дне ее обнаружен слой золы и угольков толщиной 7 см. Устье очага оформлено сырцовыми кирпичами, поставленными в два ряда на ребро. К востоку от очага находится стенка из сырцовых кирпичей, положенных плашмя в один ряд. Вдоль кладки с южной стороны полосой (60×10 см) лежал слой серой золы толщиной 5 см. И кладка, и слой золы уходили в восточную стенку раскопа. Около устья очага найден раздавленный узкогорлый кувшин со сливом. Восточнее его на глубине 50 см расчищено устье ямы, уходившей в южную стенку раскопа. Диаметр ямы 1 м, глубина 30 см. Она заполнена золой, угольками, обломками керамики.

У северной стенки раскопа расчищена кладка из жженого кирпича в три слоя. Кладка выступала из стенки раскопа лишь на 25 см, поэтому ее назначение трудно выяснить. Под кладкой с глубины 0,65 до 1,1 м находилось четыре ряда сырцовых кирпичей.

На уровне второго сверху пола, на глубине 1,5 м, вдоль восточной стенки раскопа, чуть под углом к ней обнаружена массивная стена из сырцовых кирпичей ($35 \times 19 \times 12$ см). Длина стены 3,2 м, ширина в южной части 0,9 м, в северной 0,5 м. В северной части и по всей длине с востока она уходила за границы раскопа. Хорошо сохранились нижние 5—6 рядов кирпичей. Высота оставшейся части стены 0,9 м. Она заканчивалась в 0,8 м от южной границы раскопа. В юго-восточном углу лежало несколько кирпичей такого же размера, как и в стене.

В юго-западной части раскопа расчищена часть тандыра. Он находился сразу же под остатками очага. Тандыр куполообразной формы, сверху закрыт массивной крышкой (толщина 3—4 см). Сделан вручную, его наружная поверхность красного цвета. Высота тандыра 0,5 м, наибольший диаметр в нижней части 0,6 м. Под тандыром выявлен «фундамент» из утрамбованной глины толщиной 15 см. С северной стороны от тандыра отходил горизонтальный дымоход, сделанный из поставленных на ребро двух рядов сырцового кирпича и перекрытый сверху кирпичами ($34 \times 18 \times 16,5$ см).

Западнее тандыра расчищена кладка из сырцовых кирпичей, положенных плашмя и на ребро. Размер кирпичей: $30 \times 16 \times 8$ и $40 \times 18 \times 13$ см. Четко прослеживались три ряда кирпичей и под ними слой из утрамбованной глины, доходившей до глубины 1,5 м.

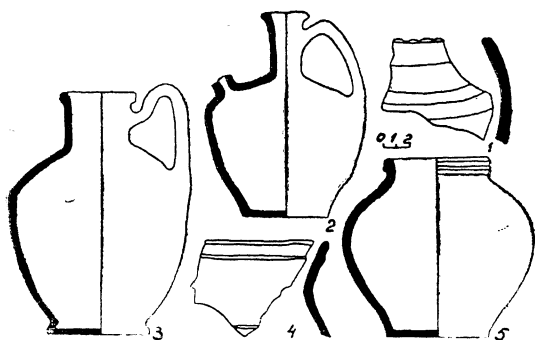

Рис. 144. Кувшины и горшок городища Бузук.

Яма 1 расположена в нижней части раскопа. Она находится между стенками из сырцового кирпича прямоугольной формы. Диаметр ее 1,1 м, глубина 0,95 м. Яма заполнена землей серо-зеленого цвета, в которой часто встречались кости животных.

Севернее ее устроена яма 2. Ее диаметр 1,1 м, глубина 0,55 м. Стенки ямы слегка расширяются книзу. На них видны следы обмазки глиной. Яма состоит из мусора, комков глины и обломков сырцовых кирпичей.

Ямы 3 и 4 расположены в северо-западной части раскопа и частично перекрывают друг друга. Большая часть ямы 3 выходит за пределы раскопа. Она содержит землю серого цвета и золу. Находок, кроме костей животных, не обнаружено. Яма 4 находится частично также за пределами раскопа. Диаметр ее 1,7 м, глубина 1,9—2,2 м. В яме имелись два аморфных кусочка железных изделий и обломки неполивной керамики.

Керамика из шурфа фиксировалась по ярусам. Она относится к одному хронологическому периоду, достаточно четко датируемому XIII—XIV вв. Немногочисленная коллекция ее, связанная в основном с верхним ярусом, типична для XV в. Посуда находит прямые аналогии в Отраре в слоях XIII—XV вв. Она делится на две группы — неполивную и поливную.

Неполивная керамика представлена фрагментами горшков, хумов, кувшинов, тагор и кружек.

Горшки изготовлены из теста серого цвета с примесью песка. Поверхность их покрыта серым ангобом. На одном фрагменте была петлевидная ручка с желобком посередине. Она прикреплена верхним концом несколько ниже венчика, а нижним — к плечу горшка.

Хумы имеют яйцевидное тулово, без шейки, с массивным палочковидным венчиком, отогнутым наружу под прямым углом. Снаружи они отделаны серым или красным ангобом. На некоторых были мазки темной краски.

Тагоры — это характерные сосуды с прямыми или отходящими под

В центре раскопа на глубине 1,2 м обнаружено позднее мусульманское погребение. Захоронение совершено в мусорно-зольном слое, по-видимому, в яме, границы которой невозможно определить. Скелет лежал на спине, со слегка согнутыми в локтях руками. Кисти находились в области живота. Голова слегка повернута к востоку. Ориентировка на север. Сопровождающего инвентаря нет.

Слой ниже второго пола состоит из строительного мусора и золы с вкраплениями комковатой глины, обломков сырцовых и жженных кирпичей. На глубине 1,9 м, считая сверху, или на глубине 0,4 м от второго пола расчищен третий пол. На его уровне оказались устья четырех мусорных ям.

тупым углом от массивного плоского дна стенками. Внутри они покрыты красным или коричневым ангобом, иногда с лощением.

От д а с т а р х а н о в сохранилось несколько фрагментов. Орнамент на одном из них состоит из многолепестковых розеток.

К у в ш и н ы этого времени с округлым туловом, раздутым в плечиках, и коленчатой уплощенной ручкой, соединяющей венчик и плечики. Различаются широкогорлые и узкогорлые кувшины. Они варьируют и по размерам, более мелкие — столовые и крупные — водоносные.

К типичным широкогорлым кувшинам можно отнести сосуд из ямы 1. Кувшин имел профилированный венчик (диаметр его 16 см), невысокую, чуть расширяющуюся книзу горловину, круто переходящую в сферическое тулово. Дно круглое, плоское, диаметр его 12 см. Ручка не сохранилась. На плечике кувшина остался след ее крепления. Сосуд покрыт серым ангобом, по нему нанесены мазки темной краски.

От столовых кувшинов с широким горлом встречены венчики и фрагменты стенок. Два венчика профилированные, один подтреугольной формы. Тесто их почти без примесей, плотное, звонкое. Стенки тонкие. Диаметр горла 10 см. Наружная поверхность венчиков и фрагментов стенок ангобирована в светло-серый цвет.

Узкогорлые кувшины представлены одним целым сосудом, частями горловин и другими фрагментами. Целый кувшин обгорел, поверхность его серая с темными пятнами. Первоначальный цвет сохранился лишь на закраине венчика. Он был светло-серый. Горло высокое, слегка расширяющееся кверху. Закраина венчика отогнута под прямым углом к горлу. Диаметр венчика 5,5 см. Плечики плавно переходят к сферическому тулову. Дно круглое, плоское. Ручка, уплощенная в сечении, слегка изогнута в верхней части. Она прикреплена к середине горловины и нижней части плечиков. На противоположной стороне сделано отверстие овальной формы (1,5×1,1 см) для сливчика, который не сохранился (рис. 144, 2).

Найдено также несколько фрагментов краснолощенных кувшинов. На одном из них вертикальное, на другом горизонтальное полосчатое лощение.

Встречен обломок краснолощенной кружки. Венчик ее чуть отогнут наружу и заострен. Кружка имела маленькую петлевидную ручку, округлую в разрезе, крепившуюся в верхней части.

В коллекции поливной керамики много фрагментов чаш, пиал, кесе, блюдов. Отмечены и археологически целые формы посуды. Она изготовлена из хорошего теста на гончарном круге, украшена расписным или прочерченным орнаментом, поверх которого нанесен слой поливы. Полива окрашенная и бесцветная (рис. 145).

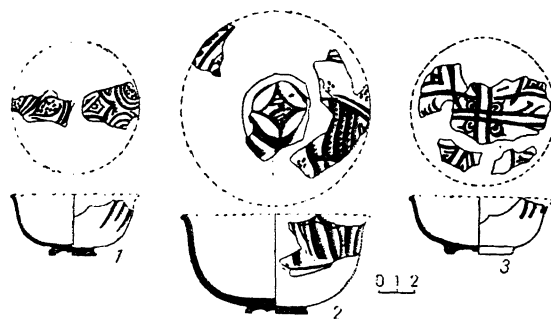

Рис. 145. Поливная керамика городища Бузук.

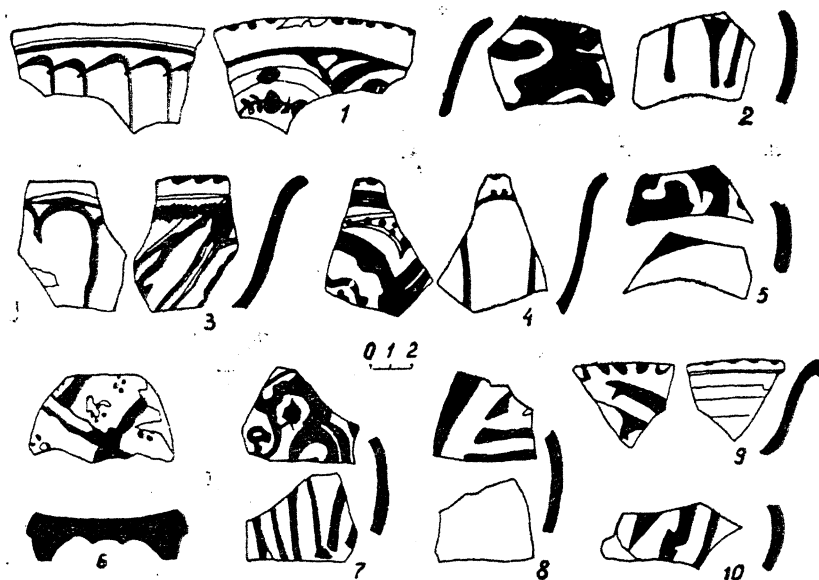

Рис. 146. Поливная керамика городища Бузук.

Наиболее многочисленную группу составляет посуда, покрытая желтой поливой. Большинство фрагментов с желтой поливой имело подглазурную роспись, сделанную по серому или белому ангобу. Роспись выполнена зеленой, красной и коричневой краской. Мотивы росписи самые разнообразные: растительного или геометрического характера, всевозможные линии, завитки, точки. Иногда роспись, соединяясь с поливой, расплывалась. С наружной стороны, как правило, роспись в виде арок находится в верхней части сосудов (рис. 146, 1, 3).

Нужно выделить группу фрагментов с росписью по красному ангобу. Роспись чаш белая, на кувшине она полихромная, выполнена зеленой, черной и коричневой краской. У кувшина тонкий слой желтой поливы покрывал и внутреннюю поверхность. Плечики кувшина украшены подглазурной росписью геометрического характера, ниже на тулове расположены арки.

Распространена также полива зеленых тонов. Она наносилась на серый ангоб. Снаружи и по краю венчика коричневой или красной краской расписывали арки и точки. Встречаются сосуды внутри с зеленой поливой, а снаружи с желтой.

Блюдо, найденное в яме верхнего пола, покрыто зеленой поливой с подглазурным прочерченным орнаментом. Оно сегментовидной формы, с палочковидным венчиком и кольцевым поддоном. На наружной поверхности поливы нет. Орнамент на внутренней стороне сделан концентрическими поясами. Первый пояс включает повторяющиеся сдвоенные вертикальные линии и помещенный между ними вертикальный зигзаг. Ниже идет пояс из линий с кружком посередине. Сверху линии соединены между собой дугами. На дне имеется несколько концентрических кругов и линий (рис. 147).

На фрагменте одной из зеленополивных чаш по самому краю венчика проведена темная полоса. С внутренней стороны ниже полосы находится прочерченная спираль, с наружной — роспись в виде арок. Имеются фрагменты с поливой салатного цвета. Полива нанесена на белый ангоб.

Кроме блюд, чаш, кесе зеленой поливой покрыт снаружи небольшой горшочек с отогнутым наружу приостренным венчиком, хорошо выраженной шейкой и расширенным туловом. Внутренняя поверхность отделана поливой зеленого цвета с желтым оттенком (рис. 148, 5). Светло-зеленая полива по белому ангобу украшает дно и носик чирага с рифленным резервуаром. Внутренняя поверхность и бока чираги покрыты прозрачной поливой, нанесенной на белый ангоб.

Краснополивная керамика представлена фрагментами чаш и горшочком с отогнутым наружу венчиком и суживающимся книзу туловом. Дно плоское, круглое, внутри ребристое. Стенки толстые. Полива нанесена внутри и в верхней части снаружи. Керамики с голубой и бирюзовой поливой несколько фрагментов.

Небольшое количество фрагментов чаш и блюд покрыто бесцветной поливой по белой подгрунтовке. На фрагменте придонной части одного из блюд встречена роспись коричневой краской овальных пятен. На одном черепке снаружи была подглазурная роспись из крупных квадратов, выполненная черной краской. Внутри них находились квадраты меньшей величины.

Как отмечалось, эта керамика находит близкие, доходящие до тождества параллели в материалах из слоев Отрара XIII—XIV вв.⁸²

Распространена посуда с бесцветной поливой и росписью кобальтом. Ее элементы: растительные завитки, стилизованные буквы арабского алфавита, геометрические фигуры.

Керамика, датируемая XV в., немногочисленна. Это несколько фрагментов чаш на кольцевом поддоне. Полива у них бирюзового цвета, роспись кобальтом в виде стилизованных растительных побегов. Аналогичная посуда есть на Отраре, в слоях XV—XVI вв.⁸³

ПАМЯТНИКИ ЮЖНЫХ И СЕВЕРНЫХ СКЛОНОВ КАРАТАУ

На южных склонах Каратау наиболее ранними памятниками являются Шаш-тобе, Берчин-тобе и Джидели-тобе, расположенные в 20—25 км северо-восточнее г. Туркестана, Карачик I и II, Ак-тобе на р. Карачик, в 15—20 км севернее г. Туркестана.

Шаш-тобе находится севернее с. Атабай. Это овальный в плане бугор типа «тобе с площадкой». Наиболее высокая часть — северная. Здесь возвышается овальный в плане бугор диаметром 20 м и высотой 4,5 м. К нему примыкает площадка длиной 85 м и шириной 45—50 м. Памятник сильно разрушен современными строительными работами.

⁸² К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана, стр. 33—34, табл. VII.

⁸³ Там же, стр. 40—41.

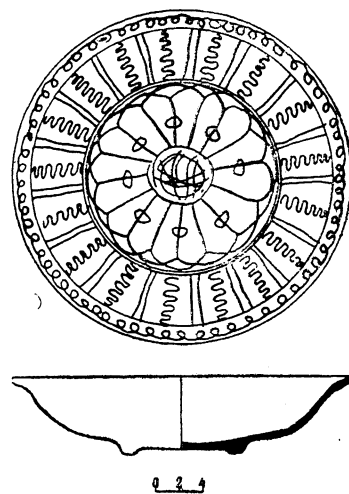

Рис. 147. Блюдо зеленой поливы городища Бузук.

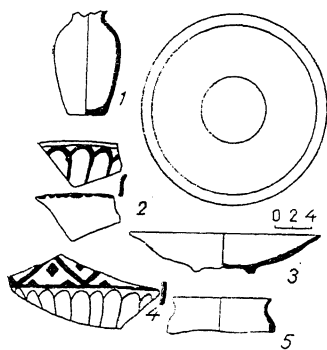

Рис. 148. Поливная керамика городища Бузук.

Керамика Шаш-тобе многочисленна и разнообразна. Это хумы со скошенным венчиком и вдавленной в нем ложбинкой. Они покрыты розовым ангобом. На некоторых остались потеки краски.

Характерны корчаги с раздутым туловом, выраженной шейкой и треугольным в сечении венчиком. Они сделаны на круге, но есть и лепленные от руки. Одна из корчаг, изготовленная на круге, отделана снаружи и внутри вишневым ангобом. На стенках прочерчена волнистая линия, на ребре от шейки к плечикам вдавлены насечки. Корчаги с аналогичным орнаментом есть в верхнем слое Кос-тобе.

Интересны выполненные от руки корчага с желобчатыми ручками и водоносные кувшины с широким горлом, уплощенной в сечении ручкой и треугольным, с острым бережком, венчиком. Найден обломок водоносного кувшина, сделанного на круге, с валиком на шейке. Снаружи кувшин покрыт розовым ангобом.

Встречены сосуды, тулово у которых прорифлено. Имеется обломок сероглиняного сосуда, сделанного на круге. Снаружи он покрыт серым ангобом и псевдорифлением. Кроме того, на его поверхности видны следы правки ножом.

В коллекции керамики есть обломок сосуда типа небольшой корчаги, лепленной от руки. Снаружи и внутри на его стенки нанесен вишневым ангобом. Выявленный орнамент в виде вертикальных насечек в сочетании с наколами. Накольчатый орнамент, как известно, характерен для керамики первых веков нашей эры⁸⁴.

Берчин-тобе приурочен к истоку мощного родника. Это овальный в плане бугор, вытянутый по линии С—Ю и возвышающийся на севере. Бугор диаметром 30 м и высотой 4 м. Общая же длина тобе 80 м, ширина 40 м.

Керамика Берчин-тобе представлена в подъемном материале хумами со скошенными венчиками, выделенными широкой вдавленной линией.

Обнаружены также корчаги и широкогорлые сосуды с рифленным туловом, сделанные на круге, кувшины с желобчатыми ручками и рифленным туловом. На ручке одного из кувшинов был крестовидный знак (рис. 149, 1).

Керамика с Берчин-тобе аналогична материалу из верхнего слоя Кос-тобе (южное) и поэтому датируется IV—VI вв.

Джидели-тобе расположено на восточной окраине с. Шага. Это округлый в плане бугор высотой 3,5 м. Длина его 55 м, ширина 50 м. В южной части бугра находится «тобе» высотой до 4 м. На вершине отмечена квадратная площадка размером 15×15 м.

Керамики на поверхности бугра мало, собранные черепки невыразительны. Отсутствие поливной посуды свидетельствует о жизни на поселении до VIII в.

⁸⁴ Н. П. Подушкин. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховьев реки Арыс (I—IV вв.). В кн.: «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 103, табл. III, рис. 19—21.

Карачик-тобе I — овалный в плане бугор с плоской вершиной, вытянутой по линии ЮЗ—СВ. Высота бугра 6 м, длина 55 м, ширина 35 м.

Керамика представлена хумами. Для них характерен отогнутый наружу венчик с желобком. Снаружи они покрыты палевым и розовым ангобом. Есть корчаги, украшенные по плечикам насечками. Здесь же найдены обломки ладьевидных зернотерок. Близкий материал дает Кос-тобе (южное; нижний слой). Думается, что датировка Карачик I укладывается в I—IV вв.

Карачик-тобе II. Это округлый в плане бугор высотой 5 м. Длина его 60 м, ширина 40 м. Плоская вершина бугра в плане подчетырехугольная, размером 8×10 м. Подъемный материал городища аналогичен материалу Карачика I.

Ак-тобе имеет в плане овальную форму, вытянутую по линии С—Ю. Длина бугра 140 м, ширина 90 м, высота 8 м. Керамика Ак-тобе довольно разнообразна по количеству типов посуды. Это хумы с округлым венчиком, покрытые розовым ангобом, и хумы с длинным венчиком, плоским сверху и украшенным с боков вертикальными вмятинами. Есть корчаги с ручками, круглыми в сечении, и кувшины нескольких типов. Первый представлен кувшинами с желобчатыми ручками, второй — кувшинами с круглыми ручками и зарубками по их гребню.

Интересен водоносный широкогорлый кувшин со сливом. Снаружи он не только рифлен и ангобирован (розовый цвет), но и поверх этого отделан полосками темной краски (рис. 151, 7). Керамика Ак-тобе тождественна керамике верхнего слоя Кос-тобе (южное) и пола с разрушенными строительными конструкциями. Кувшины, ручки которых покрыты зарубками, есть на Ботай-тобе, а хумы с длинным венчиком — на Отраре и Джаман-тобе. Все это позволяет датировать Ак-тобе IV—X вв.

На р. Карачик находятся развалины двух крупных средневековых городищ. Одно — Тортколь I — расположено на правом берегу, а другое — Тортколь II — на левом, почти напротив.

Городище Тортколь I. Это подчетырехугольный в плане бугор с закругленными углами, высотой 8 м. Его северная сторона равна 120 м, южная — 150 м, восточная и западная — по 160 м. Поверхность городища покрыта буграми и впадинами, которые являются остатками древних строений. Округлое в плане возвышение диаметром 30—40 м прослеживается в северной части большого бугра.

Въезд в городище осуществлялся с северной стороны. От него и центральной улицы сохранилась ложбина, делящая городище на две части. Ширина ложбины 10—15 м. В восточной части бугра, т. е. в северном кон-

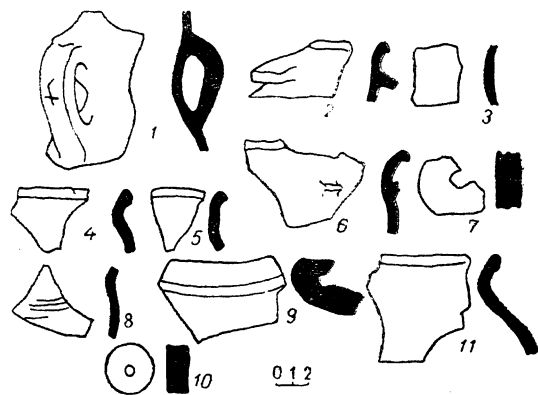

Рис. 149. Керамика городища Берчин-тобе.

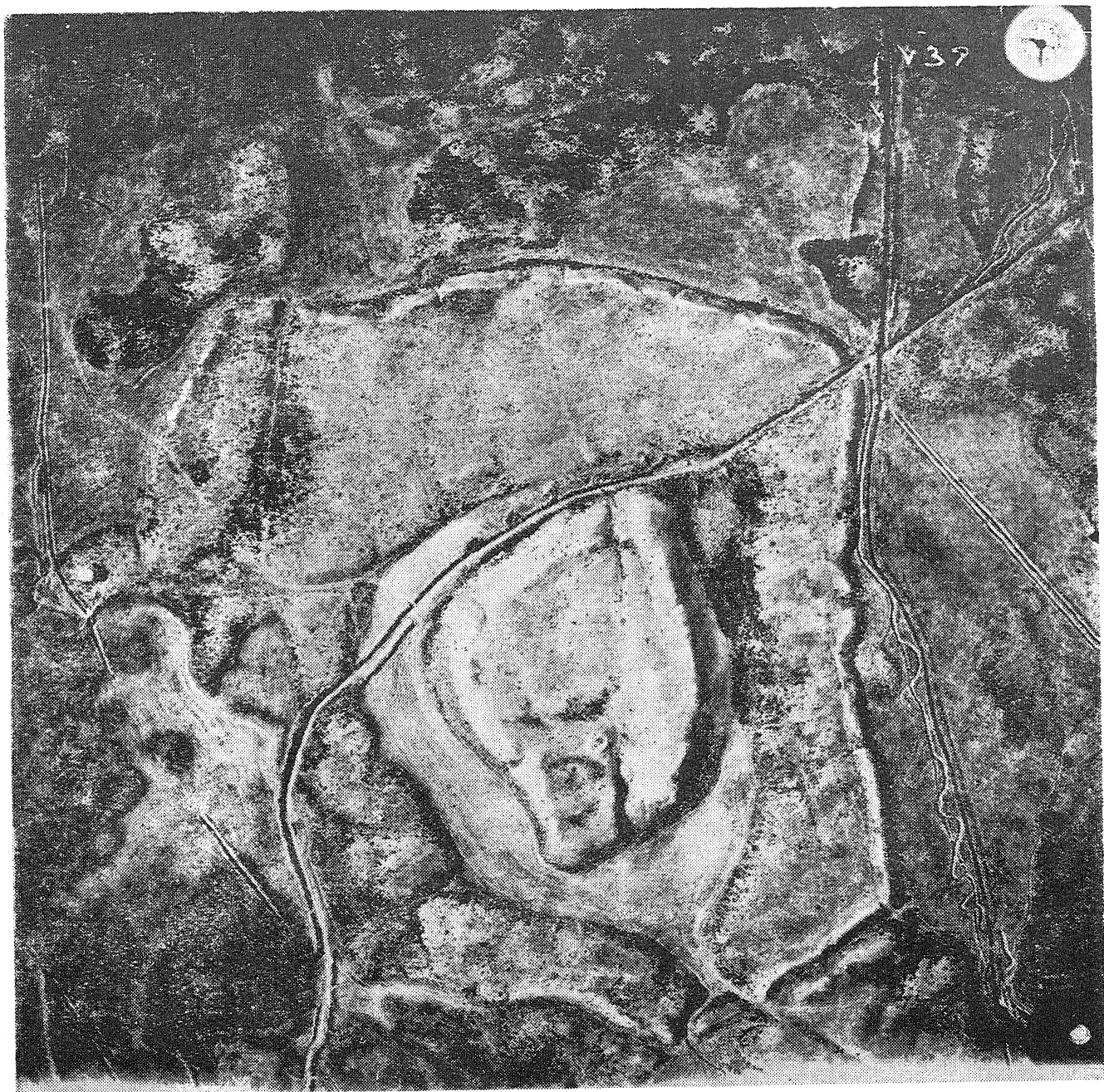

Рис. 150. Городище Тортколь I (аэрофото с высоты 800 м).

це, была цитадель. Это подчетыреугольный участок размером 40×40 м, ограниченный со всех сторон валами. К нему с юга примыкает четырехугольник такого же размера. Одна стена у этих «торткулей» общая.

Вал, окружавший городище, оплыл и сейчас имеет в основании, считая от гребня наружу, ширину 10—15 м. В южной части вала видны две башни.

К бугру городища примыкает территория со следами застройки. Она обнесена валом шириной 10—12 м. Вал отстоит от северной окраины бугра на 75—100 м, от западной — на 110 м. С юга вал двойной. Первое полукольцо находится в 120 м, второе — в 400 м. Восточная часть городища подходит к реке (рис. 150).

Подъемная керамика делится на две группы. Керамика первой группы изготовлена из теста с примесью дресвы и песка. Кухонная посуда представлена венчиком горшочка из рыхлого теста с примесью дресвы. Венчик отогнут наружу, шейка хорошо выражена. Из столовых и водоносных сосудов есть обломок тагоры с плоским венчиком и прямыми стенками, покрытыми снаружи бурым ангобом; фрагмент венчика корчаги грубой лепки с петлевидной ручкой, посередине которой прочерчена линия.

Собранные кувшины крупных размеров. Ручки у них круглые и овальные в сечении. Снаружи один кувшин покрыт розовым, другой — коричневым ангобом. На ручке сосуда с розовым ангобом сделаны вдавления. Крышка слегка выпуклая. Снаружи она украшена прочерченным орнаментом. Есть крышка с черным ангобом и лощением.

Эта группа керамики находит аналогии в материалах Ботай-тобе (кувшины, крышки) и Пшук-Мардана (крышка с черным ангобом и лощением). Близкие параллели дают материалы Джеты-Асаров⁸⁵. Это позволяет описанную группу керамики датировать временем не позднее VIII в.

Для керамики второй группы характерно плотное тесто, белый и розовый ангоб (рис. 152).

Как правило, кувшины с коленчатыми ручками и раскраской в виде завитков, спирали, треугольников, горизонтальных и вертикальных линий. Есть хумы с плоскими сверху венчиками, тагоры. Поливная керамика обычно с плоским дисковидным поддоном. Полива то светло-коричневая, то прозрачная, шероховатая на ощупь. Роспись коричневой и красной красками. Керамика встречает аналогии в материалах южноказахстанских городищ, в частности на Отраре, в слоях XI — начала XIII в.⁸⁶

⁸⁵ Л. М. Левина. Керамика и вопросы археологии памятников джетысарской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, рис. 10, 52—60.

⁸⁶ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана, стр. 28, табл. V.

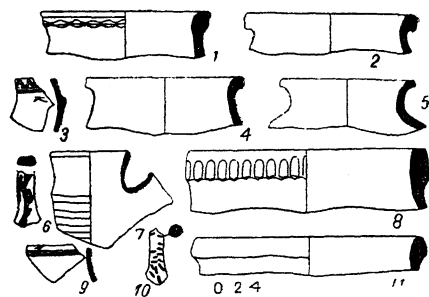

Рис. 151. Керамика городища Ак-тобе Карачицкого.

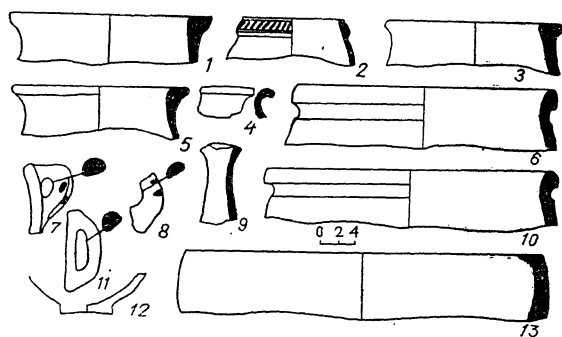

Рис. 152. Керамика городища Тортколь I.

идут две улицы, вдоль которых группируются жилые постройки. От них остались плоские, прямоугольные, квадратные и округлые в плане бугры.

В 10 м юго-западнее отмечен подтреугольный бугор со стороной 60 м и высотой 2 м. На нем найдены куски шлака, бракованная посуда, зольники. Видимо, здесь, ближе к реке, располагались гончарная и другие ремесленные мастерские города.

Восточная часть городища в значительной степени размыта рекой. Полностью сохранились западная, южная и восточная стены. Размер их соответственно: 130, 125 и 200 м. По периметру городище укреплено валом. Особенно мощным был вал с восточной, напольной стороны. Башни на нем устроены через каждые 10 м. Мощностъ культурного слоя, судя по срезу обрыва в северной части городища, достигает 4,5—5 м.

В керамике преобладают типы посуды, характерные для XV—XVIII вв.

Посуда XV—XVI вв. представлена обломками чаш, блюд, сделанных из плотного теста желтого цвета. Полива голубая с росписью черным. В одном случае это донце плоской массивной чаши на кольцевом поддоне. Бирюзовая роспись положена на черепок без ангоба. В центре имеется вихревая розетка в медальоне из двух концентрических линий (рис. 153, 8).

В коллекции керамики XVII—XVIII вв. много грубых чаш, тарелок, тагор, мисок, покрытых некачественной голубой или серой глазурью, с росписью марганцевыми красками (рис. 153, 1, 2). У тагор отмечено радиальное расположение рисунка, по венчику в рамке сделан фриз из волнистых линий, а на внутренней стороне стен — медальоны с растительным орнаментом, на дне же растительные побеги в медальонах, образованных концентрическими линиями.

В неполивной керамике есть хумы, хумчи, кувшины, чаши. Среди керамики этого времени имеется маленький кувшинообразный сосудик с вертикальными налпными ручками-ушками. Снаружи сосуд покрыт белым ангобом.

Городище Тортколь II состоит из двух частей, образовавшихся в результате промоины шириной 20 м. Западная часть — прямоугольный, плоский сверху бугор высотой 4—5 м, окруженный со всех сторон оплывшей стеной высотой 5,5 м. На ней через каждые 25—30 м устроены башни, от которых на валу сохранились всхолмления высотой 0,5 м над общим уровнем вала.

Северная стена городища 120, северо-западная 60, западная 130, южная 100 и восточная 120 м. Въезд в городище находился с северо-запада. Это впадина в стене, шириной 5 м. От въезда под углом к западной и южной стенам

Посуда Тортколя II находит близкие параллели в материалах верхних слоев Отрара и других позднесредневековых городищ юга Казахстана⁸⁷.

Городище Додвен расположено на левом берегу р. Черменсай. Часть городища подмыта рекой и обвалилась. В разрезе берега видна толщина культурного слоя. Наибольшая мощность его 10—12 м. Оставшаяся часть памятника представляет собой овальный бугор, наибольшая высота которого равна 10 м. Вход был в середине южной стороны, от него сохранилась ложбина шириной 10 м. Размер сторон бугра: юго-восточная — 70, восточная — 150 м (рис. 154).

Керамика, собранная на поверхности городища, а также среди культурных наслоений и извлеченная из осыпей, охватывает большой период с VI—VIII по XVIII в.

К наиболее ранней группе керамики относятся сосуды, изготовленные от руки, из теста с примесью песка и шамота.

Это горшки с треугольным, отогнутым наружу венчиком, хумы с отогнутым наружу венчиком, широкогорлые кувшины с треугольным в сечении венчиком. Последние покрыты розовым и вишневым ангобом.

Очень интересна кружка с темно-красным ангобом и лощением. У нее петлевидная ручка с площадкой наверху (рис. 155, 6). Близость описанной керамики и керамики Пшук-Мардана, Ботай-тобе очевидна, что позволяет датировать комплекс ранней керамики Додвена VI—VIII вв.

Для керамики следующего периода характерно наличие сосудов (чаши, пиалы), покрытых прозрачной поливой поверх белого ангоба. Полива на ощупь шероховатая. Росписи в виде геометрических мотивов выполнены зеленой, коричневой, красной и желтой красками. Такая посуда была распространена в XI—XIII вв. в Отраре, Майрам-тобе, Каршигалыке.

Из неполивной керамики здесь имеются в основном сделанные на круге кувшины с коленчатыми ручками, покрытыми снаружи розовым или бе-

Рис. 153. Поливная керамика городища Тортколь II.

⁸⁷ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ермакович. Отрар по итогам работ 1969 г. «Вестник АН КазССР», 1970, № 6, стр. 61—62, рис. 2.

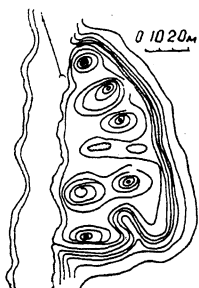

Рис. 154. Городище Додвен. План.

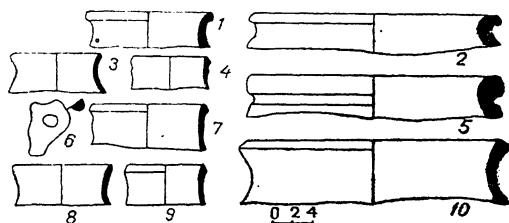

Рис. 155. Ранняя керамика городища Додвен.

лым ангобом. Стенки кувшинов украшены волнистыми и горизонтальными линиями.

Керамика XIII—XIV вв. в подъемном материале мало. Это невыразительные обломки краснополивных сосудов с росписью желтыми и зелеными красками. Керамика XV—XVI вв. представлена фрагментами чаш с белой и голубой поливой. Белая полива встречается в сочетании с росписью кобальтом.

Много посуды XVII—XVIII вв. Это толстостенные чаши грязно-серой или голубой поливы. Орнамент выполнен марганцевыми красками. Его элементы — спирали, завитки, знак «басма». Керамика такого типа широко известна в верхних слоях Отрара⁸⁸.

Городище Шага находится на территории одноименного села, на левом берегу р. Шага. Это округлый в плане холм. Он вытянут по линии С—Ю на 130—140 м при ширине 70 м. Цитадель занимает северную часть бугра и является возвышением диаметром 30 м и высотой 7,5 м. К холму цитадели примыкает с южной стороны шахристан, укрепленный стеной, которая прослеживается на отдельных участках в виде возвышенности по периметру шахристана. Территория рабадов застроена. Въезд в городище был с юго-восточной стороны. Керамика городища Шага, собранная на поверхности и в срезах культурного слоя, разновременная.

Наиболее ранняя группа ее содержит фрагмент горла водоносного кувшина с валиком на шейке и желобчатой ручкой. Снаружи нанесен темно-коричневый ангоб. Есть ручка кувшина, круглая в сечении.

Интересна ручка кружечки. Она петлевидная, желобчатая. Керамика такого же типа известна в Ботай-тобе и в Отраре в слоях VIII—X вв.

Найдены обломки керамики X—XII вв. — поливные чаши на дисковидном поддоне и узкогорлые кувшины с раскрашенным туловом.

Посуды XIII—XIV и XV—XVI вв. на городище выявлено очень мало.

В XVII—XVIII вв. жизнь на Шаге, судя по обилию керамики, достигает значительных масштабов. Появляются толстостенные чаши с голубой и серой поливой, расписанные марганцем. Элементы орнамента — спирали, знак «басма» (рис. 156).

Тортколь-тобе Кзыл-Аскерское расположено в 15 км западнее г. Туркестана, в центре одноименного поселка. Городище сильно разрушено современными строительными работами. Это прямоугольный в плане бугор, вы-

тянутый длинной стороной с востока на запад. Размер его 70×60 м, высота 3 м. Керамика немногочисленна — обломки чаш, покрытых бирюзовой и белой поливой и росписью кобальтом. Интересен фрагмент чаши, расписанный на внешней поверхности треугольниками. Чаша с такой же росписью найдена в стратиграфическом шурфе на Отраре, в слое XV—XVI вв.⁸⁹

На северных склонах Каратау наиболее ранними являются памятники Ак-тобе Чулак-Курганское и Айдарлы.

Ак-тобе находится в 10 км севернее с. Чулак-Курган. Это памятник типа «тобе с площадкой». Тобе представляет собой округлый в плане бугор, вытянутый с севера на юг. Длина его 55 м, ширина 35 м. К тобе примыкает площадка, длина которой 135 м, ширина 110 м. Высота ее 1,5 м над уровнем поверхности.

На Ак-тобе собрана коллекция керамики, характерной для раннеземледельческих поселений. Это вылепленные от руки корчаги с волнистым орнаментом, кувшины с желобчатыми ручками и валиком на шейке, кувшины с каннелированным туловом. Такая керамика хорошо известна по раскопкам Кос-тобе (южное, верхний слой)⁹⁰, Тортколь-тобе⁹¹. По аналогии с ней керамику Ак-тобе Чулак-Курганского следует датировать IV—VI вв.

Айдарлы-тобе, расположенное в 10 км северо-западнее Актобе, имеет круглый в плане бугор диаметром 60 м, высотой 3,5 м. На его поверхности собраны многочисленные фрагменты керамики, подобной найденной на Ак-тобе Чулак-Курганском.

Городище Карасуан находится в 10—12 км западнее с. Чулак-Кургана, рядом с одноименным родником. Цитадель городища — округлый, плоский в плане холм. Диаметр его 35 м, высота 5 м. Ширина стены, окружающей цитадель, равна 2—7 м.

Шахристан охватывает цитадель подковой с севера. Его крайняя северная точка отстоит от основания стены цитадели на 20 м, западная — на 15 м. Стена вокруг шахристана сохранилась в виде оплывшего вала, возвышающегося на 0,5 м над общим уровнем. На стене через каждые 40—50 м были устроены башни, которые прослеживаются по всхолмлениям на валу.

Рабат окружает цитадель и шахристан кольцом. Он также был за-

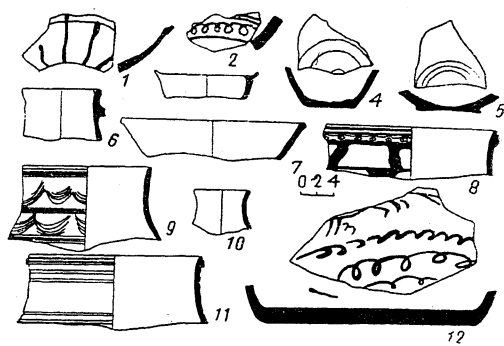

Рис. 156. Керамика XIV—XVIII вв. городища Шага.

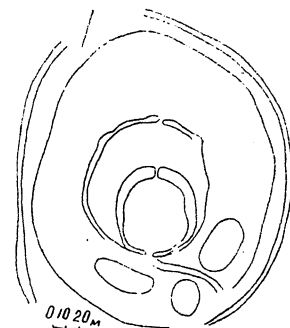

Рис. 157. Городище Карасуан. План.

⁸⁹ Там же, стр. 62, рис. 2.

⁹⁰ Там же, стр. 62.

⁹¹ Н. П. Подушкин. Ранние оседлые поселения долины Арыси (I—VIII вв.). Автореферат канд. дисс. Алма-Ата, 1970, стр. 12—14.

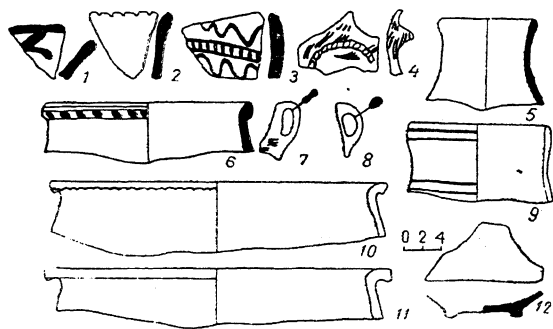

Рис. 158. Керамика
городища Карасуан.

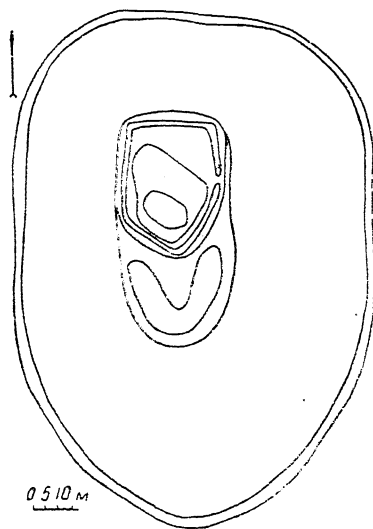

Рис. 159. Городище
Куль-тобе. План.

щищен стеной и рвом, наполнявшимся водой из родника. Въезды расположены с северной и южной сторон. К югу от цитадели на территории рабада вдоль древней улицы группируются три овальные бугра диаметром 20—25 м и высотой 2—3 м (рис. 157).

Керамика городища немногочисленна: это обломок кухонного горшочка из рыхлого дрезвяного теста, серого цвета, фрагменты тагоры, сделанной на гончарном круге. Венчик у них отогнут наружу и украшен волнистым орнаментом.

Есть обломок стенки котла, изготовленного на круге. Ручка у него налпная, полукруглой формы, с вмятинами по гребню. На ней процарапаны линии. В коллекции имеется фрагмент грушевидного сосуда с ручками.

Поливная керамика представлена фрагментами чаш в основном с зеленой поливой. У одной из них снаружи желтая полива и роспись арочками, у другой — дно на кольцевом поддоне. Полива не сохранилась (рис. 158, 12).

Поливная керамика имеет близкие аналогии в материалах южноказахстанских городищ XIII—XIV вв. и Отрара в слоях этого периода⁹². Думается, что верхняя дата Карасуана должна быть ограничена этим же временем.

Городище Куль-тобе находится в 25 км западнее с. Сузак, в ущелье Карагур.

Цитадель городища в плане имеет вид треугольника, окруженного стеной, сложенной из каменных плит. Размер сторон: северной — 30, западной — 70, юго-западной — 40, юго-восточной — 60, восточной — 30 м.

Поверхность цитадели плоская. На ней в южной части расположен овальный бугор диаметром 15 м. К цитадели с южной стороны примыкает бугор с подковообразным возвышением по краю. Протяженность его на юг 35 м.

Цитадель расположена в центре шахристана, протяженность которого с севера на юг достигает 200 м, с востока на запад — 120 м (рис. 159).

Со всех сторон площадка бугра шахристана, высота которого равна 5—6 м, окружена стеной, сложенной из сырцового кирпича

⁹² К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1966, табл. VII.

и каменных плит. К ней по периметру пристроены прямоугольные строения на каменных основаниях. Вокруг шахристана размещен рабад, размер которого точно установить не удалось. Следы построек, керамика встречаются по ущелью на протяжении 2 км вниз и 0,5 км вверх по течению реки.

Основная масса керамики Куль-тобе относится к XVI—XVII вв. Это поливные блюда, чаши, тарелки, покрытые бирюзовой и серой поливой с росписью марганцем. Есть керамика XIV—XV вв. и несколько фрагментов XIII—XIV вв. Неполивная керамика позднего периода жизни Куль-тобе представлена хумами с косыми насечками по тулову, кувшинами и чашами.

К ЭТНИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ ПАМЯТНИКОВ
ОТРАРСКОГО ОАЗИСА

В предыдущих главах говорилось, что проведенные исследования и раскопки Отрара и памятников Отрарского оазиса позволяют наметить нижнюю границу их жизни началом первого тысячелетия н. э. Как предполагает ряд исследователей, в это время оазис входил в состав государства Кангюй. Письменные источники о Кангюе незначительны и отрывочны, что породило немало гипотез о локализации Кангюя, этнической принадлежности кангюйских племен, их археологических памятниках и т. д. Все в совокупности составило так называемую кангюйскую проблему¹.

Первые сведения о Кангюе конца III в. до н. э. имеются в докладной записке Чжан Цяня. Согласно ей, Кангюй граничил с Даванью. Столица его располагалась в 2000 ли на северо-запад от столицы усуньского гуньмо, а та в свою очередь в 2000 ли северо-восточнее политического центра Давани — Эрши².

В. В. Бартольд, сопоставив Кангюй древнекитайских источников и Кангу, упоминаемую в Авесте, локализовал Кангюй в среднем течении Сырдарьи. Эта локализация была принята и стала традиционной в литературе³.

Не так давно наиболее полно обосновать гипотезу Бартольда попытал-

¹ Последняя, наиболее полная сводка письменных известий о Кангюе сделана Б. А. Литвинским. См. его работу: «Кангюйско-сарматский Фарн». В кн.: «К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии». Душанбе, 1968, стр. 14—23.

² Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 150; Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 105.

³ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 175—176; J. Marquart. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostran. Leiden, 1938, S. 188; W. M. McGovern. The early empires of Central Asia. New-York, 1939, p. 134; W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951, p. 291; А. Н. Бернштам. Проблема древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1949, вып. 2, стр. 90—99; Б. А. Литвинский. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. СА, 1967, № 2, стр. 34; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, стр. 97—98.

ся С. Г. Кляшторный⁴. Он исходил из общепринятого тождества Кангюй китайских источников и Кангу Авесты. По его мнению, Кангу локализуется на средней Сырдарье. Один из убедительных аргументов в пользу этого — упоминание Канги в качестве столицы Турана в «Шахнаме» Фирдоуси. Канги там фигурирует как город и как область, расположенная к северу от Испиджаба, на его границах⁵.

Существует и другая точка зрения по данному вопросу. С. П. Толстов считает, что географическим и политическим центром Кангюя был Хорезм⁶. Эта гипотеза имеет и сторонников⁷, и противников⁸.

В письменных известиях о Кангюе более позднего времени говорится как о большом государстве, населенном кочевыми племенами, но имеющими и города, которому подчинялись пять «малых владений»: Сусе, Фуму, Юени, Ги, Юегань⁹.

В. В. Бартольд, придерживаясь танской историко-географической традиции, отождествлял их соответственно с Шахризямом, Кушанией на Зеравшане близ Катта-Кургана, Ташкентом, Бухарой и северной частью Хорезма с городом Гурганджем (Ургенчем)¹⁰, а С. П. Толстов с Кешем на Кашкадарье, Кушанией на Зеравшане, Шашем, Бухарой и Хорезмом (Ургенчем)¹¹. Третий вариант локализации предложил А. Н. Бернштам. Согласно его мнению, Юени — Ташкентский оазис, Юегань — Хорезм, Сусе — район среднего течения Сырдарьи и северные предгорья Каратау (Сузак), Фуму и Ги — долина Сырдарьи¹².

Позднее он конкретизировал местоположение Фуму и Ги, поместив первое из них к северо-западу от Яны-Кургана до Казалинска, второе — в низовьях Сырдарьи¹³.

⁴ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники, как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 171—175.

⁵ Г. В. Птицын. К вопросу о географии «Шахнаме». ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 307; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники, стр. 165—166.

⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1947, стр. 202; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 145; его же. Приаральские скифы и Хорезм (К истории заселения и освоения древней дельты Сырдарьи). СЭ, 1961, № 4, стр. 143—144.

⁷ Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, стр. 185—187.

⁸ А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана, стр. 90; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические надписи, стр. 172—173.

⁹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, стр. 150, 184—186, 229.

¹⁰ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 177.

¹¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 146—147.

¹² А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1949, вып. 2, стр. 94—95.

¹³ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1951, стр. 216.

Как видно, у всех исследователей лишь отождествление Юени с Ташкентским оазисом и Юеганя с Хорезмом не вызвало возражений.

Дальнейшее выяснение правильности локализации древних историко-географических терминов возможно при параллельном изучении письменных источников и археологических памятников.

К настоящему времени накоплен значительный археологический материал, однако датировка и хронологическая классификация его разработаны еще недостаточно и вызывают споры. Что касается этнической атрибуции памятников культуры Каунчи и Кангюй, то она признается окончательной¹⁴.

Г. В. Григорьев первый разделил каунчинскую культуру на три этапа и датировал Каунчи I началом I тысячелетия до н. э., Каунчи II—VI—III вв. до н. э.; Каунчи III—II в. до н. э. — III в. н. э. Ранее Каунчи Г. В. Григорьев связывал с саками¹⁵, а Каунчи II — с кангюями. А. И. Тереножкин отнес Каунчи I и II к II в. до н. э. — I в. н. э. Он считал, что в первые века на территории Шаша (Чача) существовала особая джунская культура, а в период Каунчи II этот район являлся основным ядром государства Кангюй¹⁶.

По-разному датировался один из опорных памятников каунчинской культуры — Джунский могильник. Г. В. Григорьев отнес его к I—III вв.¹⁷, Т. Г. Оболдуева — к III—IV вв.¹⁸, А. И. Тереножкин — к I—II вв.¹⁹

В последнее время Б. А. Литвинский, проанализировав материалы из этого могильника, датировал его II—III вв. По его мнению, «каунчинско-джунская» культура, преемственная собственно каунчинской, была распространена на территории не только Ташкентского оазиса, но и всей средней Сырдарьи²⁰.

В исследуемом нами Отрарском оазисе и на северных склонах Каратау в свое время А. Н. Бернштам выделил родственную каунчинской кангюйско-каратаускую культуру и датировал ее III в. до н. э. — I—II вв. н. э.²¹

Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич, разделяя мнение А. Н. Бернштама, называют эту культуру собственно кангюйской, но датируют ее более широко,

¹⁴ Б. А. Литвинский. Кангюйско-сарматский фарн. Сб. «К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии». Душанбе, 1968, стр. 23.

¹⁵ Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1948, вып. 1, стр. 47—48.

¹⁶ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 159.

¹⁷ Г. В. Григорьев. Самаркандская экспедиция. КСИИМК, вып. 1, 1939, стр. 34.

¹⁸ Т. Г. Оболдуева. Курганы каунчинской и джунской культуры в Ташкентской области. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 102.

¹⁹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 159.

²⁰ Б. А. Литвинский. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. СА, 1967, № 2, стр. 29—37.

²¹ А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана, стр. 96; его же. Древний Отрар. М., 1962, стр. 93—97.

в пределах II в. до н. э. — III—IV вв. н. э.²² Всю «кангюйскую» керамику они классифицировали на две группы: раннекангюйскую — III в. до н. э. — I в. н. э. и позднекангюйскую — I—IV вв. н. э.²³

С новой точкой зрения на проблему каунчинской культуры в долине Сырдарьи недавно выступала Л. М. Левина. Она датирует Каунчи I рубежом или I в. до н. э. — IV в.; Каунчи II—IV—V вв. и Каунчи III—IV в. — началом VIII в. Локализацию каунчинской культуры Л. М. Левина предлагает ограничить Ташкентским оазисом²⁴.

Район Отрарского оазиса и склоны Каратау явились, как полагает исследователь, местом расселения племен так называемой отрарско-каратауской культуры. Эта культура в своем развитии прошла три этапа, синхронных периодам Каунчи I, II и III, согласно ее передатировке.

Признаками, отличающими керамику отрарско-каратауской культуры от собственно каунчинской, Л. М. Левина считает форму хумов с выделенным горлом и широкое распространение горизонтального рифления на плечиках и тулове крупных сосудов²⁵.

Наши исследования и раскопки на Отрар-тобе, Кос-тобе (южное), Ботай-тобе, раскопки Н. П. Подушкина на Арыси позволяют высказать свои соображения по данной проблеме. Нам кажется, что мнение А. Н. Бернштама, первым выделившего на юге Казахстана кангюйско-каратаускую культуру, ныне надо рассматривать лишь как постановку проблемы в общем плане. Все другие гипотезы, появившиеся позднее, являются лишь развитием этой идеи, попыткой ее конкретизировать. Однако отсутствие хорошо датированных керамических комплексов, широко поставленных раскопок не позволяет убедиться в правильности сделанных уточнений.

По нашим данным, несмотря находящуюся до тождества близость керамики из раскопок памятников Ташкентского и Отрарского оазисов (например, Шаушукум-тобе, Кос-тобе, Ботай-тобе), между ними имеются и существенные различия. Это прежде всего рифление сосудов, которое характерно не только, как полагает Л. М. Левина, для водоносных кувшинов, но и для других групп керамики, затем «псевдорифление», когда врезная линия горизонтально покрывает тулово сплошь по спирали. Такой прием отделки характерен только для Отрарского оазиса.

Ведущей формой посуды начиная с I по VI в. являются хумы с прямоугольным венчиком и желобком на нем, покрытые палевым или белым ангобом.

Разнообразие цветов ангобного покрытия также одна из отличитель-

²² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 8—9.

²³ Там же, стр. 158.

²⁴ Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. Автореферат канд. дисс. М., 1967, стр. 10—13.

²⁵ Там же, стр. 15—16.

ных черт керамики Отрарского и Каратауского регионов. Ангобы палевый, розовый, белый, зеленоватый, серый, темно-вишневый, черный наносят на поверхность хумов, кувшинов, кружек, горшковидных сосудов.

В памятниках этих регионов редки такие распространенные в каунчинской керамике формы, как кувшины с носиками, но обычны находки сосудов с двойными ручками. Они встречены в верховьях Арыси на Караултобе и в низовьях на Кос-тобе, в слоях I—IV и IV—VI вв.

Единые формы керамики распространены в Отрарском оазисе (правый и левый берег Сырдарьи), в северных и южных предгорьях Каратау и долине Арыси. Она обнаружена во время раскопок нижних слоев Отрара, Караултобе, Торткультобе, Кос-тобе, Ботайтобе, в подъемном материале с других памятников этой территории.

На наш взгляд, в долине Арыси с центром в Отрарском оазисе следует локализовать древнее Сусе, находившееся в политическом подчинении государства Кангюй.

Этническая принадлежность Сусе — вопрос спорный, но на основе новых данных может быть предположительно выяснен.

В данном случае необходимо остановиться на чрезвычайно интересном вопросе, связанном с определением первоначальной территории асов и аланов. Этимология термина «ас», предложенная в свое время В. Ф. Минорским, который считал, что термин «ас» посредством промежуточной формы «арс» связан с сарматским племенным наименованием «аорс»²⁶ и топонимически сохранился, как полагал А. Н. Бернштам, в имени Арысь²⁷, с учетом последних археологических сведений приобретает особый смысл.

Впервые в письменных источниках (Иосиф Флавий, Страбон, Птолемей и Помпей Трог, Хоухань-шу) наименование «аланы» и «ассы» появляется в первых веках нашей эры²⁸. Локализация прародины их до сих пор вызывает споры и пока может быть определена как располагающаяся где-то на обширной территории, включающей Северный Кавказ, Северный Прикаспий, Южное Приаралье до р. Сырдарьи. Благодаря новым данным имеется возможность уточнить восточные границы этой территории, а что касается ассов, то более конкретно установить ареал их раннего расселения.

Материальная культура северокавказских аланов IV—XII вв. изучена сравнительно хорошо, выяснены некоторые аспекты проблемы происхождения и историко-культурных связей²⁹. Знание этнографического облика позднеаланской культуры помогает по-особому интерпретировать некоторые

²⁶ V. Minor sky, A. history of Sharvan and Darband in the 10 th —11 th centuries. Cambridge, 1958, pp. 107, 147.

²⁷ А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана, стр. 83.

²⁸ Сводку см.: В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, № 106, 1962, стр. 123 и след.

²⁹ Там же.

казахстанские находки и обратить внимание на аналогии между памятниками Южного Казахстана и Северного Кавказа, что значительно расширяет представление об упомянутых связях. Сущность их пока не совсем ясна, но, вполне вероятно, они были не только культурно-экономического характера.

Выявленные аналогии немногочисленны, но весьма характерны. Мы имеем в виду глиняные сосуды со сдвоенной (двойной) петлевидной ручкой. Такого типа сосуды известны лишь в двух районах: на Северном Кавказе и в Южном Казахстане. Огромное пространство между этими странами исключает наличие в них подобных хрупких изделий в результате торгового обмена. По-видимому, должны быть исключены и элементы простого заимствования, ибо сдвоенные ручки — не такое важное изобретение, чтобы именно его перенимать. Скорее всего, имело место переселение этнической группы со сложившимися культурными традициями, в том числе с определенными типами и формами предметов быта, в частности посуды. Важно то, что такие сосуды получают распространение на Северном Кавказе в VII—IX вв.³⁰, а в Южном Казахстане, в долине р. Арыси, они появляются еще в I—IV вв.³¹ Мы вправе предполагать миграцию какого-то племени, изготовлявшего сосуды со сдвоенной ручкой, из Казахстана на Кавказ.

Кто же были племена-пришельцы? Казахстанско-кавказские связи этого периода могут быть прослежены только на исторических судьбах аланов и ассов. Первых начиная с I в. н. э. Иосиф Флавий помещает на Северном Кавказе³². Но в северокавказских памятниках раннеаланской культуры сосуды со сдвоенной ручкой неизвестны, они зафиксированы там намного позднее. Дата появления их (VII—IX вв.) совпадает со временем первого упоминания имени ассов среди племен Северного Кавказа, т. е. в VII в. н. э.³³ Следовательно, между этими фактами существует прямая связь. Вполне вероятно, что традиция изготовления сосудов со сдвоенными ручками зародилась у ассов, а затем ими же была занесена на Кавказ³⁴.

Столь серьезный вывод обязывает как можно подробнее остановиться на локализации ранних ассов. Археологические находки дают основание

³⁰ Там же, стр. 60—61, 83; рис. 3, 15, 24, 27.

³¹ Н. П. Подушкин. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана. «Известия АН КазССР, серия обществ.», 1968, вып. 5, стр. 72—74; его же. Ранние оседлые поселения долины Арыси (I—VIII вв.). Автореферат канд. дисс. Алма-Ата, 1970, стр. 10.

³² В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. 2. СПб., 1896, стр. 484.

³³ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, стр. 125.

³⁴ Пока полностью нельзя согласиться с мнением, что двойные ручки — результат эволюции ручек в виде животных, а также с конвергентностью зарождения их в районах распространения как выражение одинаковых религиозных воззрений в близких художественных образах. См.: К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I. Л., 1941, стр. 214.

считать долину р. Арыси районом, в котором ассы в количественном отношении преобладали. Но следы пребывания их остались на значительно большей территории. Средневековая и современная топонимика юга Казахстана и Северной Киргизии донесла до наших дней много имен ассов в названиях рек, гор и других географических ориентиров. Приведем некоторые из них. Это гидронимы: Асса, Талас (Тал+асс) и топонимы: Асса, Ош (ос—ас), Касрибас (Каср+ас), Аспара (ас+бара) в Западном Семиречье, Фергане и Северной Киргизии; топонимы: Ясы, Аша (Аса), Аснас, Асар, возможно Озгент (аз+кент) в долине среднего и нижнего течения Сырдарьи³⁵. Северная граница распространения наименования этнонима ас — аз находится в степях Сары-Арки, в районе горы Бегазы, название которой, по мнению А. Х. Маргулана, может быть этимологизировано как бег (бек) азав³⁶.

Таким образом, данные топонимики свидетельствуют о том, что более всего имен асиев — асианов — ассов сохранилось в долинах рек Талас, Арысь и Сырдарья (низовья и среднее течение). Это дает основание считать их основными районами расселения ранних ассов. Также несомненно, что наименование «асса — аса» было самоназванием племени, иначе имя их не сохранилось бы до наших дней в названии географических ориентиров. Возможно, этнонимы асси — асианы — азы являются искаженной иноязычной передачей имени тех же ассов. Почти ничего не сообщают о них древнекитайские источники, что очень странно, так как ханьские информаторы были хорошо осведомлены о племенах, населявших современный юг Казахстана и Киргизии. Это можно объяснить, во-первых, тем, что этноним «уш—ус», имеющийся в перечне племен, близких по одежде и обычаям древним усуням³⁷, вероятно, является древнекитайской транскрипцией имени «ас»; во-вторых, древние китайцы, судя по тому, где они локализовали усуней и кангюй, не различали усуней и ассов и относили их к одному народу. Оба варианта взаимно не исключают друг друга. Уточняя и конкретизируя гипотезу И. Дегиня — В. В. Григорьева — С. П. Толстова: асси — асианы — пасианы античных авторов тождественны усуням китайских хроник³⁸, мы считаем ассов западной ветвью древних усуней. Близость (но не тождество) материальной культуры и погребального обряда в синхронных памятниках Семиречья и Южного Казахстана подтверждает это заключение.

³⁵ Асса — название реки и горы; Талас — река; Тараз (Талас) — средневековый город (совр. Джамбул); Ош — областной центр в Киргизии; Касрибас (замок асов?) — урочище, место зимовки карлуков в IX—X вв.; Аспара — средневековый город; Ясы — средневековый город (совр. Туркестан); Аша — местность западнее г. Туркестана; Аснас и Озгент — средневековые города в низовьях Сырдарьи на левом берегу.

³⁶ А. Х. Маргулан. Отчет о работе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1949, вып. 2, стр. 17.

³⁷ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. 2, стр. 190, 258.

³⁸ См. В. В. Григорьев. О скифском народе саках. СПб., 1871, стр. 139—140; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1947, стр. 243—245.

Историческая судьба ассов удивительна и заслуживает целевых исследовательских поисков на обширной территории от р. Талас на востоке до р. Прут на западе. Следует обратить внимание если не на исчезновение, то редкое упоминание имени асов — азов на страницах средневековых письменных источников, относящихся к Казахстану. Как уже отмечалось, имя их впервые упоминается вместе с аланами среди народов Северного Кавказа в VII в. и встречается до XV в. В районе северо-западного Кавказа много топонимов, связанных с именем асов — азов³⁹. Возможно, на западе наименование ас — асс сохранилось в названии г. Яссы, находящегося на правом берегу р. Прут. Не исключено, что мигрирующие в VII в. асы — азы приняли активное участие в создании Хазарского каганата.

Таким образом, мы считаем, что в оттарско-каратауском регионе, отождествляемом нами с древним Сусе, может быть локализовано племенное объединение ассов.

В IX—X вв. в районах расселения ассов в Южном Казахстане источники размещают племена огузов⁴⁰. Происхождение их спорно, вспомним хотя бы точку зрения С. П. Толстова о тохаро-асском компоненте в этногенезе огузов⁴¹. Вполне вероятно, что часть ассов вошла в состав племенного объединения огузов. В топонимике региона рядом с перечисленными географическими названиями имен ассов соседствуют названия местонахождений, носящих имена огузов: Огузсай (сухое русло Сырдарьи), Огузтау (в Каратау), Бузук (среднее течение Сырдарьи), Бузук-тобе (на р. Бугунь). Сохранение древних наименований местностей до настоящего времени — сильный аргумент в пользу преемственности и автохтонности населения данной территории с глубокой древности. Этническая атрибуция памятников более поздних эпох пока весьма спорна. Приведем существующие в исторической литературе гипотезы и догадки разной степени научной обоснованности.

Так, А. Н. Бернштам, а в настоящее время и С. Г. Кляшторный, считают, что преемниками кангуйского объединения были племена печенегов⁴².

У Константина Багрянородного о печенегах сказано: «Печенеги, также называются кангар, но не все, а только народ трех округов: Ябдирти, Куарцигур и Хабуксингила, как храбрейшие и благороднейшие из других, ибо это означает прозвание кангар»⁴³.

Дж. Маркварт первым сопоставил этноним кангар с кенгересами, наро-

---

³⁹ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, № 106, 1962, стр. 125—130.

⁴⁰ С. Г. Агаджанов. Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии. «Тюркологический сборник». М., 1970, стр. 199—200.

⁴¹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 275.

⁴² С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 163, 167.

⁴³ Там же, стр. 164.

дом, упомянутым в орхонских надписях начала VIII в.⁴⁴ Он же поместил кенгересов в нижнем течении Сырдарьи (Яксарта) у Аральского моря⁴⁵.

В. В. Бартольд, уточняя локализацию Дж. Маркварта, определил район расселения кангаров в среднем течении Сырдарьи⁴⁶.

То, что кенгересов — печенегов следует локализовать на средней Сырдарье, отождествляемой, как уже говорилось, А. Н. Бернштамом с Кангу-Тарбаном⁴⁷, также доказывает С. Г. Кляшторный, подчеркивая, что в начале VIII в. оазисы по средней Сырдарье, именовавшейся тогда «рекой Канга», входили в единую печенежскую конфедерацию. Политический центр ее якобы находился в Отраре, названном в рунических текстах Кангу-Тарбан⁴⁸.

Анализ наиболее массового археологического материала из Отрара и оазиса — керамики — с учетом сказанного позволяет сделать такой вывод.

В керамике IV—VI и VII—VIII вв. прослеживается преемственность, которая уже отмечалась Л. М. Левиной⁴⁹ и Н. П. Подушкиным⁵⁰ в наборе сосудов, приемах отделки и орнаментации. Но в комплексах VII и VIII вв. заметны и изменения. Вместе с прежними формами посуды бытуют новые — кувшины с носиками и кружки.

Это явление характерно не только для юга Казахстана, но и для других районов Средней Азии. Возможно, оно связано с распространением нового стиля, суть которого заключалась в том, что в производстве керамики наблюдалась тенденция подражания аналогичным формам из металла.

Среди керамики VII—VIII вв. выделяется совершенно новая группа посуды, покрытая красновато-коричневым ангобом с лощением и орнаментированная прочерченно-вдавленным геометрическим узором. Посуда этого типа на Отраре отсутствует в слое IV—VI вв., но хорошо представлена в материалах VII—VIII вв. Несколько фрагментов есть в слое X—XI вв. Таким образом, в целом краснолощенная посуда с геометрическим орнаментом встречается в слоях VII—XI вв. Она сделана грубоватой ручной лепкой, обжиг, как правило, неполный. Нами найдены горшки, кружки, крышки. Для них характерны вертикальные, треугольные в сечении ручки с релье-

⁴⁴ J. Marquart. Die Chronologie der alttürkischen Zuschriften, Leipzig, 1898, S. 10.

⁴⁵ J. Marquart. Osteneuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 60—71.

⁴⁶ В. В. Бартольд. Новый труд о половцах. Соч., т. V, М., 1968, стр. 404, Примечание, 31.

⁴⁷ А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1949, вып. 2, стр. 98.

⁴⁸ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники..., стр. 19.

⁴⁹ Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. Автореферат канд. дисс. М., 1967, стр. 17.

⁵⁰ Н. П. Подушкин. Ранние оседлые поселения долины Арысы (I—VIII вв.). Автореферат канд. дисс. Алма-Ата, 1970, стр. 13.

ефными зубчиками по гребню. Орнамент в виде «елочек», заштрихованных треугольников, поясков полуovalов или коротких вертикальных и наклонных линий.

Мы уже отмечали, что близкие ей аналогии имеются в керамике среднего и верхнего горизонтов Шаушукум-тобе. Сходные мотивы орнаментации есть в керамике верхнего горизонта Джеты-Асар 3, в кердерской керамике VII—VIII вв. Но отрарская также отличается от керамики материалов приаральских памятников, в частности, посуда с геометрическим орнаментом там с серым или черным ангобом, тонкостенная, без зубчатых ручек. Таким образом, в Отраре существовала своеобразная группа керамики, которая не находит полных аналогий в соседних районах. Сходные мотивы орнаментации, формы сосудов в материалах средней и нижней Сырдарьи и Амударьи свидетельствуют о культурной или этнической близости населения, которое оставило посуду с геометрическим орнаментом. В то же время, как нам представляется, вопрос об их этнической атрибуции может быть объяснен и по-другому. Если керамику джетыасарско-кердерского облика исследователи достаточно обоснованно связывают с огузами⁵¹, то, возможно, краснолощенная керамика Отрара с геометрическим орнаментом принадлежала другому этническому компоненту, входившему в состав политической конфедерации печенежских племен. Вполне логично также происхождение населения, оставившего краснолощеную орнаментированную керамику, связать с каунчинской средой, если рассматривать зубчатые ручки как рудименты зооморфных ручек.

Другая своеобразная группа керамики выделяется в материалах Отрара X—XI вв. Мы имеем в виду неполивную посуду со штампованным орнаментом (крышки, горшки) и расписную. В слое VII—VIII вв. подобная керамика отсутствует, в слое X—XI вв. керамики с расписным и штампованным орнаментом довольно много⁵². Интересно прежде всего сопоставить краснолощеную керамику с геометрическим орнаментом и неполивную орнаментированную керамику X—XI вв. Первая группа керамики исчезает где-то в X—XI вв., появляются многочисленные образцы второй группы. Таким образом, в X—XI вв. одна традиция сменяется другой, но все же некоторые мотивы орнамента X—XI вв. перекликаются с узорами предшествующего времени, например геометрические мотивы типа заштрихованных треугольников, полуovalы в различных вариациях и т. д. Вместе с тем большая группа неполивной орнаментированной керамики X—XI вв. выполнена в новом стиле керамического производства.

⁵¹ А. В. Гудкова. Ток-кала. Ташкент, 1964, стр. 137—143; Е. Е. Неразник. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, стр. 128—129.

⁵² Отметим, что и в среднеазиатских материалах расписная керамика характерна для комплексов X—XII вв. Э. В. Сайко. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе, 1966, стр. 126—127.

В данной связи нельзя не обратить внимания на исторические события, происходившие здесь в X—XI вв. Это движение в Приаралье кимако-кипчакских племен. Смена направления в керамическом производстве средневекового Отрара приходится именно на X—XI вв. и по времени действительно совпадает с массовым передвижением кимако-кипчакских племен на Сырдарью.

Возможно, с данным этногенетическим процессом на средней Сырдарье связано появление и такой важной детали интерьера жилищ, как длинные очаги типа канов. Они, правда, зафиксированы на Отраре впервые в слое VII—VIII вв., но встречаются здесь и позже, в X—XI вв. В слое монгольского времени на Отраре каны не обнаружены, но они отмечены в это время на Бузуке (правобережном) и в слое конца XII—XIII вв. на Баба-Ате⁵³.

Наконец, горизонтальные дымоходы типа канов выявлены на Отраре в слоях XV—XVI вв. Таким образом, на средней Сырдарье и северных склонах Каратау каны известны с VII—VIII по XV—XVI вв. Между тем для среднеазиатских жилищ каны совершенно нехарактерны. Длинные очаги типа канов есть в верхнем слое городища Джеты-Асар 3, которое датируется VIII в.⁵⁴ Но если для района низовий Сырдарьи каны — редкость, то для района среднего течения Сырдарьи и Каратау устройство канов, по-видимому, устойчивая традиция отопительной системы жилых помещений, распространенная с VII—VIII по XV—XVI вв.

Джетыасарские каны, по мнению исследователей, свидетельствуют о центральноазиатских связях населения приаральских степей и указывают на древнеуйгурские элементы в их культуре⁵⁵. Средневековые каны на средней Сырдарье — доказательство либо традиционности применения данной системы отопления в исследуемом районе, либо продолжающихся контактов с населением, первоначальное местонахождение которого до передвижения на Сырдарью было по крайней мере близко к Центральной Азии — родине канов.

Мы уже отмечали в разделе, посвященном характеристике поливной керамики XIII—XIV вв., что формы сосудов, принципы и мотивы орнаментации отрарской посуды весьма характерны для керамического стиля монгольского времени Средней Азии, Поволжья, Южного Казахстана. В то же время керамика Отрара весьма самобытна. Сравним ее прежде всего с удовлетворительными коллекциями керамики XIII—XIV вв. из соседних районов (Баба-Ата, Сузак, Кумкент).

⁵³ Т. Н. Сенигова. Шахристан. В кн.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 159—161.

⁵⁴ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 190.

⁵⁵ Е. Е. Неразник. О некоторых направлениях этнических связей населения южного и юго-восточного Приаралья в IV—VIII вв. В сб.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 204—205.

Обращает на себя внимание большое разнообразие отрарской керамики. В Баба-Ате и других пунктах северных склонов Каратау насчитывается лишь шесть групп поливной посуды: по красновато-коричневому ангобу — бесцветные, желтые, зеленые; по светлому ангобу — желтые, зеленые (без росписей или с подглазурной гравировкой), а также светлоокрашенные зеленые и желтые с тонкой подглазурной гравировкой⁵⁶. Слои же Отрара XIII—XIV вв. дали 16 групп поливной посуды. Кроме большого разнообразия отрарской керамике также присуща чистота глазури и четкость рисунка. Эти различия посуды объясняются лишь провинциальностью керамических центров Каратау по сравнению с Оттаром. То же самое можно сказать и о левобережных городах, таких, как Мейрам-тобе, Узгент, Аккорган и другие, которые дают аналогичное соотношение керамических групп и в которых общий уровень производства керамических изделий XIII—XIV вв. был ниже по сравнению с Оттаром. В целом же и отрарские мастера, и ремесленники соседних районов работали в едином стиле вкусов и традиций.

Е. И. Агеева, впервые исследовавшая самобытную керамику городищ северных склонов Каратау, выделила глазурованные изделия этих районов в особую провинцию⁵⁷. После раскопок на Оттаре и разведочных работ в соседних районах можно наметить более широкие границы ареала специфичной поливной керамики северокаратауского типа: от Сыгнака до городищ на среднем течении Арыси (Караспан и др.), от северных склонов Каратау (Баба-Ата, Сузак, Кумкент) до Отрара и Саурана на правобережье среднего течения Сырдарьи и Мейрам-тобе на левом берегу реки⁵⁸. Таким образом, перед нами своеобразная местная керамическая школа, которую традиционно можно назвать отрарско-каратауской, учтя название, утвердившееся в литературе для керамических комплексов I—VIII вв. районов среднего течения Сырдарьи и Каратау.

В правомерности подобной интерпретации керамики Отрара и соседних районов Южного Казахстана убеждает сравнение с хронологически одновременными материалами Средней Азии. Судя по последней, наиболее полной сводке типов глазурованной посуды Средней Азии, сделанной Э. В. Сайко⁵⁹, в этом районе и в исследуемом нами встречаются следующие

⁵⁶ Е. И. Агеева. Общий обзор находок. В кн.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 201—203, рис. 63; Л. Б. Ермаков и ч. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 78—81.

⁵⁷ Е. И. Агеева. Общий обзор находок, стр. 203.

⁵⁸ Видимо, северные границы распространения керамики северокаратауского типа в дальнейшем будут расширены. Из устного сообщения Н. Н. Вактурской нам стало известно, что ряд городищ низовьев Сырдарьи дает аналогичные типы керамики (материалы не опубликованы).

⁵⁹ Э. В. Сайко. Среднеазиатская глазурованная керамика XII—XV вв. Душанбе, 1969.

щие аналогичные группы керамики XII—XIV вв.: светлоокрашенные глазури (зеленые и желтые) с подглазурным гравированным узором (Термез, Самарканд, Хорезм); зеленая глазурь, часто с гравировкой (многие районы Средней Азии); палевые поливы, бледно-зеленые или бесцветные с мраморовидной и пятнистой росписью (Шаш); гравировка по ангобу под голубой глазурью, а также голубая глазурь без орнамента или с подглазурной монокромной росписью (широкое распространение); красный подглазурный ангоб и бесцветная или желтая глазурь (Верхний Зеравшан)⁶⁰. Правда, в последних двух группах керамики несколько иные мотивы росписей, к тому же дополненные подглазурной гравировкой, что не характерно для сырдарьинских образцов XIII—XIV вв.

Сделанный обзор показывает, что по крайней мере для половины описанных групп керамики Отрара мы не смогли в материалах Средней Азии найти аналогий.

Следует отметить и другие моменты, которые определяют своеобразие ремесленной продукции отрарско-каратауской керамической школы. Это касается состава теста, цветовой гаммы глазурей, способа орнаментации и стиля орнамента.

Прежде всего примечательно отсутствие керамической продукции на кашинной основе, известной в Средней Азии уже с XII в. В стратиграфическом раскопе Отрара кашин не встречен, лишь в подъемном материале обнаружен один фрагмент. Единичные находки зафиксированы в Кумкенте и ряде других пунктов среднего течения Сырдарьи и склонов Каратау. Правда, для части керамической продукции исследуемого района характерен особый состав теста. Это близкая к кашину масса, но с большим содержанием лёсса, черепок у нее чуть пористый, светло-желтый в изломе. Встречаются образцы красноглиняной керамики, мотивы росписей которых весьма напоминают орнаментацию на кашине. Высокая рельефность многих росписей на керамике Отрара и городов Каратау также перекликается с хорошо известным приемом орнаментации кашинной продукции. Таким образом, сырдарьинские мастера были знакомы с керамикой на высококремнеземистой основе. Видимо, они пытались раскрыть секреты производства, тем более для поисков имелось «под руками» соответствующее сырье — кварц. Но все же производство собственного кашина так и не было освоено.

Видимо, это произошло не вследствие «провинциальности» Отрара и округи или упадка производительных сил в период после монгольского нашествия. Кашинная продукция призвана была заменить дорогостоящий привозной фарфор похожими, но дешевыми изделиями, массовыми и доступными, красивыми и изящными⁶¹. В Средней Азии, Хорезме, Поволжье

⁶⁰ Там же, стр. 22—73.

⁶¹ Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV века. Труды САГУ, вып. XI, Ташкент, 1950, стр. 127.

действительно необычайно широкое производство новой керамики развернулось в XIII в. и позднее. Например, в золотоордынских городах Нижнего Поволжья кашинная продукция составляет иногда до 70% глазурованной посуды⁶². Была ли необходимость осваивать новый тип продукции в Отраре? Быть может, вкусам местных потребителей, положим, менее изысканным, чем жителей Самарканда, вполне отвечала традиционная продукция? Правомерность такого объяснения отсутствия местного кашина в Южном Казахстане как будто подтверждает многочисленность и большое разнообразие глазурованной посуды XIII—XIV вв.

Следует сказать о несколько необычной форме поддона чаш и пиал Отрара монгольского времени. Он полукольцевой, с небольшим выступом на середине. Сосуды с кольцевым поддоном не встречены, что также не характерно для Средней Азии, где такие изделия были широко распространены в XIII—XIV вв., в частности из кашина⁶³.

Небезынтересно, что в известных нам публикациях о Средней Азии не говорится о керамике с розовой поливой, двусторонней желтой и зеленой, голубой и марганцевой глазуриями, с подглазурными росписями и без них, образцы которой извлечены из слоя XIII—XIV вв. стратиграфического раскопа Отрара.

В керамике Отрара и соседних городов обнаружено лишь несколько фрагментов с подглазурной гравировкой, что также несвойственно для среднеазиатской керамики того же периода, которую часто украшали таким способом⁶⁴. Отрарско-каратауской школе присущи светлые подглазурные росписи по красновато-коричневому ангобу. Они не характерны для Средней Азии, где распространены окрашенные росписи (кобальт, черные и т. д.). Наконец, для исследуемой керамики типичны геометризация узора и подчиненное положение растительного рисунка, в то же время на посуде Средней Азии более распространен растительный орнамент, особенно на изделиях с голубой глазурью⁶⁵.

Отрарско-каратауская керамическая школа XIII—XIV вв. продолжила также традиции предшествующего времени. Еще Е. И. Агеева обратила внимание на повторение некоторых узоров расписной керамики X—XII вв. в поливной посуде монгольского времени. Преемственность имелась и в использовании традиционных мотивов типа «вихревой розетки» и геометрических рисунков⁶⁶. Следует подчеркнуть, что в материалах Баба-Аты отмече-

⁶² Н. М. Булатов. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах. «Вестник МГУ», 1969, № 2 (История), стр. 48.

⁶³ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Труды ХАЭЭ, т. IV, М., 1959, стр. 392.

⁶⁴ Э. В. Сайко. Среднеазиатская глазурованная керамика XII—XV вв., стр. 31 и след.

⁶⁵ Там же, стр. 40.

⁶⁶ Е. И. Агеева. Общий обзор находок. В кн.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 203.

но бытование сосудов с лощением и красным ангобом вплоть до XII в., когда красный ангоб уже стал вытесняться светлым⁶⁷. Но в поливной керамике красный ангоб продолжали применять и создавали в сочетании с окрашенными глазурями разнообразные цветовые гаммы росписей на темном фоне. Таким образом, своеобразие глазурованной посуды XIII—XIV вв. было подготовлено еще в предшествующий период, традиции которого получили дальнейшее развитие в новом качестве в поливной керамике.

Перечисленные особенности определили место отрарско-каратауской керамики по отношению к среднеазиатским изделиям XIII—XIV вв. Имеется еще один район высокохудожественной керамической продукции, сравнение с материалами которого дает любопытные результаты,— это города Золотой Орды в Нижнем Поволжье. При хронологии слоев Отрара мы ссылались на хорошо датированные золотоордынские комплексы, среди которых, судя по последним публикациям, были группы красноглиняной керамики: посуда с зеленой поливой и с подглазурной росписью светлым ангобом (невысоким рельефом), керамика с желтой поливой, изделия с двусторонней желтой и зеленой поливой⁶⁸. Прямые аналогии некоторых групп сырдарьинской и поволжской керамики заслуживают особого внимания.

Как известно, одним из главных вопросов археологии Золотой Орды является проблема генезиса культуры джучидских городов. Еще в работах А. Ю. Якубовского было высказано мнение о синкретизме золотоордынской культуры и выявлены хорезмийские истоки части золотоордынской поливной керамики⁶⁹. Археологические исследования последних лет на территории Золотой Орды позволили многое уточнить. Наряду со среднеазиатским компонентом в посуде джучидских городов прослежены и другие культурные влияния: волжско-болгарские, северокавказские, закавказские, херсонесско-византийские⁷⁰. Тем не менее проблему генезиса золотоордынской культуры нельзя считать окончательно решенной. Как констатировал Г. А. Федоров-Давыдов, «основная масса керамики пока еще не находит своих прямых прототипов... Это основные типы неполивной керамики и типы поливной керамики на плотном красном тесте»⁷¹.

Описанные типы поливной керамики в городах Нижнего Поволжья и Южного Казахстана говорят не только об одновременном (XIII—XIV вв.) существовании одних и тех же групп керамики в различных частях Золотой Орды, но и позволяют уточнить характер культурных взаимосвязей.

⁶⁷ Там же, стр. 209.

⁶⁸ Н. М. Булатов. Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Автореферат канд. дисс. М., 1969.

⁶⁹ А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. «Известия ГАИМК», т. VIII, вып. 2—3, 1931; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 160—178.

⁷⁰ Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА, 1964, № 1, стр. 263—267.

⁷¹ Там же, стр. 267.

Как отмечалось, поливная продукция XIII—XIV вв. на берегах Сырдарьи своими традициями связана с керамикой предшествующего времени. Местные истоки поливной керамики, наконец, более ранняя датировка аналогичных материалов со средней Сырдарьи опровергают возможность влияния Нижнего Поволжья на Южный Казахстан, предполагая обратную связь, по крайней мере в период становления золотоордынских центров в Нижнем Поволжье в середине XIII в. Таким образом, выявляется новый компонент, участвовавший в сложении золотоордынской городской культуры, — южноказахстанский. В связи с этим возможны и пути этнокультурной конкретизации южноказахстанского компонента.

Исследователи Золотой Орды считают, что носителями той синкретической культуры, которая называется городской культурой Золотой Орды, были половецкие племена⁷². Половецкий (кипчакский) компонент определяется по лингвистическим данным и прослеживается в материальной культуре: серьги в виде знака вопроса, сумки с железными оковками из культурных слоев городищ, погребения с кочевническим набором вещей на мусульманских кладбищах Нового Сарая⁷³. Однако отсутствие развитой традиции оседлости половцев в домонгольский период натолкнуло исследователей на мысль, что образование половецкого городского населения не было результатом длительного процесса оседания, в связи с чем и их вклад в городскую культуру оказался незначителен по сравнению с вкладом оседлых мастеров других стран⁷⁴. С этим утверждением можно согласиться, если иметь в виду половцев южнорусских степей. Что же касается собственно кипчаков (восточных), то есть основания предполагать наличие более древних традиций оседлости в их среде.

Сведения письменных источников позволяют локализовать часть кипчаков начиная с X—XI вв. в бассейне Сырдарьи. В. В. Бартольд отмечал, например, что кимаки близ Саурана, упомянутые еще Макдиси, были, вероятно, кипчаками. С начала XI в. они стали соседями Хорезма. Во второй половине XII в. Сыгнак является политическим центром кипчаков на Сырдарье⁷⁵. Существует мнение, что основная масса огузов долины Сырдарьи и Приаралья была разгромлена кипчаками, которые заставили мигрировать крупную группировку огузов в Западное Приаралье и дальше на запад⁷⁶.

Археологические материалы кимако-кипчакского круга в Казахстане характеризуют пока лишь быт и культуру скотоводческой части этих пле-

⁷² Там же, стр. 269.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. См.: его же. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 204—212.

⁷⁵ В. В. Бартольд. Новый труд о половцах. Соч., т. V, М., 1968, стр. 392—408; его же. Кипчаки. Соч., т. V, М., 1968, стр. 550—551.

⁷⁶ С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, стр. 226—229.

мен⁷⁷. Но данные письменных источников («Худуд-ал-Алем», ал-Идриси, Марвази), в которых упоминаются города кимаков⁷⁸, позволяют предполагать появление оседлых традиций в среде кимаков еще до их продвижения на Запад. Тенденция к оседлости части скотоводческих племен кимако-кипчакского круга должна была получить дальнейшее развитие в городах на Сырдарье и склонах Каратау задолго до монгольского нашествия. Вполне вероятно, что в процессе длительной трансформации части бывших кочевников в оседлое население и происходило сложение тех своеобразных черт материальной культуры, которые прослеживаются, в частности, при анализе поливной керамики городищ Южного Казахстана XIII—XIV вв.

Учитывая распространение типов южноказахстанской поливной керамики далеко на северо-запад от Сырдарьи, возможно, что именно часть кипчакского оседлого населения, вытесненного монголами из Южного Казахстана, явилась одним из участников сложения золотоордынской городской культуры.

Конечно, характер намечаемых связей далеко не ясен. Южный Казахстан представлен в золотоордынской культуре пока только поливной керамикой. Важность и значимость этого компонента еще предстоит выяснить с помощью анализа других предметов материальной культуры XIII—XIV вв., в частности неполивной керамики, коллекции которой из Нижнего Поволжья изучены значительно лучше, чем из Южного Казахстана. В данном случае нас интересовал не столько вопрос культурных связей различных частей золотоордынского государства, сколько возможность решения вопроса этнокультурной принадлежности керамики городов на средней Сырдарье и склонах Каратау. Именно в этом плане аналогичные материалы Поволжья и Южного Казахстана могут быть отправными моментами.

Новым этапом в развитии поливной посуды Отрара следует считать XV век, когда в поливной керамике происходят изменения традиционных форм, поливой покрываются новые типы посуды (кувшины, тагоры), красный ангоб перестает употребляться как цвет фона, распространяются окрашенные росписи (кобальт, марганец и т. д.) под бесцветной, голубой и бирюзовой поливами, а сложные росписи встречаются как на внутренней, так и на внешней поверхности сосудов. В поливной керамике отмечены аналогичные среднеазиатским формы сосудов, тот же цветовой состав глазури и красок росписей, мотивы орнамента и принципы распределения его по поверхности керамических изделий. Таким образом, в отличие от предшествующего периода в XV—XVI вв. происходит значительное сближение стиля, присущего сырдарьинским мастерам и среднеазиатским керамистам. И тем не менее керамическая продукция Отрара продолжает сохранять своеобра-

⁷⁷ Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 110—111.

⁷⁸ Б. Кумеков. Города кимаков. «Известия АН КазССР, серия обществ.», 1969, вып. 3, стр. 60.

зие. Попытаемся определить те моменты, которые свидетельствуют о самобытности стиля отрарской художественной керамики XV—XVI вв., отмеченного еще Г. А. Пугаченковой по материалам А. К. Кларе и А. А. Черкасова⁷⁹.

По-прежнему отсутствуют кашинные изделия, между тем в Средней Азии в XV в. они распространены очень широко⁸⁰. Основная масса керамики изготовлена из обычной глины. У сосудов продолжает бытовать полукольцевой поддон с выступом, хотя встречается и «классический» кольцевой поддон, в основном на крупных изделиях типа низких широких блюдец.

Композиционное построение орнамента, характер узоров в основном тот же, что и в среднеазиатской керамике. Но нельзя не отметить прежде всего наличие довольно сложных графических узоров, состоящих из элементов больше геометрических, чем растительных. Возможно, последнее объясняется тем, что нам пока не удалось хронологически дробно расчленить керамику XV—XVI вв., хотя некоторые данные говорят о том, что геометризация росписей, видимо, более характерна для XVI, чем для XV в. Но, во всяком случае, уже сейчас на имеющихся материалах заметно, что сырдарьинские керамики не увлекались узорами сугубо реалистичного растительного характера. В керамике Отрара отсутствуют также «пейзажные» и зооморфные мотивы, свойственные для посуды Самарканда и Южной Туркмении⁸¹. Сырдарьинские мастера если и использовали растительные мотивы, то значительно стилизованные.

Вслед за Г. А. Пугаченковой мы хотим еще раз отметить распространение сложно-орнаментальных композиций в художественной керамике Отрара XV—XVI вв. Напомним великолепные росписи кобальтом на блюде, образцы сложно-орнаментальных композиций растительного характера (сильно стилизованных), занимающих всю плоскость дна тагор, встреченных еще в материалах А. К. Кларе и А. А. Черкасова. Кстати, следует сказать, что в известных нам публикациях керамики Средней Азии XV—XVI вв. нет крупных хозяйственных сосудов типа тагоры, росписи которых были бы столь же многообразны и выразительны, как и на столовой посуде.

Несомненный интерес представляет обнаруженный в росписях элемент в виде рогообразного завитка «кошкар муйиз». Данный элемент хорошо известен в узоротворчестве казахов, он употребляется в различных вариациях на тканях, текеметах, сырмаках, одежде, в резьбе по дереву,

⁷⁹ Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV века, стр. 117—118.

⁸⁰ Э. В. Сайко. Среднеазиатская глазурованная керамика XII—XV вв., Душанбе, 1969, стр. 75.

⁸¹ Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв., стр. 400—413; е е ж е. Самаркандская керамика XV века, стр. 99—118; С. Б. Лунина. Новые сборы тимуридской керамики в Южном Туркменистане. «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 7—8, стр. 93; Э. В. Сайко. Среднеазиатская глазурованная керамика XII—XV вв., стр. 76.

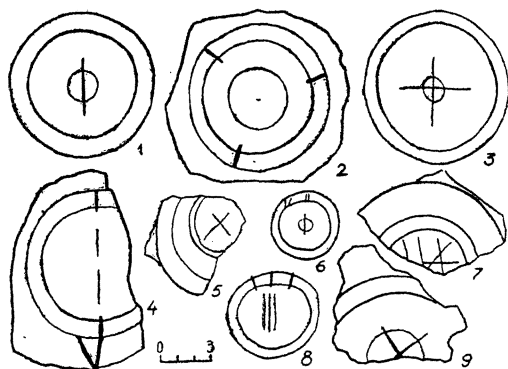

Рис. 160. Знаки на поддонах поливной керамики Отара.

периода. Достаточно припомнить глиняные основы, поддон с выступом, такие мотивы орнамента, как пятнистая роспись, точки на закраине и особенно различные варианты «вихревой розетки», зачастую лишь более усложненные, чем в X—XIV вв.

Следовательно, судя по отарской керамике XV—XVI вв., также можно говорить о своеобразии керамического стиля на берегах Сырдарьи, продолжающего традиции отарско-каратауской керамической школы. Однако нельзя не отметить, что отарская посуда XV—XVI вв. имеет больше схожих черт с керамикой этого же периода среднеазиатских центров (Самарканд, Ташкент), чем в XIII—XIV вв. Объяснение этому вряд ли следует искать во внешнеполитических событиях XV—XVI вв., имея в виду походы Тимура и его преемников в казахстанские степи. Походы носили, как правило, характер карательных акций против аборигенов, стремившихся отстоять традиционные места своих зимних пастбищ, города на Сырдарье и в Каратау. Представители среднеазиатских династий пытались создать из сырдарьинских городов сильные пограничные крепости, своеобразный кордон на границе Дешт-и-Кипчака.

Достаточно вспомнить экономическую блокаду Шейбани-хана, его запрет на торговлю с казахами. Если бы подобные действия имели длительный успех, то культурные слои Отара вряд ли дали бы достаточно выразительные и своеобразные комплексы материальной культуры. Вполне возможно, что оседлая и кочевая скотоводческая среда создавала необходимые предпосылки для расцвета экономики Отара, Саурана, Сыгнака и других присырдарьинских городов, специфика развития которых всегда за-

на металле и т. д.⁸² Рогообразные завитки типа «кошкар муйиз» — едва ли не самые излюбленные в народном творчестве не только современных тюркских народов. Это глубокая традиция, восходящая к сакскому искусству⁸³ и прослеживаемая, пожалуй, на всех этапах развития искусства тюркских народов.

Поливная керамика Отара XV—XVI вв. — несомненно новое явление. XV век принес с собой новые типы глазурованной посуды, широкое применение кобальта и других красителей, наконец, общий более высокий уровень развития керамического ремесла. Однако новое было тесно связано с традиционным направлением предшествующего

⁸² «Казахский народный орнамент». Алма-Ата, 1958; «Народное декоративно-прикладное искусство киргизов». Труды КАЭЭ, т. V, М., 1968, стр. 21.

⁸³ См., например: С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, табл. XCIV—CIII.

ключалась в тесных экономических и культурных связях и этнической общности оседлоземледельческой и кочевой среды. Города на Сырдарье должны были способствовать расширению культурных связей и контактов казахов с населением Средней Азии в позднем средневековье, что наблюдается, в частности, при анализе керамических изделий. Общность и прочность связи оседлого и кочевого населения содействовали расцвету ремесла и торговли, расширению рынков сбыта ремесленной продукции и сырья в городах на Сырдарье.

На поддонах поливных изделий Отрара XV—XVI вв. и других городов Сырдарьи и Каратау нередко встречаются знаки, прочерченные до обжига (рис. 160). Эти знаки напоминают родовые тамги казахов⁸⁴. Насколько известно, подобные тамги еще не отмечены в позднесредневековой среднеазиатской керамике. Таким образом, перед нами еще одна своеобразная черта сырдарьинских материалов, свидетельствующая либо о родоплеменной принадлежности мастера, либо о принадлежности той или иной керамической мастерской главам казахских родов. Дальнейшие исследования в этом направлении весьма важны, так как до сих пор практически ничего не известно об организации ремесла в присырдарьинских городах позднего средневековья.

У нас пока еще мало фактов, указывающих на струю «степного» влияния в керамике Отрара. Но описанные моменты позволяют надеяться, что исследования в этом направлении будут плодотворными.

---

⁸⁴ В. В. Востров, М. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1968, стр. 56—80.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ДРЕВНИЙ ОТРАР И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА

Уже более ста лет в археологическом исследовании Казахстана существуют свои традиционные направления, заключающиеся в параллельном изучении памятников как кочевого, так и оседлого населения древнего и средневекового Казахстана. Определение этих направлений не было результатом волюнтаристских или иных тенденций, а явилось научным итогом учета специфики исторического развития древнего Казахстана, в котором со времени разделения андроновских племен на оседлых (замараевский этап андроновской культуры) и кочевых (дандыбай-бегазинская культура) тесно взаимодействовали оседлое и кочевое население; прогресс скотоводческого и земледельческого хозяйства стимулировался взаимным влиянием, взаимно обогащались две формы культуры — кочевническая и оседлая. Такой подход к изучению казахстанских древностей полностью оправдал себя достижениями, известными в науке. Напомним об успехах в регистрации и картировании памятников¹, первых обобщенных археологических и востоковедческих сведений о поселениях и средневековых городах², о работах по культуре эпохи бронзы Центрального, Северного, Восточного и Западного Казахстана³, об итоговых трудах этапного характера, посвященных истории и культуре саков и усуней Семиречья⁴ и памятникам тасмолинской культуры Са-

¹ «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960.

² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958; А. Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950; А. Г. Максимова, М. С. Мершиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968; К. А. Пищулина. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках. Сб. «Казахстан в XV—XVIII вв.». Алма-Ата, 1969.

³ А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966; А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960; В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-бутак 1 в Западном Казахстане. МИА, № 120, 1962.

⁴ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

ры-Арки⁵. В настоящее время вышла книга о средневековом Таразе⁶, закончены и подготавливаются к изданию монографии о палеолите Южного Казахстана, культуре финальной бронзы, древней истории Семиречья. Уже по перечню видна наметившаяся неравномерность в изучении памятников разных эпох, в частности, отставание в развитии средневековой археологии и в особенности в изучении городской культуры. Поэтому одной из задач планируемых работ в Южном Казахстане, связанных с раскопками Отрара, является ликвидация данного пробела.

Перспективность изучения Отрара и широкого круга его памятников обусловлена рядом объективных причин.

Первая из них заключается в том, что Отрарский оазис и прилегающие к нему регионы были древнейшим центром оседлости, ирригационного земледелия и городской цивилизации Казахстана. Поиски истоков этой культуры приведут нас к древнейшей культуре присырдарьинских племен эпохи поздней бронзы и оседлых саков, обитавших там в первом тысячелетии до нашей эры. В последнее время в низовьях Сырдарьи, в дельте мертвых рек Жанадарьи и Инкардарьи были открыты и раскопаны монументальные многокамерные погребальные сооружения саков, относящиеся к VIII—III вв. до н. э. Эти древнейшие мавзолеи типа Тагискен, Баланды 2, Чирик-рабат, Бабиш-мулла 2, с купольным перекрытием (?), сложенные из сырцового кирпича (54×28×10—12, 48×32×10—12 см)⁷, свидетельствуют о том, что древнее население Южного Казахстана владело не только техникой изготовления кирпича-сырца, но и сооружало из него культовые здания сложного решения, имело многовековой технической опыт строительства. Несомненно, этот опыт и умение были приобретены в результате возведения жилых и хозяйственных помещений, планировки и архитектурного оформления поселений и крепостей.

Археологические данные, накопленные за эти же годы, показывают, что в первых веках первого тысячелетия нашей эры ранние укрепленные поселения получают распространение по всей территории Южного Казахстана. Так, в долине р. Арысь во время поисковых маршрутов зарегистрировано и обследовано более 30 поселений-крепостей. Раскопы, заложенные на поселениях Кос-тобе (южное), Тортколь-тобе и Караул-тобе⁸, вскрыли куль-

⁵ М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры. В кн.: «Древняя культура Центрального Казахстана». Алма-Ата, 1966.

⁶ Т. Н. Сенигова. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.

⁷ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 80—88, 144—152, 165—168, 170—179.

⁸ К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ермакович. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана. В кн.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969; Н. П. Подушкин. Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана. «Известия АН КазССР, серия обществ.», 1968, вып. 5; его же. Ранние оседлые поселения долины Арыси (I—VIII вв.). Автореферат канд. дисс. Алма-Ата, 1970.

турные напластования, относящиеся к трем хронологическим периодам жизни поселений — к I—IV, V—VI и VII—VIII вв. В Таласской долине раскопки поселений Шоль-тобе и Кызыл-Кайнар-тобе позволили определить примерно эти же столетия их бытования⁹. Большое количество подобных памятников известно по среднему и нижнему течению Сырдарьи. К сожалению, из них частично раскопаны лишь Актобе 2 (Чардаринское)¹⁰, Алтын-Асар и несколько других памятников джетыясарской культуры¹¹. Как свидетельствуют исследования на поселении Актобе (Баба-Атинское)¹², в это же время, т. е. в первые века нашей эры, очаги оседлости и земледельческой культуры возникают в районах далеких северных склонов Каратау, в южных пределах кочевого Дешт-и-Кипчака. Существенно дополняют перечисленные сведения данные, полученные при раскопке средневековых городищ. Стратиграфический раскоп, поставленный на городище древнего Отрара (1969—1970 гг.), и шурфы наших предшественников на ряде других южно-казахстанских городищ (Куйрук-тобе, Алтын-тобе, Куюк-Мардан)¹³ дали материал, свидетельствующий о том, что руины ранне- и позднесредневековых городов перекрывают остатки ранних поселений.

Теперь мы можем более обоснованно, чем лет 15—20 назад, констатировать, что в эволюции южноказахстанского средневекового города устанавливается генетическая преемственность от ранних поселений до развитого феодального города. Конечно, этот путь развития не был единственно возможным путем зарождения средневекового города. Но сделанный вывод принципиально важен для изучения генезиса города и установления соразмерности самобытного и заимствованного в его культуре.

В период развитого средневековья Южный Казахстан с Отрарским оазисом становится одним из крупнейших центров городской цивилизации Казахстана. О масштабах экономического и культурного развития оазиса говорят руины свыше 60 поселений, замков-крепостей и городов, следы мощной и широко разветвленной оросительной системы. В центре оазиса ныне высится громада городища древнего Отрара, достигающая 18 м. По археологическим данным, хронологические пределы жизни Отрара охватывают период с IV—VI по XVII—XVIII вв. Таким образом, земляной холм городи-

⁹ Раскопки М. С. Мерциева в 1966—1968 гг. См.: М. С. Мерциев. Поселение Кызыл-Кайнар-тобе I—IV вв. и захоронение на нем воина IV—V века. Сб. «По следам древней культуры Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 79—92.

¹⁰ Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Поселение Актобе (I — начало IV в. н. э.). В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968, стр. 11—71.

¹¹ Т. Н. Сенигова. Керамика городища Алтын-Асар (Опыт хронологической периодизации). Автореферат канд. дисс. М., 1954; Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыясарской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966.

¹² Т. Н. Сенигова. Поселение Актобе. В кн.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 57—87.

¹³ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых городов и поселений Южного Казахстана, стр. 26—60.

ща хранит почти полуторатысячелетнюю историю Отрара, как свидетельствуют письменные источники, богатую событиями.

Округ Фараб дал человечеству великого ученого-энциклопедиста Абу Насра аль-Фараби. По некоторым сведениям, можно предполагать, что в Отраре имелось свое книгохранилище. Так, по сообщению Рузбехана и Бенаи, в XV в. рукописи из Отрара доходили до города Сыгнака, где были переданы в дар Шайбани-хану¹⁴. Вполне возможно, что Отрар был не только центром экономической и культурной жизни, но и центром научной мысли средневекового Казахстана.

Жизнь Отрара и его оазиса оказывала серьезное влияние на жизнь периферии¹⁵. Различная продукция отрарских ремесленников поступала на рынки городов северных и южных склонов Каратау — Сузака, Кумкента, Карасуана, Сюткента и Икана; среднего течения Сырдарьи — Яссы, Саурана, Сыгнака, Кауган-Аты, Аккоргана, Узгента; долины р. Арысь, находившихся на местах городищ, ныне известных под названием Караспан-тобе, Джуан-тобе, Шор-тобе.

Изложенное дает основание включить в комплекс отрарских проблем разработку таких вопросов, как генезис городской культуры Казахстана, развитие строительного искусства и архитектурного декора, историческое место Отрарского оазиса в средневековом Казахстане, история города Отрара.

Вторая из причин — географическое расположение региона между оседлоземледельческими оазисами Средней Азии и кочевым скотоводческим Дешт-и-Кипчаком. Именно в этом районе, как нигде больше, еще с глубокой древности происходила инфильтрация племен, смешение и взаимное влияние культур. Если зарождение оседлого быта и земледельческой культуры, возникновение укрепленных поселений происходило автономно еще в первых веках до нашей эры, то на развитие их, особенно начиная с VI—VIII вв., т. е. со времени вынужденного переселения согдийцев после занятия тюрками кагана Истеми (560 г.) Согдианы и захвата Або-ханом (587 г.) Бухары, оказали влияние согдийцы-переселенцы, имевшие большой опыт земледельческого труда и древние традиции градостроительства. В итоге в Южном Казахстане сложилась своеобразная городская цивилизация, в которой четко вычленяются пласты самобытной и элементы пришлой культуры.

Благодаря упомянутым археологическим открытиям существующее в исторической литературе мнение, что древний Казахстан был лишь страной кочевых скотоводческих племен с варварской культурой, а остатки городской цивилизации, имевшиеся на обширной территории юга Казахстана,

¹⁴ «Михман-наме-и Бухара». Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 5885, л. 75 б; «Шайбани-наме». Рукопись Ин-та востоковедения АН УзССР, № 8841, л. 8а.

¹⁵ А. Н. Бернштам. Древний Отрар. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1951, вып. 3.

якобы принадлежат пришельцам из Согда и Хорезма и что средневековая городская культура Казахстана обязана своим происхождением согдийским переселенцам (или колонизаторам), является ошибочным, не соответствующим исторической действительности.

Археологические изыскания, проведенные за последние 10—15 лет на огромной территории, заселенной с глубокой древности кочевыми ското-водами, — в Монголии¹⁶, Туве¹⁷, Семиречье¹⁸, Центральном Казахстане¹⁹, убедительно доказали, что и в этих регионах была развита оседлость, существовали поселения-крепости, города-убежища и города — центры культурной и политической жизни всего оазиса. Таким образом, и для этих районов характерно кочевничество для одной (по-видимому, большей) части населения и оседлость для другой, а в целом кочевое скотоводство и земледелие составляли единую экономическую основу общества. Если кочевник не мог обходиться без продукции земледельца, то и земледельческое производство стимулировалось спросом кочевнического рынка. Кроме того, рынок земледельческих оазисов также нуждался в традиционных товарах сбыта скотоводческих племен. Своеобразие этих регионов состоит еще в том, что процесс перехода к кочеванию и оседанию был взаимозависим, кочевники пополняли ряды оседлого населения, занимаясь земледелием и ремеслом, а осевшие нередко переходили к кочеванию, пополняя ряды скотоводов. Здесь особенно четко проявилось то, что кочевники-скотоводы и земледельцы составляли единые производительные силы общества, а не были вечными противниками, т. е. это не было общество, где земледельческое население выступало как созидательная сила, а кочевники — как варвары, разрушители цивилизации.

Как свидетельствуют письменные и археологические источники, не только в этих исконно скотоводческих странах кочевники не были вечными разрушителями, но и в странах городской цивилизации они не всегда находились в состоянии войны с земледельцами. Войны становились неизбежными лишь тогда, когда кочевники утрачивали связи с оазисами, лишались жизненно необходимых им товаров земледельческого производства. Местонахождение Южного Казахстана на стыке двух культурно-экономических миров делает правомерным включение в проблематику Отрара изучение таких двух важных для средневековой истории и культуры Казахстана и Средней Азии проблем, как средневековые города Южного Казахстана и исторический Дешт-и-Кипчак, средневековый Южный Казахстан и Согд. Эти проблемы имеют многочисленные историко-археологические аспекты, изуче-

¹⁶ См.: «Древнемонгольские города». М., 1965.

¹⁷ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969.

¹⁸ К. М. Байпаков. Средневековые города и поселения Семиречья. «Известия АН КазССР, серия обществ.», 1966, вып. 2.

¹⁹ А. Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

ние которых важно для средневековой истории всего Казахстана. Отметим лишь некоторые из них. Первая проблема, как она сформулирована, включает следующие темы: культурные, торговые и политические взаимоотношения кочевников и земледельцев; роль кочевых скотоводов в развитии городов, а городов — в экономике и культуре кочевнических племен; соотношение элементов кочевнической и земледельческой культур в средневековой городской цивилизации Южного Казахстана; этническая общность юга Казахстана и Дешт-и-Кипчака, история и культура кипчаков.

Очевидно, что названные темы являются первоочередными для казахстанской археологии, так как они в связи с существовавшим с древних эпох кочевничеством одной части населения и оседлостью другой отражают своеобразие археологии Казахстана, теснейшую взаимозависимость кочевых скотоводов и оседлых земледельцев, кочевнической и земледельческой культур.

Несомненно, и для разработки этих тем раскопки Отрара и памятников оазиса дадут необходимый археологический и палеоантропологический материал, но все же вряд ли он будет основным и определяющим, так как Отрар и другие древности его оазиса являются памятниками преимущественно оседлого населения, земледельческой культуры.

Безусловно, опорными памятниками будут городища и курганные могильники, расположенные на склонах гор Каратау, особенно на северных, примыкающих к стране кочевников Дешт-и-Кипчаку. В этом аспекте весьма перспективны многолетние раскопки могильников Сызганского (юго-восточнее с. Сузақ) и Узунбулакского (восточнее с. Чулак-Курган) и ранних поселений типа Актобе Баба-Атинского и Коктобе Сузакского²⁰ и наиболее крупных городищ района, как Сузак и Кумкент.

Самостоятельной и важнейшей темой древней истории Казахстана, но тесно связанной с указанной проблематикой, являются вопросы истории и культуры кипчакских племен — основных обитателей огромных степей Дешт-и-Кипчака. Велика роль древних кипчаков в сложении казахского народа, его материальной культуры, языка и в образовании государства — Казахского ханства. Известно также, что государство Абулхайр-хана (20-е годы XV в.) образовалось в кипчакских степях и в общественном отношении в нем кипчаки, по-видимому, составляли большинство. Нам кажется исторически оправданным государство Абулхайра называть Кипчакским ханством, а не государством кочевых узбеков, как принято в исторической литературе.

Однако в каком плане ни решался бы этот вопрос, бесспорно одно, что история древних кипчаков имеет отношение к истории казахского, узбекского, каракалпакского, отчасти и туркменского народов. Поэтому поиски и раскопки кипчакских древностей приобретают принципиальное значение.

²⁰ Кок-тобе — это поселение сако-усуньского времени, находится в 5 км на ЮЮЗ от с. Сузак, открыто во время наших поисковых работ в 1969 г.

Тем не менее изучением памятников кипчаков до сих пор специально не занимались. На территории Дешт-и-Кипчака раскопано лишь несколько погребений, которые, по мнению А. Х. Маргулана, можно отождествить с кипчацкими²¹. В итоге культура этих многочисленных племен остается лакуной в наших знаниях, что следует восполнить. Необходимо предпринять поиски и организовать раскопки кипчацких памятников в самом Южном Казахстане и в близлежащих районах — в северном Приаралье, включая Мугоджарские и Улутауские горы, в низовьях р. Сарысу, в предгорьях Ортау, Кзыл-арай, Бугулы и Бегазы²².

В Южном Казахстане объектом многолетних исследований должно стать городище древнего Сыгнака. Мы считаем, что по своей научной значимости для древней и средневековой истории Казахстана Сыгнак является объектом № 2, если Отрар считать объектом № 1. Город Сыгнак, как и Отрар, имевший почти полуторатысячелетнюю историю, в течение нескольких, включая и XII в., столетий был столицей кипчацких племен, а позднее — казахских ханств. Вторая проблема содержит такие аспекты, как экономические, культурные и политические взаимоотношения средневекового Южного Казахстана и Согда; роль согдийцев в развитии средневековых городов Казахстана, выявление согдийских элементов в культуре и строительной технике.

И, наконец, перспективность изучения района объясняется ролью и местом Южного Казахстана в образовании казахского народа и сложении казахской государственности. Для решения данных вопросов археологические изыскания должны быть максимально приближены к событиям XV—XVIII вв., объектом исследования в союзе с палеоэтнографией и антропологией должны быть памятники материальной и духовной культуры собственно казахского народа. Раскопки мертвых городов Южного Казахстана, особенно верхние культурные слои таких городищ, как Отрар, Сыгнак, Узгент, Аккорган, Сузак²³, дадут большой и ценный материал. Однако совершенно необходимы поиски и раскопки развалин зимовок, остатков летних стоянок, монументальных построек, ирригационных сооружений и семейно-родовых кладбищ XV—XVIII вв.²⁴ Комплексное изучение даст возможность не только лучше проследить развитие сложившейся культуры казахов, но и путем сопоставления ее с уже имеющимся археологическим материалом ранних, доказахских эпох установить истоки происхождения материальной

²¹ А. Х. Маргулан. Раскопки погребения воина XIV в. в долине реки Нуры. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, Алма-Ата, 1959, стр. 248—261.

²² А. Х. Маргулан. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1951, вып. 3, стр. 33—37.

²³ Л. Б. Ермакович. Оседлая культура Южного Казахстана XIII—XVIII вв. Автореферат канд. дисс. Л., 1966.

²⁴ С 1969 г. один из отрядов Отрарской археологической экспедиции занимается поисками и изучением памятников этого времени. В результате работ в 1970 г. в районе городища Сауран обследован ряд казахских поселений-зимовок XV—XVII вв.

и духовной культуры казахского народа. Генезис материальной и духовной культуры — одна из важнейших проблем этногенеза народа.

Юг Казахстана, низовья и среднее течение Сырдарьи, предгорья Каратау и северо-запад Семиречья с глубокой древности были районом зимовок многих и многих скотоводческих племен, а позднее — большинства казахских родов и племен²⁵. Это и определило, что именно здесь начался и завершился процесс консолидации многочисленных племен Казахстана в единый народ. Южный Казахстан — колыбель казахского народа.

Проблема древнего Отрара, памятников его оазиса и периферии включает, кроме отмеченных, круг узловых вопросов, без изучения которых не может быть решена проблема этногенеза казахского народа, в частности генезис материальной и духовной культуры. Поэтому под комплексностью намечаемых работ следует понимать не только участие в работах различных специалистов-гуманитариев, целевую постановку широкого круга историко-археологических, историко-экономических, историко-лингвистических и других проблемных тем, но в первую очередь раскопки памятников разных эпох, как в самом оазисе, так и на прилегающей к нему территории, к которой относятся долина р. Арысы, низовья Сырдарьи, южные и северные склоны Каратау, низовья рек Чу и Сарысу, Северное Приаралье. Они должны проводиться одновременно со стационарными масштабными раскопками городища древнего Отрара.

Из отрарской проблематики не исключается тема расселения первобытного человека на территории Казахстана и эволюции его культуры, как часть общей проблемы истории расселения человечества на нашей планете. Необходимо продолжать поиски новых и изучение известных стоянок и местонахождений эпохи палеолита. При этом одной из основных целей поисковых работ должны быть палеоантропологические находки.

На юге Казахстана до сих пор выявлено мало памятников эпохи бронзы, хотя неоднократно предпринимались специальные поиски²⁶. Тагискен и Тау-тары — пока единственные известные могильники андроновской и дандыбай-бегазинской культуры²⁷. Между тем изучение памятников южно-казахстанского варианта этих культур имеет важное значение для разработки вопросов миграции и исторических судеб андроновских племен, происхождения саков и кангюев Южного Казахстана. Поэтому необходимо продолжить поиски поселений и могильников бронзового века, особенно в таких наиболее перспективных районах, как Каратау, низовья рек Чу и Сарысу.

²⁵ В. В. Востров, М. С. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата, 1968.

²⁶ В 1958—1959 гг. — А. Г. Максимовой; в 1968—1969 гг. — К. А. Акишев; в 1969 г. — А. М. Оразбаевым.

²⁷ А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в ур. Тау-тары. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 80—88.

В проблематике археологических исследований в Южном Казахстане и в планах раскопок значительное место занимают вопросы археологии саков, усуней — ассов и кангюйев. Производственная деятельность последних явилась фундаментом, на котором выросли оседлые земледельческие поселения в Казахстане, развилось земледелие и градостроительство. Культура саков и кангюйев — первооснова культуры средневековых городов. Необходимо расширить поиски и раскопки памятников этих периодов, особенно связанных с оседлостью и земледелием. На начальных этапах работ опорными памятниками могут быть: для сакского времени — могильники типа Тагискен (поздний), Уйгарак²⁸, Берккара²⁹, для усуньско-кангюйского — поселение типа Караул-тобе (р. Арысь) и могильники типа Тамды³⁰. Следует помнить, что находки из захоронений имеют первостепенное значение при хронологическом членении культуры вообще, так как лучше разработана классификация инвентаря по типам и этапам.

Понятие собственно средневековая археология начинается с VI—VIII вв., т. е. с так называемого тюркского времени, которое в науке принято называть временем раннего средневековья. Археологические памятники этого периода на территории Казахстана изучены недостаточно. Поэтому исследованные памятники раннего средневековья принято относить к тюркам Ашина, т. е. к чужеземным (возможно, и родственным) племенам, в то время установившим политическое господство над аборигенными племенами Казахстана. Разумеется, политическое господство и традиционное в древности распространение имени завоевателя на покоренные племена не означали исчезновения автохтонного населения. Аборигены продолжали оставаться основой общества в новом государственном образовании. Археологический и антропологический материал поздних усуней и кангюйев свидетельствует, что не произошло и сколько-нибудь значительной ассимиляции аборигенов или нивелировки их материальной культуры.

Изучение памятников тюркского времени имеет большое значение для раннесредневековой истории Казахстана. Именно в это время на территории всего Казахстана, в частности в его южных регионах, происходит интенсивное развитие земледельческой культуры, рост укрепленных поселений, феодальных замков и крепостей; развивается ремесло, торговля, товарно-денежное обращение. Если предыстория городской культуры Казахстана находится в пластах культуры саков, усуней, кангюйев, то история древних городов начинается в тюркское время.

²⁸ Раскопки М. А. Игиной (Тагискен) и О. А. Вишневской (Уйгарак). См.: С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 185—186.

²⁹ Г. Г. Бабанская. Берккаринский могильник. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. I, Археология, 1956, стр. 189—206; А. Г. Максимова. Погребальные сооружения скотоводческих племен. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау», стр. 97—99.

³⁰ Л. Я. Маловицкая. Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1950, вып. 2, стр. 119—121.

Следовательно, разработка проблем отрарского комплекса неразрывно связана с изучением памятников древнетюркского времени.

При экспедиционных поисках и раскопках опорными могут быть как поселения городского типа, так и могильники. Бесспорно, положительные результаты дадут параллельные раскопки обоих типов памятников, особенно если они хронологически связаны между собой. Поэтому представляются перспективными начатые раскопки грандиозного могильника (р. Арысь), известного в археологической литературе под названием Борижарского³¹. Борижарский могильник, как установлено, являлся некрополем городища Джуан-тобе. Оба памятника датируются VII—XII вв. Такие же некрополи имеются около городищ Отрар-тобе, Караспан-тобе, Шага.

Одной из задач средневековой археологии Казахстана, связанной с вопросами истории тюркского времени, являются поиски и раскопки памятников тюргшей, карлуков и огузов. Ныне археология Казахстана не знает, какие памятники достоверно можно соотнести с их именами, и не представляет этнографический облик культуры этих племен. Однако, проанализировав письменные сообщения Ибн Хордадбеха и Кудамы, следует искать памятники карлуков в междуречье среднего течения рек Таласа и Чу. Не без оснований можно отождествить Касрибас, Кульшуб и Джильшуб ибн Хордадбеха и Кудамы именно с этим регионом³².

Как уже отмечалось, интенсивное археологическое и востоковедческое изучение истории Казахстана тюркского времени остается одной из кардинальных задач. Именно в этот период совершались первые попытки консолидации многочисленных автохтонных тюркоязычных племен в единый народ, что наиболее четко проявилось в процессах государствообразования. Венцом государства древних тюрков (ибо лишь к XI—XII вв. термин «тюрк» покрыл остальные племенные названия и стал синонимом «единого» народа³³) было государство Караханидов, территория которого охватывала все основные районы обитания тюркоязычных племен.

В современной исторической науке принято считать первым на территории Средней Азии и Казахстана государственным образованием раннефеодального типа государство, созданное в 522 г. под эгидой тюрков Ашина. Начиная с этого времени происходит непрерывный процесс сложения государственных объединений, хотя и под разными названиями, но на одной обширной территории обитания многочисленных тюркоязычных племен. Так, в 581 г. государство тюрков Ашина разделилось на два самостоятельных

³¹ Б. Нурмуханбетов. Раскопки Борижарского могильника. Сб. «Археологические открытия 1967 г.». М., 1968; е го же. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана». Сб. «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969.

³² С. В. Во л и н. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960, стр. 74—77.

³³ А. М. Щ е р б а к. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959, стр. 99.

каганата: Восточнотюркский и Западнотюркский. Межплеменная борьба за политическую гегемонию привела к возвышению одних и падению других. Имя племени-победителя становилось названием государства. Таковы Каганаты тюркешей (начало 40-х годов VIII в.), карлуков (766—940 гг.), уйгуров (745—840 гг.), енисейских кыргызов (IX—XII вв.)³⁴. Как уже говорилось, высшим этапом развития общественных отношений у тюркоязычных племен Востока было государство Караханидов (940—1141 гг.).

В настоящее время можно лишь гадать, какого уровня общественного развития достигло бы Караханидское государство, если бы его процесс не прервала «Отрарская катастрофа». Нашествия чуждых по происхождению, языку и культуре племен затормозили не только развитие государства, но, что особенно важно, и процесс консолидации тюркоязычных племен в единые народности. В этом аспекте вопросы археологии тюркского времени имеют большое теоретическое значение для исследования проблемы этногенеза казахов и тюркоязычных народов Средней Азии. Поэтому мы еще раз подчеркиваем важность раскопок памятников ранне- и поздне-тюркского времени и настаиваем на необходимости включения проблем, связанных с этим кругом памятников, в проблематику древнего Отрара.

Уже отмечалось, что археология развитого средневековья наиболее слабо исследована, достаточно напомнить, что из более чем 300 остатков укрепленных поселений и средневековых городов, известных на территории юга Казахстана, раскопаны лишь поселения Актобе (северные склоны Каратау), Чоль-тобе (долина среднего течения р. Талас), частично поселения Актобе (Чардаринская долина) и Караул-тобе (долина р. Арысь) и два городища джетыясарского комплекса (правобережье низовьев Сырдарьи).

Еще хуже обстоит дело с изучением остатков феодальных городов. Полной и детальной раскопке не подвергалось ни одно из них. Произведенные работы были ограничены датировочными шурфами и раскопками небольших площадок, преимущественно верхних строительных горизонтов. Несколько лучше обследованы два городища: Баба-Ата (северные склоны Каратау)³⁵ и Актобе (Чардаринская долина)³⁶, но и на них вскрыты сравнительно небольшие площади отдельных участков городищ. Однако их изучение пополнило наши знания о планировке и архитектуре средневекового города Казахстана, о хозяйстве и быте населения в VI—XII вв. Но Баба-Ата и Актобе, как показали результаты раскопок, были небольшими провинциальными городами средневекового Казахстана, стоявшими в стороне от культур-

³⁴ Каганат кыргызов Л. Р. Кызласов не без основания предлагает называть древнеказахским государством. См. его работу «История Тувы в средние века». М., 1959, стр. 88—93.

³⁵ Е. И. Агеева. Памятники средневековья (Раскопки на городище Баба-Ата). В кн.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962.

³⁶ М. С. Мерц и е в. Городище Актобе 1 (IV — начало XIII в.). В кн.: «Древности Чардары». Алма-Ата, 1968.

ной и политической жизни столичных центров средневековых городских цивилизаций, в стороне от магистральных торговых дорог. Поэтому даже при условии их полных раскопок не были бы получены материалы, могущие дать полную информацию об уровне развития древнеказахстанской городской культуры, степени эволюции составных частей средневекового города, развитии ремесла, торговли, денежного обращения, т. е. о тех вопросах, которые связаны с изучением истории феодализма на территории Казахстана по археологическим данным.

Несомненно, для выяснения этих вопросов городище древнего Отрара и другие памятники указанного региона более перспективны.

Таковы основные направления развития археологической науки в Казахстане, которые могут быть определены в связи с комплексным изучением Отрара и древностей Отрарского оазиса и прилегающих районов Южного Казахстана. Среди них первоочередной задачей должно быть развитие средневековой археологии Казахстана, многолетние и масштабные раскопки городища древнего Отрара.

В последние 15 лет в службе древности республики развивалась преимущественно первобытная археология. В конечном итоге историческая наука имеет хотя не полное, но достаточное представление о казахстанском палеолите, эпохе бронзы и раннего железа. В будущем предполагается продолжить изучение памятников этих эпох.

Как и прежде, в перспективе казахстанская археология должна развиваться на основе параллельного изучения памятников кочевнической и земледельческой культуры. Только такая направленность работ приведет к успешному решению задач, стоящих перед археологией республики.

ABSTRACT

This monograph deals with the historical topography, stratigraphy, chronology and prospects of exploring the ruins of medieval towns situated in the valley of the middle Syrdarya River, the Down and Middle Arys River as well as those on the northern and southern slopes of the Karatau Mountains. Special attention has been paid to the relics of urban culture of the Otrar oasis, the site of ancient Otrar being of primary interest. This book is the result of the four-year research and field explorations (1966—1967, 1969—1970), the papers and books of our predecessors and evidences of written sources having been widely used.

The book is based on the results of archeological explorations carried out on various trends.

Route-surveying work: both known and newly found relics have been mapped, photographed and dated. As a result a new archeological map has been compiled, including all the known relics as well as about 70 sites of ancient towns, settlements and estates hitherto unknown.

Archeological and topographical work: all the relics of the oasis and its neighbourhood have been measured both by instruments and field sketching. A large-scale instrumental surveying has been done on the sites to be excavated in the near future, namely, Otrar, Mardan-Kuyuk, Altyn-tobe, Kyuiryuk-tobe, Buzuk-tobe.

Aerial methods: aerial survey of most of the relics of the Otrar oasis, the Arys River Valley and the Karatau Mountains has been done. A number of new facts have been obtained as to the topography and planning of the sites, as well as to the pattern of irrigation works, the area of the ancient irrigation systems.

Stratigraphic excavations and digging: they have been made on relics dating to different periods: Kos-tobe (south) I—VIII cc., Zhartytobe — IV—VIII cc., Botay-tobe, estate, — VI—VII cc. and Otrar.

A stratigraphic excavation (24×8 m) has been made on the central hill of Otrar (the area of the ancient shahristan). The digging has been done down to the parent layer of 16 m depth from the day surface of

the hill. The stratigraphic excavation has revealed seven cultural layers, including 14 construction levels within the period between V—VI cc. and XVII—XVIII cc. A. D.

The V—VI cc. level presents a poorly preserved wall resting on massive ashpit of about 5 m (the 14-th construction level). The VII—VIII cc. level includes four construction levels (10, 11, 12, 13). The thickness of the layer is 3,5 m. The X—XI cc. level comprises one construction level (9). The thickness of the layer is 0,75 m. The XII—XIII cc. level comprises one construction level (8) of 0,75 m thick. The XIII—XIV cc. level comprises one construction level (7) of about 1 m thick. The XIV—XVI cc. level comprises five construction levels (2—6), 1,5 m thick. The XVII—XVIII cc. level comprises one construction level (1) of 0,50 m thick. The Otrar territory displayed the X—XIII cc. level.

The study of numerous ceramic collections has made possible to distinguish special complexes of ceramics, which are preliminary connected with definite ethnic names, namely, with Asses (I—VI cc., jars with a double handle); with Pechenegs (VI—X cc., stucco moulding red-polished kitchen utensils decorated with drawn and pressed in geometric patterns); with Kipchaks (XI—XIV cc., non polished ceramics with carved and painted ornamentation, redcoloured polished utensils).

In connection with the study of Otrar, the antiquities of the Otrar oasis and the adjacent regions of South Kazakhstan main trends for the development of archeological science have been envisaged. The problems to be studied are those of the medieval towns of South Kazakhstan, and the historic Dasht-i Kipchak; South Kazakhstan, Shash and Sogd.

These problems include themes such as cultural, commercial and political relations between the nomads and farmers; the part played by the cattle and sheep breeders in town development as well as the influence of towns upon the nomadic economy and culture; the correlation of elements of nomadic and farming cultures in the medieval urban civilization of South Kazakhstan; the ethnic community of the South of Kazakhstan and Dasht-i Kipchak; the history of the Kipchak culture and ways of the development of the culture of the Kazakhs.

The Otrar problems also include the topic of settling of the primitive people on the territory of Kazakhstan, the evolution of their culture, the study of relics of the South Kazakhstan version of the Andronov and Dandybay-Begazin culture, the archeology of Saka, Husun, Kangui and Turks.

Thus the monograph is one of the most complete information on Otrar and other towns and settlements of South Kazakhstan.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	9
Физико-географический очерк района среднего течения Сырдарьи	—
История археологического изучения Отрара и Отрарского оазиса	12
Глава I. Древний Отрар по данным письменных источников и топография городища Отрар-тобе	26
Фараб — Отрар — Отрар-тобе	—
Топография городища Отрар-тобе	43
Глава II. Вопросы стратиграфии и хронологии древнего Отрара	51
Стратиграфия Отрара	—
Общий обзор керамики	83
Глава III. Топография и хронология памятников Отрарского оазиса и его Каратауской периферии	123
Памятники нижнего течения Арыси	—
Памятники правого берега Сырдарьи	139
Памятники левого берега Сырдарьи	153
Памятники низовьев Бугуни	164
Памятники южных и северных склонов Каратау.	170
Глава IV. К этнической атрибуции памятников Отрарского оазиса	181
Заключение	201
Древний Отрар и теоретические проблемы архео- логии Казахстана	—
Abstract	213